

270791

СИБИРСКІЙ

СВѢДѢНІЯ

C. 05.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Озврънію“

1886 г.

КНИГА I. 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).

1886.

ПРОВЕРЕНО
1886 г.

270791

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 мая 1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

Книга I-я, 1886 г.

	СТР.
I. Горой. (Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу). Д. Н. Мамина (Д. Сибиряка).	1
II. Раскольничьи общины на границѣ Китая. Н. М. Ядринцева.	21
III. Сузгѣ. (Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири). Поэма П. Ершова, автора „Конька-Горбунка“	48
IV. Ермакъ Тимофеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья I-я. А. В. Оксенова	75
V. Крѣпостничество въ Сибири. (Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи). К. П. Михайлова.	93
VI. Амурская Калифорнія. (По разсказамъ очевидца).	138
VII. Путешествіе итальянца Сомье по Сибири. П. М. Головачева.	169
VIII. Критика и библиографія: Памятники сибирской исторіи XVIII-го вѣка. Книга вторая. (1713—1724). Спб. 1885. А. О.—Владиміръ Майновъ. Очеркъ юридическаго быта мордвы. Записки И. Р. географическаго Общества, по Отдѣленію этнографіи, т. XIV, вып. I. — Vambéry. Das Türkenvolk. Leipzig. T. A. Brockhaus. 1885. (Вамбери. Тюркская народность). Д-ра Э. Ю. Петри.—Henri Moser. A travers l'Asie Centrale. Impressions de voyage. 1886. Д-ра Э. Ю. Петри.—Proben der Volksliteratur der nördlichen Türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, Der Dialect der Kara-Kirgisen. S.-Pb. 1885. — Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879—1880 годахъ по порученію И. Р. географическаго Общества Г. Н. Потанинымъ. Выпускъ III. — Записки восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества, I, вып. I, 1886 г., изд. подъ редакціей барона В. Р. Розена.—Из-	

вѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XXI, выпускъ 6, 1885 г., и 7-й, 1886 г.—Э. Гранстремъ. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г. Спб. 1885.—Россія дальняго Востока. Франца Шперка. Записки И. Р. географическаго Общества, т. XIV, 1885.—Матеріалы для статистики населенія въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, собранные изъ данныхъ, доставленныхъ переписью, произведенною 1-го января 1883 года.—Пособіе для написанія исторіи Забайкалья. В. К. Андріевича. Иркутскъ. 1885.—Результаты сибирской нивелировки, произведенной въ 1875—1876 году отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала. (Зап. Импер. рус. геогр. Общ., т. XV, № 1, издан. подъ редак. А. А. Тилло). Спб. 1885. Я. М.—О золотопромышленности изъ сочиненія «Gold, its Occurrence and Extraction» А. Локка. Извлеченіе горнаго инженера С. И. Серебренникова. Мѣсто-рожденія золота. («Горный Журналъ», 1885 г., книги 11-я и 12-я). Я. М.—Записки западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, кн. VII, выпуски I-й и II-й.—Извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, томъ XVI, №№ 1, 2 и 3 за 1885 годъ. Иркутскъ. 1886.—Библиографическій списокъ книгъ и брошюръ о Сибири за 1884—1885 и 1886 годъ до 1-го апрѣля.

Къ сборнику прилагаются рисунки.

Отъ редакціи. Книжка эта запоздала выходомъ въ слѣдствіе желанія редакціи приложить еще нѣкоторые виды и типы, приготовленіе которыхъ слишкомъ затянулось, но мы надѣемся ихъ выпустить при 2-й книгѣ приложеній.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О цѣли и назначеніи приложеній къ „Восточному Обзорѣнію“ мы имѣли честь заявить нашимъ читателямъ при объявленіи объ изданіи „Сборниковъ“ (см. № 46 „Восточнаго Обзорѣнія“ за 1885 г.).

Оставаясь вѣрной предпринятымъ задачамъ содѣйствовать развитію областной печати и мѣстнымъ изслѣдованіямъ нашей дорогой родины, редакція „Восточнаго Обзорѣнія“, въ виду необходимости дать мѣсто болѣе обширнымъ и капитальнымъ статьямъ о краѣ, а также беллетристическимъ произведеніямъ, исходатайствовала право присоединять къ газетѣ *приложенія въ видѣ особыхъ книжекъ*, которыя будутъ выходить періодически впродолженіе года. Такимъ изданіемъ мы намѣрены отчасти удовлетворить нарождающейся потребности ознакомленія русскаго общества съ обширными русскими владѣніями на Востокѣ, интересъ къ которымъ растетъ по мѣрѣ ихъ гражданскаго развитія, съ другой стороны удовлетворить мѣстной потребности. Изданіемъ „Сборниковъ“ мы имѣемъ въ виду дополнить существующія сибирскія еженедѣльные изданія. Мѣстная печать, начавъ дѣло съ газетъ, потребуетъ современемъ развитія, мы дѣлаемъ первый шагъ къ выдѣленію въ нашихъ мѣстныхъ изданіяхъ статей журнальныхъ. Не претендуя нашими приложеніями осуществить вполнѣ журналъ со всѣми его отдѣлами, мы, однако, будемъ дѣлать попытку въ этомъ направленіи, полагая, что когда нибудь придетъ время и областной журналистикѣ. Мы думаемъ, что польза такихъ изданій сама собой выяснится по мѣрѣ сосредоточенія въ нихъ цѣннаго научнаго и литературнаго матеріала, и тѣмъ самымъ докажетъ право ихъ на существованіе.

Такой путь развитія нашей печати мы считаемъ наиболѣе полезнымъ въ данную минуту для окраины и болѣе соответствен-

нымъ, чѣмъ переходъ къ газетамъ ежедневнымъ, при отсутствіи животрепещущихъ ежедневныхъ политическихъ новостей и событий. Въ этой области придется только пробавляться перепечатками изъ столичныхъ газетъ, за то нельзя отрицать значенія и важности литературы, состоящей изъ солидныхъ статей и изслѣдованій. Внося извѣстный вкладъ въ литературу объ области, они послужатъ знанію вообще, и въ частности помогутъ установить болѣе правильныя воззрѣнія на жизнь окраинъ. Специальный органъ можетъ выдѣлить все цѣнное, создать правильную критику и противодѣйствовать распространяемымъ заблужденіямъ и поверхностнымъ сужденіямъ о нашей мѣстной жизни. Подготавливая солидный матеріалъ для разрѣшенія жизненныхъ и насущныхъ вопросовъ населенія, такой органъ при энергіи, любви къ дѣлу, сосредоточивъ всѣ мѣстныя литературныя силы, проникнутыя желаніемъ блага населенію, болѣе всего можетъ принести пользы, устранивъ предубѣжденія мѣстнаго общества къ печати и научивъ его уважать литературу, какъ важный и необходимый факторъ общественной жизни.

Помочь нарожденію такой „литературы“ въ лучшемъ и самомъ широкомъ значеніи этого слова составитъ нашу задачу. Отдавая свои силы и приглашая принять участіе въ этомъ дѣлѣ другихъ, мы льстимъ себя надеждой, что трудъ, вносимый нами, будетъ оцѣненъ и признанъ тѣми, кто дорожитъ судьбою окраинъ и просвѣщеніемъ нашей родины.

УТВЕРЖДЕННАЯ ПРОГРАММА

особаго приложенія къ газетѣ „Восточное Обзоріе“.

1. Отдѣлъ беллетристическій, заключающій бытовые очерки, повѣсти и романы изъ жизни Востока и Сибири. Изысканная литература и поэзія.
2. Научный отдѣлъ. Путешествія и изслѣдованія, касающіяся русскихъ владѣній въ Азіи и сопредѣльныхъ странъ. Изслѣдованія русскаго и иностранческаго быта. Статьи по естествознанію, этнографіи, антропологии, статистикѣ, исторіи и археологіи.
3. Историческіе, экономическіе и этнографическіе матеріалы. Былины, пѣсни и сказки, а также инородческія легенды и произведенія народнаго творчества и міросозерцанія.
4. Переводы путешествій и очерковъ, касающихся Азіи, русскаго Востока, Туркестана и Сибири.

5. Обзоръ литературы: критика и библиографія русскихъ и иностранныхъ сочиненій.

6. Новости науки и литературы. Къ статьямъ, особенно этнографическимъ и научнымъ, могутъ быть прилагаемы рисунки и карты.

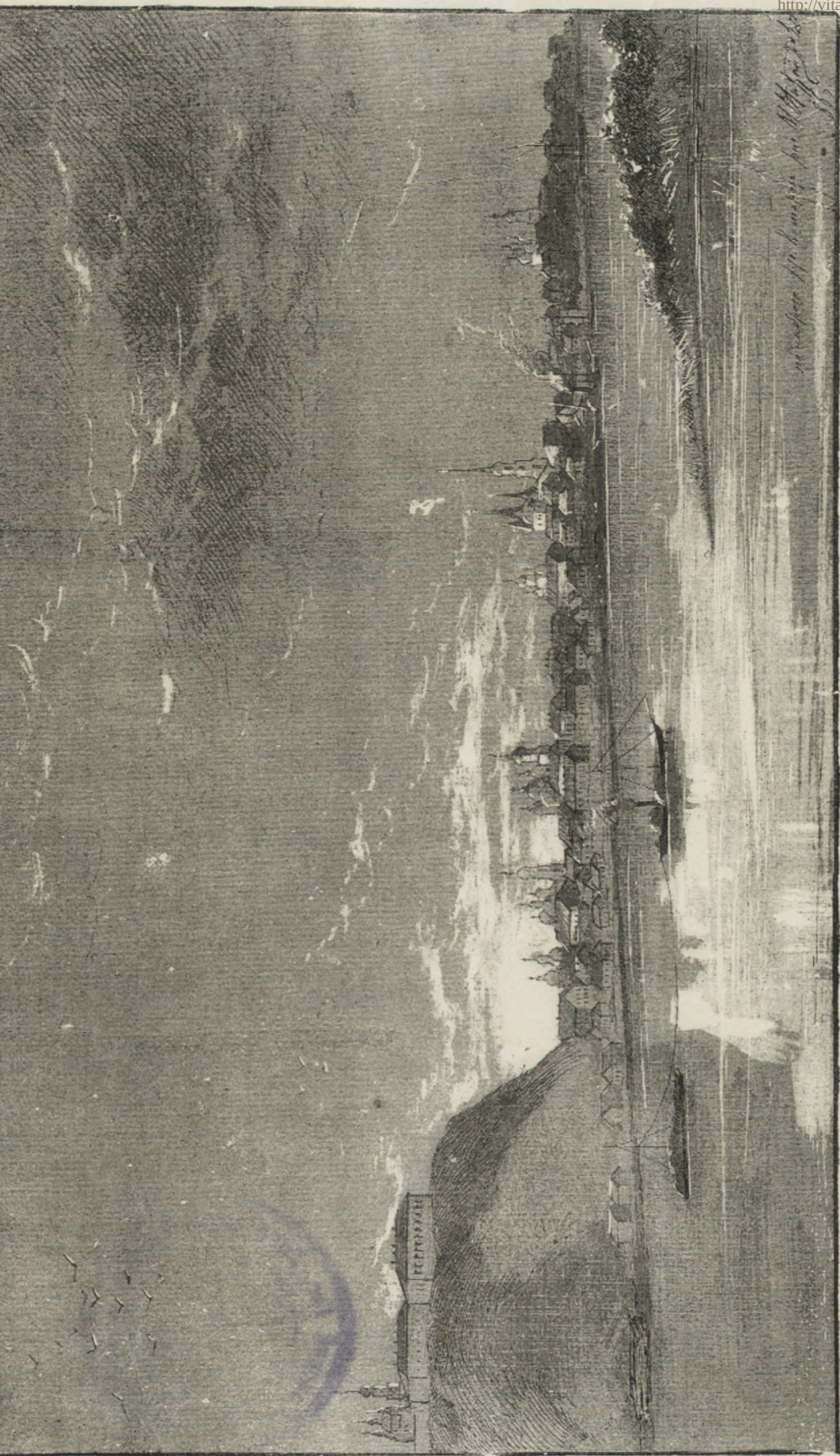
Срокъ выхода приложенія отъ 4 до 12 разъ въ годъ.

Подписная цѣна на газету съ приложеніями для подписчиковъ увеличивается на два рубля, для неподписчиковъ на газету—5 рублей.

Въ отдѣлѣ беллетристики примутъ участіе: Н. И. Наумовъ, Д. Н. Маминъ (Д. Сибирякъ), М. С. Знаменскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, Завитковъ, Нелюбинскій, Семилужинскій и друг., а также редакція надѣется имѣть очерки сибирской жизни уважаемаго С. В. Максимова и П. А. Ровинскаго.

Изъ серьезныхъ статей будутъ помѣщаться: изслѣдованія о землевладѣніи и крестьянскомъ хозяйствѣ, о золотопромышленности и положеніи труда на приискахъ, изслѣдованія изъ исторіи ссылки, переселеній въ Сибирь, этнографическія описанія племенъ и народовъ Сибири, которыя мы думаемъ обогатить переводами изъ Радлова, Вамбери, Оскара Пешеля, Лансделля и друг. Затѣмъ войдутъ отчеты изъ путешествій и ученые статьи Г. Н. Потанина, И. С. Полякова, И. Я. Словцова, А. М. Позднѣева, А. В. Адрианова, и друг.

Въ историческомъ отдѣлѣ намъ обѣщано участіе нашего даровитаго историка *В. И. Семевского*. При изданіи будетъ помѣщаться подробный библиографическій перечень выходящихъ книгъ о Сибири.

Г. Тобольскъ (съ рис. П. М. Кошарова).

ГОРОЙ.

Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу.

I.

Путешественники, которые теперь переѣзжаютъ черезъ Уральскія горы по желѣзной дорогѣ, даже приблизительно не могутъ себѣ представить всѣхъ тѣхъ неудобствъ и затрудненій, съ какими прежде неизбежно былъ соединенъ этотъ перевалъ изъ Европы въ Азію, или наоборотъ — изъ Азіи въ Европу.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ мнѣ случилось ѣхать изъ Петербурга въ Зауралье. Студенческіе сборы невелики: тощенькій чемоданчикъ, подушка, пледъ — и больше ничего. До Перми путешествіе въ лѣтнее время — я ѣхалъ въ началѣ іюня — обставлено всѣми удобствами цивилизаціи: до Нижняго по желѣзной дорогѣ, а отъ Нижняго — на пароходѣ. Все шло отлично, и черезъ пять дней я былъ въ Перми. Считаю своимъ долгомъ принести нашу общую студенческую благодарность пароходной компаніи «Кавказъ и Меркурій», предоставлявшей право студентамъ за цѣну третьяго класса ѣздить во второмъ. Эта благодарность выходитъ заднимъ числомъ, но, во-первыхъ, лучше поздно, чѣмъ никогда; во-вторыхъ, компанія «Кавказъ и Меркурій» прекратила пароходство между Пермью и Нижнимъ, а нынѣшнія пароходныя компаніи не предоставляютъ учащимся никакихъ льготъ.

Итакъ, я въ Перми съ восемью рублями въ карманѣ, а нужно еще сдѣлать на лошадяхъ больше трехсотъ верстъ, притомъ приходилось ѣхать или убійственнымъ сибирскимъ

трактомъ на Екатеринбургъ, или еще болѣе убійственнымъ гороблагодатскимъ на Тагиль. Первый путь былъ для меня длиннѣе, но можно было скорѣе найти компаніона; второй короче, но приходилось ждать компаніона. Получалось что-то въ родѣ сказочной «розтани», гдѣ расходились три пути-дороги: по первой поѣдешь—самъ будешь сытъ, конь голоденъ, по второй поѣдешь—конь сытъ, самъ голоденъ и т. д. Съ восемью рублями въ карманѣ далеко не ускочишь, и мнѣ пришлось прождать въ Перми цѣлыхъ восемь дней, вѣроятно, по числу рублей, пока выискался какой-то еврей.

Погода стояла отличная. Отъ Перми до Кыновскаго завода считается около 200 верстъ, и мы выѣхали этотъ конецъ ровно въ сутки. Въ Кыну намъ приходилось разстаться—мой еврей долженъ былъ ѣхать гороблагодатскимъ трактомъ дальше, къ Тагилу, а я предпочелъ отправиться «горой», т. е. вверхъ по р. Чусовой. Мнѣ случалось тутъ ѣздить не разъ, и я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлалъ этотъ перевалъ верхомъ по бурлацкимъ тропамъ, такъ какъ тутъ на разстояніи семидесяти верстъ пути до самой Межевой Утки, гдѣ была тогда демидовская пристань, не встрѣтишь ни одного колеса. Это замѣчательно дикій и глухой уголокъ, оставшійся какъ-то въ сторонѣ отъ всякой цивилизаціи — и теперь тамъ нѣтъ колесныхъ дорогъ. Желѣзная уральская дорога окончательно убила эту позабытую Богомъ и людьми сторону, потому что прежде она оживала хоть на время навигаціи, когда по рѣкѣ Чусовой съ ранней весны до поздней осени сплавлялись заводскіе и купеческіе караваны, а нынче грузы идутъ желѣзнымъ путемъ.

Повѣрье, что, если разъ не повезетъ, такъ не будетъ счастья до самаго конца, оправдалось на мнѣ самымъ блестящимъ образомъ. Оставшись въ Кыну, я никакъ не могъ найти верховой лошади и проводника на проходъ до Межевой Утки. Прежде всегда были лошади, и своя цѣна установилась—три рубля за пару лошадей. Я обходилъ весь заводъ, но никто не соглашался везти дальше ближайшей чусовской деревушки Деменево. Чтобы не сидѣть въ Кыну, пришлось согласиться и

на это, хотя въ Деменевоѣ было всего пять дворовъ и трудно было разсчитывать на подводу.

— Да ужъ вѣрно тебѣ говорю: въ Деменевоѣ завсегда лошади есть,—увѣрялъ меня старикъ проводникъ.

— А если нѣтъ?

— Ну, тогда на лодкѣ подымутъ...

— Да вѣдь до Утки на лодкѣ ходу двоѣ сутки?... Верхомъ-то я утромъ изъ Кына, а къ вечеру на Уткѣ... Да и дорого на лодкѣ.

— Ужъ это обнаковенно, на коняхъ куда способнѣе. Ужъ это што говорить... Тропами пятьдесятъ верстѣ будетъ-не-будетъ, а водой всѣ семьдесятъ. Не близкое мѣсто лодку-то подымать. Только лошади въ Деменевоѣ завсегда есть...

Выбирать было не изъ чего, и пришлось согласиться съ гипотезой, что въ Деменевоѣ непременно должны быть лошади.

Мы выѣхали раннимъ лѣтнимъ утромъ, чуть-свѣтъ. И рѣка Чусовая, и весь Кыновскій заводъ еще были подернуты туманной мглой. Этотъ чусовской заводъ считается однимъ изъ очень красивыхъ на Уралѣ, но мнѣ положительно не нравится—ужасно дикое мѣсто, и весь заводъ точно спрятался въ глубокой горной расщелинѣ. Прямо изъ завода наша дорога пошла въ гору, открывая горную панораму съ каждымъ шагомъ впередъ все шире и шире. Рѣка Чусовая съ вершины горы казалась такой обыкновенной рѣченкой, которую только вотъ курицы не перебродятъ. Кругомъ обступили ее непривѣтливныя и высокія горы, заставляя выдѣлывать такіа колѣна и кривулины, точно ползла змѣя. Мнѣ больше всего не нравится здѣшній лѣсъ—угрюмый, непривѣтливый, и эти болота, которыя не только въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ имъ самъ Богъ велѣлъ быть, но и на горахъ. Последнее просто возмутительно. Подымаешься-подымаешься по каменистой дорогѣ въ гору, и вдругъ верстѣ на пять разляжется самая непролазная болотина, гдѣ приходится ѣхать то по колѣно въ грязи, то по такимъ сланямъ, гдѣ несчастная лошадь прыгаетъ съ мостовины на мостовину точно по клавишамъ. Тутъ можно и ногу сломать, и голову, а главное такъ навихаетъ въ сѣдлѣ, что нескоро разогнешься. Впрочемъ, это только первая са-

мая скверная станція, а дальше дорога идетъ берегомъ Чусовой и ѣдешь даже съ удовольствіемъ.

Не смотря на хорошую погоду и сравнительно хорошую дорогу, мы въ Деменеву пріѣхали часовъ черезъ пять. Деменева раскидала свои пять избышекъ на лѣвомъ высокомъ берегу Чусовой, и можно только удивляться, что заставляеть крещеныхъ людей жить въ этой труппѣ.

— Эй, кто живъ человѣкъ есть!... кричалъ старикъ, периодически подѣзжая къ избушкамъ и постукивая кнутовищемъ нагайки въ оконца.—Барина я привезъ, коней надобно... Эй, живая душа, выходи!...

Всѣ пять избъ точно вымерли, и только въ одной мелькнули бѣлыя дѣтскія головки и сейчасъ же спрятались. Въ самой послѣдней избушкѣ откликнулась какая-то больная старуха.

— Никого нѣту, родимые... и званья никого нѣтъ!—слышался разбитый старческій голосъ.

— Да вымерли што ли?...

— Зачѣмъ вымирать... Мужики-то разбрелись по убившимъ баркамъ, ну и бабешки съ ними, и дѣвки. По цалковому поденщины платять дѣвченкамъ... вотъ какое дѣло. Въ Тесовомъ броду убившая барка, подъ Высокимъ-Камнемъ.

— Ну, что я теперь буду дѣлать?—накинулся я на проводника:—вѣдь я тебѣ говорилъ, что лошадей нѣтъ... а?... ну?...

— Вотъ поди жъ ты, какъ оно тово...

— Что же я здѣсь буду дѣлать?..

Мой старикъ, видимо, былъ сконфуженъ и долго чесалъ кнутовищемъ у себя за ухомъ. Потомъ движеніемъ головы передвинулъ свою шляпу съ уха на ухо, и убѣжденнымъ голосомъ проговорилъ:

— Чегонибудь вретъ старуха, баринъ... Какая нибудь да есть живая душа!...

Мы спѣшили. Старикъ пошелъ въ избу, а потомъ я видѣлъ, какъ онъ перелѣзалъ черезъ прясло въ сосѣдній огородъ. Черезъ четверть часа слышался разговоръ и даже смѣхъ. Мой проводникъ перелѣзалъ опять черезъ прясло, но теперь въ сопровожденіи какой-то бабы, которая не безъ кокетства толкала старика въ шею.

— Вонъ какую я тебѣ звѣрину привелъ... весело заговорилъ старикъ, появляясь въ воротахъ: — почище другой лошади-то будетъ. Параха, вотъ тебѣ и баринъ...

— Лошади есть?—спросилъ я ухмыляющуюся Параху.

— Какіе у насъ кони, баринъ...

— Такъ какъ же?...

— А ужъ не знаю...

— Ты зачѣмъ же ее привелъ въ такомъ случаѣ?—накинулся я опять на старика.

— Можетъ, у сусѣдей у кого кони есть?—заговорилъ старикъ.

— И у сусѣдей нѣтъ... Сѣмишкина кобыла охромѣла, у другихъ кони въ пасевѣ. Да и какіе у насъ кони... Меринъ одинъ, да и тотъ кривой.

— Этакое пропащее мѣсто!—выругался старикъ и даже бросилъ свою шляпу ѓ-земь.—Параха, такъ какъ же мнѣ съ бариномъ быть?...

— Увезешь назадъ въ Кынь, — хладнокровно отвѣтила Параха, почесывая одной голой ногой другую.

Средняго роста, съ бойкимъ лицомъ и высокой грудью, эта Параха была подеревенски завидная баба. Ветхій, истрепанный сарафанишко изъ линючаго и гнилаго ситца сидѣлъ на ней съ тѣмъ особеннымъ щегольствомъ, какъ ходять только заводскія бабы. Здоровая, загорѣлая Параха глядѣла вообще козыремъ, какъ всѣ чувовскія бабы, побывавшія на сплавахъ.

— Придется, видно, тебѣ, баринъ, на душегубкѣ рѣкой подыматься,—рѣшилъ наконецъ старикъ: — вотъ Параха въ лучшемъ видѣ предоставитъ... Предоставишь, Параха?... Вонъ и лодки валяются: любую да лучшую выбирай.

Параха помялась для церемоніи, а потомъ согласилась.

II.

Наши сборы были недолгіе. Параха сбѣгала въ избу захватить понитокъ и краюшку хлѣба, наказала что-то семилѣтней босоногой дѣвчонкѣ, потомъ перемолвилась черезъ окошко съ больной старухой—и все тутъ. Было часовъ около десяти

утра, и въ воздухѣ чувствовался наливавшійся лѣтній зной. Наши лошади стояли, понутивъ головы, и тяжело отмахивались грязными хвостами отъ жужжавшихъ слѣпней. Мы спустились подъ гору, къ рѣкѣ, гдѣ на берегу валялось до десятка лодокъ-однодеревокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ душегубокъ. Названіе самое подходящее, потому что, когда я помѣстился въ одну изъ этихъ скорлупъ, а за мной встала Параха съ легкимъ шестикомъ въ рукахъ, — борта лодки отдѣлялись отъ воды всего какимъ нибудь вершкомъ запаса.

— Надо бы съ барина на шкаликъ... говорилъ старикъ, отталкивая лодку.

— За что это шкаликъ-то?...

— Какъ же... Вотъ какая баба-то: дерево смолевое да и солдатка къ тому будетъ.

— Будетъ тебѣ, мелево!... огрызнулась Параха и такъ двинула шестомъ, что наша лодка полетѣла вверхъ стрѣлой.

Нужно сказать, что чувствяне, какъ мужики, такъ и бабы, никогда не ѣздить въ своихъ душегубкахъ сидя, а непременно стоя. Маленькое и короткое веселко лежитъ въ носу лодки только на случай, когда выдастся особенно глубокое мѣсто, гдѣ шестикъ не достаетъ или когда приходится переплывать рѣку. Около берега лодка всегда идетъ на шестикъ, т. е. пловецъ стоитъ въ носу лодки и упирается шестомъ въ дно. Когда плывутъ двое, то можно полюбоваться—душегубка летитъ впередъ, какъ шука. Съ непривычки такъ и кажется, что въ такой верткой и неустойчивой лодкѣ вывернешься на десяти саженьяхъ, особенно въ бойкихъ мѣстахъ, какъ чувовскіе переборы, гдѣ струя бьется въ край лодки съ шумомъ и точно нарочно старается опрокинуть ее. Но стоило присмотрѣться къ той же Парахѣ, какъ она твердо стояла своими голыми ногами и какъ ловко работала шестикомъ, чтобы всякій страхъ прошелъ навсегда.

— Вѣдь ты устанешь скоро?—спрашивалъ я, съ удовольствіемъ растягиваясь по дну лодки.

— Зачѣмъ устану... съизмальства на водѣ бьемся... привычны. А пристану, такъ бичевой пойду... не въ первый.

Параха молодцовато взмахнула шестомъ, который едва до-

ставалъ до дна. Не смотря на малую лѣтнюю воду, Чусовая, все-таки представляла и теперь громадную силу сопротивленія—чувствовалось, какъ струя била въ дно лодки и точно не пускала ее впередъ. Паденіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было на столько велико, что положительно приходилось плыть въ гору. Изъ сплавныхъ рѣкъ Чусовая въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто.

День былъ великолѣпный. Скоро сдѣлалось до того жарко, что можно было изжариться въ собственномъ соку, какъ говорилъ одинъ знакомый чиновникъ. А Параха все помахивала своимъ шестикомъ, и можно было только удивляться желѣзной выносливости этого на диво сколоченнаго тѣла. Вѣдь эта работа пойдетъ и часъ, и два, и три. Каждый шагъ впередъ покупался громаднымъ напряженіемъ, а лодка шла ровнымъ, мѣрнымъ ходомъ, точно работалъ не человѣкъ, а машина. Изрѣдка Параха отмахивалась отъ одолевавшихъ ее мухъ, смахивала потъ съ лица и съ улыбкой начинала мѣрять дно своимъ шестомъ.

Замѣчательная эта рѣка Чусовая... Какъ всѣ настоящія красавицы, она хороша неувядающей красотой, которая въ каждое время года имѣетъ своеобразную прелесть. Весной — это дикій, неукротимый звѣрь, который играетъ съ ревомъ и стономъ, бросаясь на тѣснящіе его камепныя громады; осенью — это суровая, угрюмая рѣка, которая льется точно по высѣченному въ горахъ корридору, зимой — настоящая спящая красавица, скованная льдомъ и запущенная глубокимъ снѣгомъ. Теперь, лѣтомъ, Чусовая катится въ зеленыхъ берегахъ, мимо бойцовъ, горныхъ тѣснинъ и крутыхъ мысовъ лѣнливой струей, которая бурлитъ и бунтуетъ только на переборахъ. Что-то такое лѣнливое и сонное, ласковое и сильное чувствуется кругомъ... Вонъ и кустики распушились по берегу и свѣсили надъ водой свои зеленыя вѣтки, вонъ густая сочная осока зеленымъ бархатнымъ ковромъ ушла въ самую рѣку, вонъ красуются на берегу заливные луга, дремучій хвойный лѣсъ, свѣжіе березняки и остальная лѣсная поросль. Откуда нибудь изъ осоки бросается въ воду утиный выводокъ, тамъ насвистываютъ кулички и разная другая болотная мелочь. Всѣмъ и

честь, и мѣсто, и покой, и только на голыхъ скалахъ остаются грязно-бурья полосы, обозначающія вѣшній уровень воды. Глядя на развертывающіяся предъ вами картины мирнаго горнаго пейзажа, какъ-то отказываешься вѣрить, что эта же самая рѣка поднимается весной иногда на три сажени и сметаетъ, какъ пыль, не только траву и кусты, но и многолѣтнія деревья. Хороша именно эта дремлющая могучая сила, которая отдыхаетъ теперь, какъ заснувшій богатырь.

Да, мирно и тихо кругомъ. Горячо печетъ уральское солнце. Кой-гдѣ высыплетъ на берегъ мертвая деревушка, попадетъ гульная лошадь, которая мирно пасется въ густой травѣ, обгонитъ лодка — и опять зеленая пустыня охватываетъ васъ своимъ чарующимъ покоемъ, точно плывешь въ какомъ-то сказочномъ царствѣ. Вонъ и каменные дворцы, крѣпости, башни, валы... Тамъ высоко-высоко надъ головой по уступамъ и трещинамъ лѣпятся горныя ели и сибирскіе кедры, и кажется, что это не деревья, а живые люди. Вонъ спрятался за выступомъ скалы цѣлый военный отрядъ, выше на скалѣ неподвижно торчитъ часовой, а тамъ изъ-за зубчатыхъ стѣнъ выглядываютъ однѣ головы сказочныхъ богатырей. Не хочется вѣрить, что все здѣсь мертво и пусто. Воображеніе ищетъ движенія и жизни, глазъ придаетъ человѣческія формы дереву, ухо слышитъ и далекій звонъ, и окрикъ часовыхъ, и неясный гулъ тяжелыхъ шаговъ... Нѣтъ, это одна рѣка, сжатая въ каменныхъ берегахъ, разговариваетъ сама съ собой и рассказываетъ безконечную сказку.

Мечтаешь съ открытыми глазами и чувствуешь, какъ дѣлаешься сильнѣе и точно лучше. Даже Параха на время превращается въ сказочную улыбающуюся красавицу, которая ведетъ свою лодку куда нибудь въ замокъ...

— Нонѣ вода у насъ страшѣнная была по веснѣ,—говоритъ Параха:—коломенокъ страсть сколько убилося... Больше внизу, у Кумыша подъ бойцами.

— У Молокова?

— И у Молокова, и у Горчака... Слышь, семнадцать барокъ одинъ Горчакъ съѣлъ. Страсть была одна... Ну, и верховые бойцы тоже здорово играли. Сила не взяла на бар-

кахъ-то... Человѣкъ сотню бурлачковъ перетонуло, сердешныхъ. Снѣга больно глубоки были, а весна выпала поздняя, дружная—ну, рѣка и взыграла. Теперь чусовлянамъ на все лѣто хватить работы: металл добываютъ изъ воды, а потомъ грузить будутъ на полубарки да сплавлять по межени *).

— А подь верхними бойцами тоже много убилося коломенокъ?

— По всей рѣкѣ... Наши деменевскіе страсть сколь денегъ зарабатываютъ съ убившихъ коломенокъ.

— А ты?

— И я робила... Только вышла домой-то робятишекъ провѣдать. Тоже гребтиса... Въ деревнѣ-то одна старуха осталась. Кому горе да раззоренье, а намъ хлѣбъ... это съ убившихъ-то барокъ. Вонъ подь Зайчикомъ ихъ шесть штукъ расшиблось... съ пшеницей шли. Ну, теперь который мѣсяцъ кули изъ рѣки на берегъ тащатъ да сушатъ, а пшеница такъ и прѣетъ. Да вотъ самъ увидишь...

Мы разговорились. Меня интересовала жизнь такой глухой деревушки, какъ Деменева. Но Параха не умѣла рассказать, что было мнѣ нужно, т. е. о другихъ. О себѣ она говорила просто и толково. Неприглядная эта бабья жизнь. Она вышла за молодаго парня, а потомъ мужа взяли въ солдаты. Куда-то подь хивинца ушелъ. Послѣ мужа осталось двое ребятъ, а третьяго она прижила безъ него, когда ходила съ осеннимъ караваномъ.

— Ну, а мужъ воротится изъ службы?

— Пусть ворочается... извѣстно, будетъ бить. Не одна я солдатка-то... Мужнія-то жены на сплавахъ што дѣлаютъ, а што съ солдатки взыскивать: безотвѣтная головушка. Тоже пить-ѣсть надо, а какой нашъ бабій промыселъ... Бьешься-бьешься, маешься-маешься, а тутъ всякій къ солдаткѣ пристаеъ, потому непокрытое мѣсто. Ну, придетъ мужъ: бей... Тутъ вышелъ такой-то случай на Чусовой у насъ. Пришелъ этакъ-то солдатъ на побывку, ну, а у жены чужой ребенокъ—онъ и разстервенился, солдатъ-отъ. Ужъ онъ ее билъ-билъ,

*) Межень—лѣтняя вода.

билъ-билъ... Устанеть самъ бить, другихъ попросить... Такъ на смерть и заколотилъ, а ребенка оглушилъ. Дурачокъ теперь растеть...

Чѣмъ-то безотвѣтное слышалось въ этихъ нехитрыхъ разсужденіяхъ: придетъ солдатъ изъ-подъ хивинца и будетъ Параху бить на смерть... Она это знаетъ впередъ, но не уйдетъ никуда, даже не подумаетъ сбѣжать куда нибудь. Куда бѣжать? А ребятишки?... Да уже это такъ споконъ вѣку ведется, на роду написано кому что, то и будетъ. Куда же идетъ эта лошадиная бабья работа, заботы, непокрытая нужда? Мнѣ становится жаль Парахи, собственно даже не Парахи, а той солдатки, которая сидитъ въ ней... Что-то такое темное и стихійно злое есть въ человѣческой жизни, которое роковымъ образомъ становится поперекъ дороги, какъ вотъ эти чусовскіе бойцы.

— Скоро, видно, и Зайчикъ будетъ, — говоритъ Параха, налегая на свой шестикъ съ видимымъ усиліемъ. Втеченіе трехъ часовъ она отдохнула всего раза два, чтобы напиться. — Краюхина, Прова Михайловича, слыхивали, можетъ?

Я называлъ пристань, гдѣ царилъ Провъ Михайлычъ.

— Онъ самый... Шестъ барокъ убилъ нонѣ. Раззорится, говорить... Только нечисто дѣло вышло у него.

— А что?...

— Да такъ... нечисто. Грѣхъ случился...

— Какой грѣхъ?

— Разное болтають: онъ на зайчиковскихъ мужиковъ жалится, мужики на ево... Всякъ свое говорить. Конечно, не баская слава про Зайчики ходить, ну, да мало ли што болтають.

III.

Черезъ четверть часа показался длинный мысъ, на которомъ, высыпала бойкая деревнюшка дворовъ въ двадцать—она извѣстна подъ именемъ Зайчиковъ *) и получила свое назва-

*) Зайчикъ вымышленное названіе: между Кыномъ и Межевой Уткой такого бойца нѣтъ, какъ нѣтъ и деревни.

ніе отъ страшнаго бойца, который стоитъ немного повыше деревни. Еще подъѣзжая къ деревнѣ, издали можно видѣть верхушку большой известковой скалы; она стоитъ въ крутой излучинѣ, въ самомъ прибоѣ, и весной здѣсь ежегодно бьются барки. Этотъ боецъ пользуется громадной извѣстностью у бурлаковъ: «игристый камешекъ этотъ Зайчикъ... веселенькій».

Странно то, что этотъ боецъ создалъ деревню. Нужно кому нибудь вытаскивать убитыя барки, перегружать металлы и разный другой грузъ—вотъ и выросла цѣлая деревушка. Страшный боецъ каждый годъ давалъ работу на цѣлое лѣто.

Видъ деревни, какъ вообще всѣхъ чусовскихъ поселковъ, не особенно привлекателенъ, и первое, что бросается въ глаза, это необыкновенная близость лѣса. Нѣкоторыя избы стоятъ почти совсѣмъ въ лѣсу. По линіи берега попадается нѣсколько покосовъ, есть даже пашня — и только. Скотина пасется въ лѣсу. Избы разставлены безъ всякаго порядка; постройка хорошая, благо лѣсу не занимать-стать. Правый берегъ гористый, лѣвый, гдѣ выдался мысъ, отлогій, и только вдали синѣется горный скалистый гребень. Вообще мѣсто непривѣтливое и дикое. Жители—раскольники безпоповщинскаго толка, или, какъ говорятъ на Уралѣ, кержаки.

— Пустая деревня-то, всѣ на работѣ,—объясняла Параха, когда наша лодка ткнулась носомъ въ песчаный берегъ.

— Подъ бойцомъ?

— Подъ нимъ подъ самымъ. Вонъ, видишь, черныя кучи на берегу — это все мокрая пшеница навалена. Около нея страсть сколько народу бьется...

— Ну что, устала?

— Не то штобы больно пристала, а только плечо ломить да поясница отниматься начала.

Параха улыбнулась, показавъ свои бѣлые зубы. По уговору она обязалась доставить меня въ Зайчики и теперь поздравляла съ приваломъ, какъ это дѣлаютъ всѣ бурлаки. Взваливъ мои пожитки на плечо, она зашагала къ большой пятистѣнной избѣ, изъ воротъ которой бросилось на насъ штукъ пять собакъ.

— Пропasti на васъ нѣтъ... ругалась Параха, отмахиваясь.

ваясь отъ собакъ моимъ чемоданомъ:—Эй, кто дома живъ человекъ есть!... Сосипатръ-то дома?...

Въ окнѣ избы показалась всклоченная мужская голова и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на насъ воспаленными заплывшими глазками.

— Прову Михайлычу... здоровалась Параха.—А я думала, ты у коломенокъ у своихъ.

— Чего я тамъ не видалъ... хрипло отвѣтила голова и сейчасъ же скрылась.

— Закутилъ съ горя-то,—объяснила Параха:—и меня не узналъ, а прежде знавалъ и всегда стаканчикъ водки, бывало, поднесетъ. Это онъ съ горя... Эй, Сосипатръ!.. Кони есть?.. Сосипатръ... Да провалился ты, што ли?..

Изъ глубины темнаго двора, крытаго на раскольниковъ манеръ глухой крышей, послышался сначала старческій кашель, а потомъ несвязное бормотанье. Это и былъ Сосипатръ, лысый, сгорбленный старикъ, едва тащившій свои кривыя ноги. Онъ посмотрѣлъ на насъ изъ-подъ руки, какъ смотреть противъ солнца, и заговорилъ:

— Это никакъ ты, Параха... и съ бариномъ, надо полагать.

— Въ лѣсу нашла да вотъ привезла тебѣ показать: можетъ, поглянется, а не поглянется—вези дальше.

— Куда везти-то?...

— На пристань, на Межевую Утку.

— Коней-то нѣтъ дома... въ пасевѣ гуляютъ.

— Пошлешь за конямъ,—рѣшила Параха.

— А кто повезетъ?—спрашивалъ старикъ, продолжая разглядывать насъ изъ-подъ руки.

— Самъ повезешь... недалеко.

— Это навершной-то?.. Востра больно! Изъ Деменевой везла барина-то?...

— Изъ Деменевой... Да ты што насъ въ избу-то не зовешь, дѣдко?... Баринъ поись хочеть и чайку испить.... Провъ-то Михайлычъ, видно, у тебя проживаетъ?

— Видно у меня... Ну, заходите, инъ, въ избу. Спать Провъ-то Михайлычъ...

Мы вошли въ темный дворъ, поднялись по крылечку и очутились, наконецъ, въ избѣ, гдѣ на лавкѣ спалъ Провъ Михайлычъ, а на лавкѣ сидѣла какая-то молоденькая дѣвушка въ яркомъ кумачномъ сарафанѣ.

— Это ты, Лукерья?—удивилась Параха, складывая мое имущество на лавку.

Лукерья ничего не отвѣтила, а только указала глазами на громадную фигуру Прова Михайлыча, лежавшаго на лавкѣ подь окномъ.

— Да вѣдь онъ, сказывали, прогналъ тебя?—шепотомъ говорила Параха, здороваясь.

— Сперва прогналъ, а потомъ опять вытребовалъ... шепотомъ отвѣтила Лукерья, искоса взглядывая на меня. — За-маялась я съ нимъ, Паранюшка.

— Легкое мѣсто сказать: вонъ какое дерево... Вотъ што, Лукерьюшка, спроворь барину моему самоварчикъ. Я говорила Сосипатру, да вѣдь онъ забудетъ. Есть самоваръ-то у васъ?...

— Какъ же, есть... У Прова Михайлыча свой есть. Я сама поставлю, скорѣе дѣло-то будетъ.

Когда Лукерья вышла изъ избы, Параха сообщила шепотомъ, что эта Лукерья и есть «главная причина» всему дѣлу.

— Какому дѣлу?

— Ну, убившія барки значить... отъ нея все горе Прову-то Михайлычу. Вотъ ужь поѣдете, такъ Сосипатръ дорогой-то все обскажетъ...

Пока старикъ ходилъ въ лѣсъ за лошадьми и пока Лукерья ставила самоваръ, я пошелъ размять ноги. Деревня вся точно вымерла, и только оставались однѣ собаки. Всѣ были около убитыхъ барокъ. Я пошелъ по берегу къ бойцу. Большія темныя кучи, на которыя указывала давеча Параха, оказались цѣлыми валами изъ кулей съ пшеницей. Нѣсколько кучъ были изъ чистаго зерна, которое «горѣло» на солнцѣ. Ближе можно было уже слышать прогорѣлый запахъ горѣвшаго въ кучахъ зерна.

Нѣсколько женщинъ были заняты разборкой мокрыхъ кулей, другія разсыпали пшеницу, третьи переносили ее на носилкахъ изъ одной кучи въ другую. На самомъ берегу и въ

водѣ бродили десятки мужиковъ, разбиравшихъ убитыя барки и вытаскивавшихъ кули изъ воды на берегъ. Въ водѣ и на берегу торчали обломки барочнаго лѣса; разобрано было только двѣ барки, а четыре оставались еще въ водѣ. Онѣ сидѣли неглубоко, и можно было видѣть разбитыя части—у одной выворочено было плечо, другая стояла съ выхваченнымъ бокомъ, у третьей разщепало корму, и т. д.

— Богъ помочь!—поздоровался я съ работавшими.

— Спасибо...

Громадныя насыпи почернѣвшаго зерна ужасно походили на муравейныя кучи, а ходившіе по нимъ люди на муравьевъ. Я сунулъ руку въ одну изъ насыпей — внутри было горячо. Вытащенную изъ воды пшеницу негдѣ было просушить, и она теперь горѣла въ этихъ насыпяхъ.

— Былъ хлѣбушка, а сталъ навозъ,—замѣтилъ старикъ, очевидно, наблюдавшій за работой.

— Отчего мало рабочихъ у васъ?—спросилъ я.

— Да гдѣ ихъ взять-то... Негдѣ взять—вотъ и пачкаемся. По всей Чусовой нонѣ наколотило барокъ-то, ну, народъ и разбѣжался. Нашъ-то кормилецъ Зайчикъ вонъ какую работу наработалъ... Страсть глядѣть. Въ шести-то баркахъ девяносто тысячъ зерна было... Охъ-хо! согрѣшили мы, грѣшные! Вонъ дѣвкамъ по цалковому въ день платимъ, а онѣ, курвы, и знать не хотятъ... испотачались работой.

— Сколько барокъ разобрали?

— Да, видно, вторую кончаютъ, а тамъ еще четыре стоитъ въ водѣ. Не знаю ужъ, когда это мы и подыместъ ихъ. Главное, сила не беретъ на счетъ народу. А Провъ-то Михайлычъ свое... закутилъ не на животь, а на смерть. Тоже обидно, хоть до кого доведись.

Я присѣлъ на груду барочныхъ досокъ и смотрѣлъ на работу. Разговаривавшій со мной старикъ отправился къ работавшимъ бабамъ и, вѣроятно, изъ желанія показать свою энергію, началъ ихъ ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Бойкія чусовлянки, бродившія по пшеницѣ голыми ногами, огрызались, а потомъ подняли старика на смѣхъ. Эта сцена съ берега пе-

решла въ воду, гдѣ хохотали надъ расходившимся старикомъ мужики.

— Палкой-то, дѣдка, палкой валяй бабенокъ!—поощряли голоса:—Дуньку первую лупани...

Не дождавшись конца этой горячей сцены, я пошелъ къ самому бойцу, до котораго было съ полверсты. Это была известковая скала, выдвинувшаяся въ рѣку однимъ ребромъ. Наверху лѣпились мелкія елочки, точно сбѣжавшіяся въ игрѣ дѣти. Кругомъ разросся угрюмый ельникъ. Рѣка текла подъ самой скалой съ тихимъ ропотомъ, облизывая подножіе бойца. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ получалась оригинальная картина, пожалуй немножко дикая, но во всякомъ случаѣ полная своеобразной прелести. Глазъ искалъ чего-то страшнаго въ этомъ бойцѣ, но страшнаго ничего не было—такихъ «каменныхъ» по Уралу разбросаны милліоны. Но весной — другое дѣло... Вы не узнали бы картину, когда Зайчикъ начиналъ «играть». Рѣка подъ бойцомъ клокочетъ и превращается въ пѣну; глухой ревъ несется далеко, точно борются на смерть два разъяренныхъ чудовища.

IV.

— А вѣдь коней-то я не нашелъ, баринъ,—объявилъ мнѣ Сосипатръ, когда я вернулся въ деревню.

— Вотъ тебѣ разъ... Такъ какъ же я-то буду?...

— Ужъ не знаю, родимый мой. Бѣгалъ-бѣгалъ по лѣсу-то: точно скрозъ землю провалились мои кони. Съ боталами ходить, далеко слышно. А ты попей чайку покедова, можетъ, они сами подойдутъ къ тому время. Оводъ гонить изъ лѣсу скотину-то...

— А на лодкѣ нельзя подняться?

— Да кто повезетъ-то?... Некому, родимый... Работы у насъ своей не изработать. Кормилецъ-то нашъ далъ вонъ какую задачу...

— Какой кормилецъ?

— А Зайчикъ?... Имъ кормимся: чего пошлетъ, то и жуемъ. Ласковый онъ до насъ... Въ прошлую весну барку съ

мѣдью ушибъ, въ позапрошлую весну сортовое же железо—кажинный годъ хлѣбъ даетъ. Въ самъ дѣлѣ, ступай въ избу, тамъ Лукерья все спроворила, а тѣмъ временемъ, можетъ, и кони подойдутъ.

Ничего не оставалось, какъ идти въ избу и «заняться чайкомъ». Положеніе было самое безвыходное, и я обругалъ проклятую дорогу: не повезло съ самаго начала, значить такъ пойдетъ и до конца.

Въ избѣ кипѣлъ самоваръ, а за самоваромъ сидѣлъ самъ Провъ Михайлычъ и пилъ чай. Тутъ же стояла на столѣ бутылка водки и лежала въ газетной бумагѣ какая-то мудреная закуска. Провъ Михайлычъ принадлежалъ къ разряду настоящихъ великановъ, и его лохматая голова точно была привинчена къ широкимъ плечамъ. Грязная ситцевая рубашка была растегнута и изъ-подъ нея выставилась богатырская волосатая грудь. Около стола сидѣли и Лукерья съ Парахой и тоже пили чай. Лукерья была дѣвушка лѣтъ семнадцати, бѣлокурая, свѣженькая, съ розовыми губами и такими красивыми сѣрыми глазами. Въ простомъ народѣ рѣдко попадаются вообще красивыя женщины, а бѣлокурыя въ особенности. Въ этой Лукерьѣ еще сохранилось что-то дѣтское, что пропадаетъ въ зрѣлой женской красотѣ.

— Пожалуйте... хрипло проговорилъ Провъ Михайлычъ, тяжело поднимая голову:—а водки прикажете?

— Нѣтъ, благодарю.

— Ваше дѣло... значить, мы съ Парахой выпьемъ.

— Я и то выпила, Провъ Михайлычъ... Непьюсь пьяная, нехорошо будетъ.

— Ну, ну... съ солдатки нечего взять: вся своя.

Параха видимо конфузилась, но съ устатку ей хотѣлось выпить. Послѣ нѣкотораго ломанья она взяла рюмку и выпила ее какъ-то покуричья, маленькими глотками и закинувъ голову назадъ.

— Отлично... похвалилъ Провъ Михайлычъ и сразу выпилъ двѣ рюмки, не моргнувъ глазомъ, точно два гвоздя заколотилъ!

— Охъ, захмѣлѣла я... плаксиво жаловалась Параха, вы-

тирая губы рукавомъ рубашки.—На тебѣ будетъ грѣхъ, Провъ Михайлычъ.

— Ладно, ладно... Мнѣ ужъ заодно маяться-то.

Мы долго пили чай молча. Параха улыбалась и все толкала локтемъ молчавшую Лукерью. Провъ Михайлычъ долго смотрѣлъ въ налитый чаемъ стаканъ и задумчиво повторялъ: «Да... дда-а!». Въ избѣ было страшно жарко. Гдѣ-то жужжала муха. Вошелъ старикъ Сосипатръ и по мужицкой вѣжливости раскланялся со всѣми.

— А... старый колдунъ!—протянулъ Провъ Михайлычъ.—Хочешь чаю?...

— Спасибо, родимый мой... Смолоду-то што-то не привыкъ я къ вашимъ чаямъ, а на старости лѣтъ грѣшить не приводится.

Старикъ подсѣлъ на лавочку и улыбающимися глазами посмотрѣлъ на раскраснѣвшуюся Параху.

— Охъ, ѣшь тебя мухи съ комарами... бормоталъ Сосипатръ:—розмалѣла!

— И то розмалѣла... соглашалась Параха и кокетливо закрывала лицо рукавомъ: — все Провъ Михайлычъ... его грѣхъ.

— Прову-то Михайлычу не привыкать съ бабами возиться... Одна Лукерья чего стоитъ.

— Ты опять, старый чортъ?!... закричалъ Провъ Михайлычъ и ударилъ по столу кулакомъ.

— Дѣло говорю... Али не поглянулось?...

— Ты еще поговори у меня!.. Возьму старого чорта за ноги да прямо въ воду.

Дамы переглянулись и хихикнули.

— Въ воду?... не унимался Сосипатръ:—такое ты слово сказалъ, Провъ Михайлычъ... А ужъ тебѣ-то надо бы ровно знать, какая она такая эта самая вода бываетъ.

— Не тронь, Сосипатръ, — вступилась неожиданно Лукерья:—твое разѣ это дѣло?...

— А ты чего заступаешься... а?...

— А вотъ заступаюсь...

— Утопить бы тебя, курву... Слыхала?... За хвостъ да и

бросить, какъ кошку... Ишь, выпискалась тоже. Убѣжала, не бойсь, какъ тогда бурлаки наступили... не поглянулось!...

Провъ Михайлычъ слушалъ эту ругань, а потомъ неожиданно засмѣялся. Старикъ посмотрѣлъ на него, плюнулъ и выбѣжалъ изъ избы.

— Ишь, какъ его разбираетъ, колдуна... смѣялся Провъ Михайлычъ.

Лукерья сердито посмотрѣла на пьянаго купца и опустила глаза.

— Ну, ты чего на меня-то сердишься, Луша?—ласково заговорилъ Провъ Михайлычъ и потянулся своей волосатой рукой къ дѣвушкѣ, но Лукерья еще дальше отодвинулась отъ него.

Къ моему удивленію, лошади дѣйствительно пришли сами, и черезъ часъ послѣ чая мы уже выѣхали изъ деревни. Сосипатръ ѣхалъ на рыжей кобылѣ безъ сѣдла рядомъ со мной и смѣшно болталъ голыми ногами, когда лошадь пускалась трусцой. Мы проѣхали мимо разбитыхъ барокъ, гдѣ теперь все было тихо. Народъ только что пообедалъ и отдыхалъ, кому гдѣ показалось лучше. Большинство искало спасенья отъ лѣтняго зноя въ тѣни кустовъ, нѣкоторые заползли подъ барочный ломъ, изъ-подъ котораго выставлялись только однѣ ноги, а двое спали прямо на солнцѣ, раскинувшись въ самыхъ отчаянныхъ позахъ.

— Такъ это вашъ кормилецъ?—спросилъ я Сосипатра, когда мы проѣзжали мимо бойца.

— Прямой кормилецъ... А то какъ же по-твоему?... Цѣлая деревня около него кормится... По-твоему: камень, молъ, и вся тутъ. Тоже камень камню розъ, родимый мой. Тоже вотъ вода... Поглядѣть, такъ оно самое простое дѣло, а ежели головой своей подумать хорошенько, такъ она, вода-то, точно что вода да не просто.

— А какая же вода?...

— Такая... Она вонъ какъ подыграла Прова-то Михайлыча. Вотъ тебѣ и вода. Тыщъ пятьдесятъ рублей выдула изъ кармана-то единымъ духомъ. Вотъ она какая...

Меня заинтересовалъ этотъ разговоръ. Старикъ былъ разговорчивый, и мы болтали всю дорогу. Лошади знали дорогу и не нуждались въ поводьяхъ.

— Теперь взять Прова Михайлыча, — рассуждалъ Сосипатръ: — богатенный купецъ по Чусовой, денегъ у ево — страсть. А отъ кого жить пошелъ? Отъ матушки Чусовой... Сначала по малости сплавлялъ разную кладь, больше по межене на полубаркахъ, а потомъ, какъ въ силу вошелъ, и развернулся. Вонъ сколько хлѣба нонѣ скупилъ, да не привелъ Господь до конца, значить, довести; Зайчикъ не пустилъ... Стой!.. Будетъ баловаться. Ты играть, и я съ тобой поиграю. Вотъ и вышла игрушка...

— Какая игрушка?

— Ну, а которая въ избѣ съ нимъ сидитъ... Лукерья эта самая. Изъ-за нея вѣдь все дѣло вышло. Раньше-то Провъ Михайлычъ степенный человекъ былъ, а какъ разбухъ отъ своихъ денегъ — дурь эта самая въ немъ и заходила. Жена своя есть, дочь на возрастѣ, а онъ себѣ вонъ Лукерью припрегъ... И курва только дѣвченка!... Обошла мужика, окружила совсѣмъ... Плачетъ вѣдь онъ безъ ней, какъ ребенокъ безъ матери. Нечистое дѣло, однимъ словомъ...

— Откуда она, Лукерья-то?...

— Да наша же, чусовская, съ верхнихъ пристаней откдова-то. Ну, путался съ ней Провъ-то Михайлычъ, а тутъ весна, надо караванъ сплавлять. Ну, все наладилъ, казенку *) выстроилъ, а въ казенку-то вотъ эту самую Лукерью посадилъ. Какъ это, по-твоему, ладно или неладно?... Матушка земля всякій грѣхъ въ себѣ терпитъ, а вотъ вода-то не любить этого, пакости-то нашей не любитъ. Набралъ Провъ Михайлычъ что ни есть лучшихъ сплавщиковъ, поставилъ на свои барки бурлаковъ въ полной мѣрѣ — только плыви... А оно вышло не такъ. Тридцать лѣтъ по Чусовой-то плавалъ Провъ Михайлычъ, понадѣялся, ну, а тутъ и казенку, и другія барки подъ Зайчикомъ и убило.

— Да вѣдь не у него одного барки нынче разбило?

*) Казенка — барка съ каютой.

— У другихъ другое, родимый мой... У другихъ-то изъ шести барокъ одну убьетъ, много двѣ, а тутъ всѣ шесть Зайчикъ съѣлъ. Это ужъ неспроста... Вода не хотѣла поднимать его-то озорство. Разѣ такъ добрые-то люди плаваютъ?.. Тутъ надо съ молитвой да со страхомъ, а онъ придумалъ въ казенкѣ съ Лукерьей обниматься. Ты какъ полагаешь на счетъ этой воды?... Вѣдь она вся живая, она чувствуетъ... да. Посмотри-ка, какъ наша Чусовая примется по веснѣ свои разговоры разговаривать: только стонъ стоитъ. Это она веселится, кормилица. Тогда, какъ убило подъ Зайчикомъ казенку-то, такъ Лукерью едва вытащили изъ воды, совсѣмъ было захлебнулась. Самъ-то Провъ Михайлычъ какъ осетеръ плаваетъ, ну, онъ ее и выволокъ на берегъ... Тутъ опять бурлаки накинулись на нее, на Лукерью.

— А они за что накинулись?...

— За это за самое, што изъ-за нея всѣ досыта воды нахлебались. Тоже понимаютъ... Такъ разстервенились—страсть. Въ воду хотѣли бросить. Едва она тогда убѣжала. Ну, а потомъ Провъ-то Михайлычъ нарочно за ней, курвой, посылалъ. Я же и ѣздилъ...

Д. Маминъ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ОБЩИНЫ НА ГРАНИЦѢ КИТАЯ.

Земледѣлец - дипломатъ и воинъ.

I.

Начиная отъ Змѣиногорска къ югу до Устькаменогорска и далѣе по Иртышу, мѣстность становится все гористѣе и живописнѣе. Горы перемежаются роскошными долинами, покрытыми цвѣтущей жимолостью, алтайскими шиповниками и прекрасными цвѣтами, начиная съ гіацинтовъ и кончая роскошными, выше роста человѣка, мальвами. Это предвѣстіе бухтарминской флоры. Отъ Устькаменогорска дорога тянется то по ущельямъ горныхъ ручьевъ, то по гребню горъ, у подножія которыхъ несется Иртышъ. Миновавъ нѣсколько казачьихъ станицъ близъ Усть-Бухтарминской крѣпости, мы приблизились къ долинѣ Бухтармы. Здѣсь мы увидѣли маленькую рѣчку Селезневку, сохранившую преданіе о Селезнѣ-разбойникѣ. Дорога до Зыряновскаго рудника была холмистая, долина была уныла, горы имѣли сѣрый видъ, трава была обожжена солнцемъ. Чѣмъ далѣе къ вершинамъ Бухтармы, тѣмъ мѣстность становилась грандіознѣе, ущелье величественнѣе и рѣка неслась быстрѣе. Изъ деревни Солоновки показался уже Нарымскій хребетъ, лежащій по ту сторону Бухтармы. Около деревни Солдатовой мы уже приблизились къ самому хребту. Мы не видѣли красивѣе горъ, чѣмъ надъ Бухтармою. Алтай доселѣ представлялся намъ волнообразнымъ и возвышался постепенно. Въ долинѣ Бухтармы и Нарыма мы увидѣли пирамидальныя и крышевидныя горы, поднимающіяся прямо изъ долины до облаковъ. Онѣ поражали своею грандіозностью и красотою. У подножія ихъ лежала пышная растительность лиственнаго лѣса, далѣе по скло-

намъ шли темныя лѣса, сверкающіе синеватою осью, мѣстами на нихъ видны цвѣтушія плато и цѣлыя поляны, покрытыя синеватыми или красными цвѣтами, сверкавшія какъ искусственныя клумбы. Лѣса эти, какъ огромная, неисчислимая армія, взбирались на кручи, но чѣмъ далѣе къ вершинѣ, тѣмъ они становились рѣже: точно отважныя одиночки, виднѣются еще кое-гдѣ на кручѣ деревья, а затѣмъ полоса лѣса пресѣкается, и горы принимаютъ зелено-сѣроватый оттѣнокъ, онѣ голы, прорѣзаны ущельями и прожилками. Наконецъ, горы кончаются гребнями и пирамидами, среди которыхъ видны бѣлыя прожилки снѣга, а иногда выступающія пятна. На высотѣ гребней плаваютъ и цѣпляются облака. Альпы поднимаются во всемъ своемъ величій.

Вѣхавъ въ цвѣтушую долину Нарыма, гдѣ дорогу перерѣзывали горныя ручьи, живописныя хребты сопутствовали намъ, и, подѣзжая къ Котонъ-Карагаю (станція Алтайская), мы видѣли, какъ горы, тянувшіяся грядями по обѣ стороны пути, закутались въ тучи, яркая молнія прорѣзывала небо то по ту, то по другую сторону, надъ горами, но надъ самой долиной, гдѣ шла дорога, было ясное небо съ свѣтлыми звѣздами, служа какъ бы путеводною дорогою.

За станицей Алтайской Бухтарма въ ущельѣ летитъ черезъ пороги, она мечетъ бѣлую пѣну и шумитъ какъ въ котлѣ. Въ долинѣ зеленѣетъ береза, тополь, смородина, черемуха и лиственница; они украшаютъ берега, покрытые громадными камнями. Дорогу сопровождали иногда прекрасныя березовыя рощи, а по обѣ стороны выдвигались все грознѣе горы съ сопками, заволакиваемыми облаками, и сверкавшими коронами снѣга.

Въ долинѣ, у подножія этихъ горъ, мы встрѣтили рядъ заселившихся деревень. Въ нихъ ютилось самое разнообразное населеніе. Нѣсколько странно было видѣть русскаго крестьянина близъ границъ Китая, у подножія этихъ альповъ, напоминающихъ горную Швейцарію. Деревня Солдатова, расположенная у подножія лѣсистаго хребта, представляла оригинальный видъ. Когда-то близъ этой деревни шла прежняя китайская граница: недалеко на р. Чергунѣ стоялъ еще въ 1867 году

китайскій пикетъ, и крестьяне наши ходили къ китайцамъ въ гости. Они пристроились даже къ лугамъ на китайской землѣ. Озеро Марко-Куль особенно привлекало крестьянъ своею рыбою. Въ одной изъ деревень, на станціи, я увидѣлъ накрытый столъ, гдѣ стояла превкусная рыба ускучъ и хайрюзъ (которая-то изъ нихъ родъ форели).

— Откуда достаете вы рыбу?—спросилъ я хозяевъ.

— Да съ китайскаго озера Марко-Куля, туда ѣздимъ,— отвѣчали мнѣ.

— Ну, и что же, васъ китайцы не выгоняютъ оттуда?

— Отъ китайца намъ утѣшенія нѣтъ; пошлемъ ему топоръ или меду, и снова въ дружбѣ,—отвѣтилъ намъ бухтарминецъ.

Оказалось, что у русскихъ крестьянъ давно заведены сношенія съ китайцами, они установили съ ними добрыя отношенія, подкупили китайскихъ чиновниковъ и фактически пользовались произведеніями озера Марко-Куля, которое не находилось въ нашихъ границахъ. Видно, что здѣсь даже происходилъ обмѣнъ. По крайней мѣрѣ, въ деревнѣ Солдатовой среди пестрыхъ нарядовъ бухтарминцевъ я замѣтилъ парня въ ярко-зеленомъ халатѣ изъ китайской матеріи.

Странно! какъ же это никакихъ столкновений,—думалъ я. Вѣдь на границѣ стоятъ и русскія казачьи станицы, войска, и китайскіе пикеты. Чтобы переѣхать границу, нужно множество формальностей. Китайцы сторожатъ свои владѣнія. Ежегодно русскіе депутаты-чиновники и китайскіе объѣзжаютъ вмѣстѣ границу и повѣряютъ знаки. Вѣдь на этой границѣ всякое покушеніе захватить что либо можетъ вызвать дипломатическія недоразумѣнія; столкновеніе разныхъ народностей можетъ вызвать войну и т. д., и вдругъ оказывается—все тихо и мирно: и къ китайцамъ въ гости ѣздятъ, и халаты приобрѣтаютъ, да и рыбой давно пользуются, ходя артелями за границу безъ всякихъ трактатовъ и даже безъ паспортовъ. Тутъ я въ первый разъ задумался и открылъ, что крестьянинъ-колонизаторъ на окраинѣ не просто представитель силы высшей расы, не только богатырь, который претъ и смѣло беретъ и захватываетъ, а что онъ, когда нужно, большой дипломатъ; этого мы ранѣе не подозревали.

— И съ киргизами вы не имѣли ранѣе столкновений? Вѣдь кругомъ киргизы, а васъ было мало; когда вы сюда пришли?

— И съ киргизами мы жили мирно, сладились, другъ съ другомъ жили посусѣдски, да вотъ теперь только началось...

Что началось, мы расскажемъ впоследствии, но не можемъ не указать, что и съ киргизами крестьяне весьма долго уживались мирно. Мы замѣтили, что многіе крестьяне вслѣдствіе частыхъ сношеній усвоили киргизскій языкъ, иные говорили покалмыцки. Это было также удивительно. Мы привыкли считать, что крестьянинъ чуждается инородца и считаетъ его собакой,—и вдругъ не только тѣсныя сношенія, но для удобства даже языку выучились, и кто же?—раскольники! Встрѣчая знатоковъ киргизскаго, калмыцкаго или татарскаго языка на границахъ нашихъ, мы убѣдились, что это далеко не было отступленіе отъ своей національности и поглощеніе инородцами русскихъ,—это вовсе не явленіе, показывающее неустойчивость русской національности. Нѣтъ, эти знатоки инородческаго языка оказывались исполненными достоинства и смотрѣли на инородца свысока. Они не особенно лестно третируютъ инородца и при случаѣ эксплуатировали его; при экономическихъ столкновенияхъ они вступали съ нимъ въ бой, во вражду, какъ увидимъ далѣе,—стало быть, здѣсь объ отступленіяхъ, объ инородчиваніи и рѣчи не могло быть. Здѣсь опять-таки близость съ инородцами была прямымъ расчетомъ, выгодами, дипломатіей. Въ этомъ и заключалась тайна нашей колонизаціи. Во враждѣ долго жить съ инородческимъ элементомъ было невозможно; невозможно это было для земледѣльца. Колонистъ-крестьянинъ являлся и основывалъ свое хозяйство въ этихъ мѣстахъ, создавалъ осѣдлость и гражданственность. Ему нуженъ былъ миръ безусловно. Являясь, онъ показывалъ свою силу, свое право, энергію, настойчивость; но потомъ вступалъ въ дружественный договоръ. Если бы русскій крестьянинъ и піонеръ бралъ только все напоромъ, грубымъ вторженіемъ, онъ не устоялъ бы здѣсь, окруженный враждебными условіями, его бы вытѣснили, завязалась бы масса столкновений, выслали бы, наконецъ, войска, и русскія власти, во избѣжаніе дипломатическихъ затрудненій, принудили бы русскихъ отступить, какъ сдѣлали это недавно на Игнашин-

скихъ принсахъ. Но вотъ здѣсь-то и заключалась тайна русской колонизаціи на окраинахъ,—тайна, которой мы, при всемъ нашемъ самомиѣніи, что мы знаемъ нашъ простой народъ, не подозрѣвали. А между тѣмъ, въ этой способности ориентироваться и, занявъ мѣста, отстоять ихъ—заключались не малые таланты, и сказала не одна сила, а и умъ.

Собственно пріобрѣтеніе всѣхъ мѣстъ около китайской границы есть результатъ этихъ мирныхъ и немирныхъ крестьянскихъ завоеваній, крестьянской дипломатіи. Бухтарминскій край, эта роскошнѣйшая мѣстность въ южной Сибири, какъ и южныя предгорья Алтая, когда-то былъ китайскимъ. Прежде чѣмъ они были присоединены договорами и была проведена граница, здѣсь явились русскія поселенія крестьянъ и бѣглыхъ раскольниковъ. Эти люди подготовили здѣсь жизнь и, пріучивъ китайцевъ къ себѣ, такъ сказать, заставили ихъ примириться съ новой границей. Такъ это случилось съ пріобрѣтеніемъ вершинъ Бухтармы, гдѣ засѣли нѣсколько деревень русскихъ раскольниковъ; это же оправдалось недавно съ присоединеніемъ озера Марко-Куля, съ чѣмъ китайцы охотно примирились. Мы проѣзжали здѣсь 6 лѣтъ назадъ, когда Марко-Куль еще не былъ присоединенъ, а русскіе мужики уже фактически владѣли имъ. Если мы просмотримъ исторію всѣхъ нашихъ поступательныхъ движеній въ Сибири безъ войскъ, мы увидимъ здѣсь послѣдовательное движеніе русскихъ колонистовъ и піонеровъ съ сѣвера на югъ болѣе двухъ столѣтій и прежде всего самовольное занятіе разныхъ угловъ крестьянствомъ. Исторія многихъ такихъ заселеній, вѣроятно, скрывается въ архивахъ.

Предъ нами былъ, однако, уголокъ, въ которомъ мы могли видѣть еще во-очію старую исторію заселеній и столкновеній съ инородческимъ элементомъ. Все это совершилось на Бухтармѣ. Любопытно было взглянуть здѣсь, въ какія дебри попало русское крестьянство и какъ оно приноровилось къ новымъ условіямъ. Оно встрѣтило здѣсь не одни чуждыя племена, а дикую природу, да и какую еще природу — горную, неприступную. И, однако, эта природа была взята съ бою, мало того, крестьяне основались здѣсь деревнями. Чего же болѣе:

вотъ Медвѣдка, Берель, Согра, Черновая, а тамъ деревни каменщиковъ: Фыкалка, Сѣнная и др.

Какъ русскій крестьянинъ, привыкшій къ полю, къ равнинамъ, къ лугамъ, скромный земледѣлецъ, могъ явиться въ эту трущобу, въ эти хребты, поселиться въ ущельяхъ, въ щеляхъ, на горныхъ высотахъ, куда лазаютъ только путешественники,—какъ устроилъ здѣсь хозяйство, выработалъ особыя привычки, сжилъ здѣсь и устроился? Это тоже была загадка.

Правда, я проѣхалъ немало горныхъ мѣстъ и видѣлъ уже нашихъ крестьянъ въ горахъ. Это были раскольники, переселенные въ Алтай изъ Подоліи, при Екатеринѣ; они выработали также привычку жить въ горахъ. Помню, когда въ Алтаѣ я подѣзжалъ къ этимъ деревнямъ, меня поражали кавалькады всадниковъ, несшихся въ долинахъ, подобно кавалеристамъ, и карабкавшихся по кручамъ на горныхъ коняхъ. Припоминаю, какъ однажды, подѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ изъ экипажа двухъ приближающихся всадниковъ въ яркихъ костюмахъ, точно французскихъ гусаръ; на головѣ у одного была красная шапка съ позументомъ.

— Кто это скачетъ?—спросилъ я серьезно у ямщика.

— Да это наши бабы,—отвѣчалъ ямщикъ, улыбаясь.

Въ другой разъ я рано утромъ пилъ чай въ деревнѣ. Это было часовъ въ 6 утра. По всей улицѣ стояли у дворовъ привязанныя верховыя лошади. Черезъ нѣсколько времени изъ дворовъ начали выходить старухи и бабы съ ребятами; онѣ смѣло взлѣзали на лошадей верхомъ помужски, прилаживали на сѣдлѣ малолѣтковъ и направлялись изъ деревни. Я замѣтилъ, что у каждой старухи черезъ плечо былъ холщевый мѣшокъ.

— Куда это у васъ старухи собрались, не въ походъ ли?—спросилъ я хозяйку-раскольницу, вносившую самоваръ въ комнату.

— Зачѣмъ въ походъ! Молодыя-то, ишь, теперь на работѣ, а старухи-то на пасѣки (пчельники) поѣхали да и ребятёнокъ захватили.

— Зачѣмъ же онѣ верхомъ?

— А развѣ въ нашихъ мѣстахъ иначе проѣдешь? Горищи—страсть, крутизна! Я вотъ вчера ѣздила,—прибавила хо-

зайка, понявъ мое изумленіе:—тоже верхомъ поѣхала, съ малюткой; малютка-то на рукахъ былъ. Какъ начала я подниматься на крутизну-то, да взглянула внизъ, такъ и подумала: Господи, куда это насъ Богъ занесъ! А ничего, мы привыкли теперь...—прибавила женщина.

И дѣйствительно люди привыкли здѣсь, и нечего было дивиться бухтарминцамъ. Замѣчательно, однако, что сюда тянуло и переселенцевъ: мы видѣли такихъ изъ Пермской губерніи.

Когда мы приближались къ вершинамъ Бухтармы, горы становились все выше, хребты поднимались пирамидально изъ долины, рѣка неслась иногда въ ущельѣ или въ каменистыхъ берегахъ, она прыгала по камнямъ, бушевала и пѣнилась. Скоро передъ Черновой открылись ворота, или бухтарминскіе пороги; вода кипѣла въ нихъ. Кругомъ дикія горы и ущелья, поросшія лѣсомъ. Въ этихъ хребтахъ были узкіе проходы. За этими горами уже лежалъ озаренный теплыми лучами солнца Китай. Нарымскій хребетъ былъ особенно величественъ. Въ стаицѣ Алтайской мы увидѣли проведенныя канавы, или арыки, для орошенія полей. Пашни здѣсь должны быть орошаемы. Стало быть, и крестьянамъ предстояло пріучаться къ ирригаціи. Многіе крестьяне воспользовались древними инородческими канавами. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ по Бухтармѣ крестьяне сѣяли хлѣбъ на высотѣ 4,000 футовъ. Покосы бывали въ такихъ ущельяхъ, что сѣно приходилось вывозить верхомъ, связывая его веревками въ охапки. И, тѣмъ не менѣе, крестьянство облюбовало эти мѣста за дѣвственную почву.

— Каковы урожай? родится ли хлѣбъ?—спрашивали мы.

— Господи! какъ ему не родиться! Благодать, черноземъ 6 вершковъ глубины.

Кромѣ дѣвственной почвы, здѣсь былъ теплый климатъ и роскошная флора. Кругомъ пестрѣли цѣлыя поля цвѣтовъ, гіацинты, дикій жасминъ и піоны; все напоминало югъ. Благодаря ароматическимъ лугамъ, крестьяне распространили здѣсь пчеловодство и стали любителями-пчеловодами. Они вывозятъ медъ даже на продажу въ среднюю Сибирь. Весна въ этой мѣстности роскошна. Горная природа оригинальна и невольно располагаетъ любоваться ею. Станица Алтайская представляла

замѣчательную смѣсь населенія: казаки, киргизы, крестьяне уживались рядомъ и представляли живописныя группы на улицахъ, съ русскими строеніями и азіатскими оросительными арыками, которые кажутся всегда бѣгущими вверхъ, въ гору (таковъ обманъ зрѣнія на склонахъ).

Мы подъѣзжали къ дер. Черновой, самой дальней деревнѣ по Бухтармѣ. Доселѣ мы могли еще ѣхать въ экипажѣ, далѣе уже шла горная выючная дорога. Близъ Черновой, въ 4-хъ верстахъ, насъ переправили чрезъ Бухтарму въ маленькой лодочкѣ-душегубкѣ; другихъ не было на этой горной рѣкѣ, да и не могли быть глубокія лодки. Сидѣть въ душегубкѣ въ то время, когда васъ страшно несетъ теченіемъ, было небезопасно. Усадивъ насъ на одной сторонѣ, лодку толкнули, весельщикъ хотя и правилъ весломъ, но насъ несло вкось по страшной діагонали. Съ противоположнаго берега лодку должны были схватить, чтобы ее не умчало далѣе. На берегу былъ прекрасный березовый лѣсъ и кустарники. Мы поѣхали въ телѣгѣ къ деревнѣ. Она находилась среди горъ и представляла живописнѣйшій уголокъ. Горы здѣсь еще величественнѣе возвышались, на склонахъ были лѣса, а вершины были каменисты, выступая гребнями и сопками. На величайшей вершинѣ лежала, «зацѣпившись за бѣлокъ», какъ говорили крестьяне, темная туча. Къ закату солнца она приняла пурпуровый оттѣнокъ. Маленькая деревенька уютлась въ долинѣ. Мы были въ чистенькомъ домикѣ съ балкономъ. Балконы въ алтайскихъ деревняхъ часты. (Впослѣдствіи мы укажемъ, какъ у крестьянъ развивались эстетическія наклонности). Намъ предложили чай пить на балконѣ.

— Очень ужъ красиво вамъ будетъ отсюда на горы смотрѣть.

Кругомъ насъ было сильное и могучее населеніе и самъ основатель деревни Іона Первовъ, бойкій старикъ, съ толстымъ носомъ, сѣдой головой и шляпой въ родѣ пуховой подъ-мышкой *). Въ концѣ деревни былъ «маральникъ», загороженное мѣсто, гдѣ крестьяне воспитывали и приручали благороднаго оленя.

Мы видѣли это гордое, красивое животное въ загороди, или

*) Войлочныя шляпы съ широкими полями напоминаютъ итальянскія.

въ саду; оно еще было дико и знало одного хозяина. Приручение марала было культурнымъ изобрѣтеніемъ нашихъ крестьянъ. Они держали марала, чтобы продавать рога его въ Китай.

Но бухтарминцы начали свои промыслы охотою. Въ горахъ водились козлы, кабарги, маралы, медвѣди, лисицы, сурки и т. п. Бухтарминскіе и берельскіе крестьяне были превосходными охотниками. Они были замѣчательно мѣткіе стрѣлки. Охота, жизнь въ горахъ и столкновенія съ инородцами вырабатывали въ нихъ отвагу. И дѣйствительно можно было любоваться на это рослое, сильное, могучее и безстрашное население, исполненное сознанія силы и своего достоинства. Эта крестьянская община должна была иногда энергично отстаивать свое существованіе.

Мирное крестьянское населеніе, въ силу необходимости, иногда становилось на военную ногу, оно отстаивало тогда свои мѣста съ оружіемъ въ рукахъ. Въ вершинахъ Катуні мы встрѣтили вооруженныхъ винтовками берельцевъ. Они намъ много рассказывали о мѣстныхъ войнахъ и столкновеніяхъ съ калмыками и киргизами. Берельцы, которыхъ мы видѣли, были предубѣждены противъ аргутскихъ калмыковъ, или теленгитовъ. Мѣста по р. Кокъ-су и въ вершинѣ Бухтармы были ареною столкновеній между киргизами и калмыками.

Берега по Кокъ-су были когда-то населены, но мы ихъ застали пустынными. Русскіе должны были жить насторожѣ во время войнъ и баранты инородцевъ. Къ югу, въ горахъ южнаго Алтая, въ китайскихъ предѣлахъ, кромѣ того, ютились урянхайцы, замѣчательные воры и конокрады. Все это научило русскихъ крестьянъ осторожности.

— Въ этихъ мѣстахъ нужно держать ухо востро,—говорилъ намъ берелецъ, вооруженный винтовкой и съ ножомъ у пояса.—На промыслѣ ночью иногда и огня не раскладываемъ: того смотри, кто нибудь въ тебя на огонь пулю изъ горъ пустить.

Мы явились на Бухтарму какъ разъ во время острыхъ отношеній съ киргизами. По дорогѣ, въ деревняхъ Медвѣдкѣ, Согрѣ, Черновой, вездѣ жаловались, что киргизы отгоняютъ скотъ и лошадей. Въ Медвѣдкѣ было отогнано киргизами 70

лошадей, въ другомъ мѣстѣ 20 и т. д. Киргизы, въ свою очередь, жаловались на крестьянъ.

Намъ случилось быть при разборѣ этихъ жалобъ и споровъ. Разобрать что либо было трудно; видно, что здѣсь шла ожесточенная взаимная месть. Точно мы присутствовали въ эпоху XVII и XVIII ст., когда русское населеніе имѣло такіа же столкновенія съ инородческимъ.

Отношенія между крестьянами и киргизами обострились на Бухтармѣ послѣ того, какъ киргизамъ Чингистайской волости приказано было откочевать на другую сторону Бухтармы. До 600 кибитокъ осталось безъ пастбищъ. Тогда киргизы начали беспокоить крестьянъ и отгонять изъ деревень лошадей, чего прежде не было. Иначе они начали войну при помощи баранты или отгона скота. Крестьяне не остались въ долгу. Недоразумѣнія и счеты накоплялись такимъ образомъ. Послѣ отгона лошадей разсерженные крестьяне кидались въ погоню, но, не найдя воровъ, брали у первыхъ попавшихся киргизовъ лошадей, въ счетъ своихъ. Тѣ кидались въ волость и поднимали шумъ противъ крестьянъ, дозволившихъ самовольный захватъ. Послѣ этого, на слѣдующую ночь у крестьянъ отгонялось лошадей вдвое, и крестьяне отправлялись опять наказывать киргизовъ. Въ концѣ концовъ уже нельзя было разобрать, кто у кого самовольно что отнялъ и кто первый обратился къ самоуправству. Крестьяне жаловались, что киргизы напали и избili женщину на пашнѣ, били крестьянъ. Киргизы указывали на поступокъ крестьянъ въ дер. Согрѣ, гдѣ найденъ былъ распятый и убитый киргизъ, о чемъ велось слѣдствіе.

Въ деревнѣ Черновой мы встрѣтили пожилаго крестьянина, атлета, страшнаго роста, но согбеннаго и подслѣповатаго. Онъ въ своей жалобѣ начальству передалъ о необыкновенныхъ истязаніяхъ, которыя претерпѣлъ, понавъ въ плѣнъ къ киргизамъ. Киргизы, ожесточенные противъ крестьянъ за разныя обиды, захватываютъ на поселкѣ или пчельникѣ крестьянина Ивана Макарова. Онъ, по его словамъ, былъ съ сыномъ-мальчикомъ. На него наскочило 5 человекъ киргизовъ, связали его, завязали глаза и повезли. Сначала, говоритъ, киргизы хотѣли

его закопать живаго въ землю; нотомъ хотѣли наломать прутьевъ и жечь прежде. Иванъ Макаровъ молчалъ и слушалъ. Они долго возили и все стращали; наконецъ, сняли съ лошади и били нагайками въ двѣ плети, а потомъ завязали опять глаза и привезли къ Бухтармѣ. Здѣсь сняли его съ лошади, заставили раздѣться и обвязали арканами. Затѣмъ закричали: «тартъ!»—т. е. тyani, и бросили въ рѣчку. Бурная, клокочущая Бухтарма поглотила Ивана Макарова. Онъ думалъ, что его утопятъ, но его вытащили. Затѣмъ опять бросили, и такъ повторялось до трехъ разъ. Затѣмъ киргизы опять взяли и повезли его снова. Привезли въ аулъ, была уже ночь. Ему назначили караульнаго и привязали къ нему путами, чтобы не ушелъ. На утро принесли пропащаго барана, падаль, и заставили ѣсть. Макаровъ не согласился. Утромъ его снова вывезли въ поле и начались новыя истязанія. Макаровъ, какъ Бульба, все терпѣлъ, но, когда хотѣли бить его парня, онъ взмолился.—Дай присягу,—сказали киргизы:—что не будешь ходить на наши мѣста!—Киргизы требовали клятвы. Тогда Макаровъ поднялъ крестъ съ шеи на голову и поклялся. Провозивъ день, киргизы привезли Макарова въ русскую станицу, Алтайскую, и передали казачьему офицеру, сказавъ, что поймали грабителя. Казакъ напустился на Макарова. Макаровъ, съ своей стороны, заявилъ объ истязаніяхъ. Посланъ былъ на слѣдствіе какой-то казакъ Власовъ, виновныхъ хотя открыли, но не наказали. Крестьяне передавали, что казачьи офицеры и уѣздныя власти области покровительствовали киргизамъ и не вѣрили крестьянамъ.

Мы узнали впослѣдствіи странное размежеваніе. Семипалатинское начальство, завѣдывавшее киргизами, всегда брало ихъ сторону, вѣроятно, потому, что волостные киргизскіе начальники давали подарки. Крестьяне же на Бухтармѣ принадлежали къ Томской губерніи, потому не находили защиты у казаковъ и областныхъ властей. Такое странное отношеніе двухъ губернскихъ администрацій, иногда смотрящихъ на свои раіоны съ точки зрѣнія разныхъ государствъ, въ Сибири бывало нерѣдкостью.

При такихъ условіяхъ крестьянамъ самимъ приходилось отстаивать себя. Судя по пострадавшему Ивану Макарову,

можно думать, что имъ иногда крѣпко доставалось. Но не дремали и крестьяне. Берельскіе крестьяне намъ рассказывали о цѣломъ походѣ на киргизовъ и калмыковъ, причемъ вполне выказалась воинственность и отвага крестьянъ этой мѣстности.

Разъ вечеромъ, среди необычайной обстановки, въ горахъ, у подножія вѣчнаго ледника, въ вершинахъ Берели мы сидѣли у костра и слушали рассказъ проводника старовѣра изъ дер. Берели. Намъ поражали и фигура вооруженнаго крестьянина, освѣщеннаго костромъ, и его спокойствіе, увѣренность и сознаніе своей силы среди этой дикой природы и враждебныхъ племенъ. Въ весьма немногосложномъ рассказѣ берельца развернулись цѣлые подвиги воинственныхъ крестьянъ.

— Больно намъ киргизы начали надобѣдать,—говорилъ берелецъ:—сначала одинъ конь пропадетъ, потомъ два, а потомъ и больше. Послали мы своихъ къ киргизскому волостному требовать всѣхъ 15 лошадей, какихъ у насъ угнали. Киргизскій волостной отказалъ: у васъ, говоритъ, «барантаци» (воры) были, вы ихъ и ищите. А коли такъ, говоримъ, пойдѣмъ «походомъ».

— И пошли?

— Очень просто. Взяли запасъ, арканы, винтовки, коней по парѣ. Прошли сутки; видимъ, въ долинѣ киргизы конные съ айболтами и палками встрѣтить насъ приготовились. Ахъ вы, узкоглазые, думаемъ, погоди, проучимъ васъ. Слѣзай, ребята, съ лошадей, слушай команду, клади винтовки на сошки. Не успѣли киргизы опомниться, какъ мы изъ винтовокъ въ нихъ палить начали. А киргизы вразсыпную, тутъ мы послали конныхъ захватывать лошадей у нихъ, и 15 лошадей захватили. Расчѣбарили въ лучшемъ видѣ! Киргизы пардону запросили. Это, говорятъ, не мы, а калмыки у васъ лошадей захватили. А коли, говоримъ, калмыки, мы и къ калмыкамъ пойдѣмъ. Рѣшили мы послѣ того и на Аргутъ къ калмыкамъ сходить. Ну, тутъ намъ меньше повезло. Аргутскія мѣста крутыя, вышины, рѣка бурная. Пришли мы въ долину. Видимъ, на горахъ калмыки засѣли, а мы въ щели. Завели мы переговоры съ ними, запросили мы у нихъ 30 лошадей. Калмыки не даютъ и грозятся намъ стрѣлять съ горъ. Видимъ мы, что у нихъ народу

прибываетъ и они насъ расчѣмбарить хотятъ. Проходы загораживаютъ. Взяли мы въ плѣнъ тогда калмыченка и говоримъ ему: показывай, гдѣ проходъ въ горахъ къ Бѣлухѣ, а то вотъ тебѣ петля! Калмыченочъ испугался и показалъ дорогу. Тогда мы посланца къ своимъ отправили: «выручайте». А сами притаились, сидимъ да переговоры затѣваемъ, чтобы время шло. Между тѣмъ нашъ посланецъ изъ Котонъ-Карагая съ казаками пріятелями пришелъ. Какъ завидѣли мы своихъ, давай въ калмыковъ палить, а тутъ наши ударили. Ну, и расчѣмбарили же мы калмыковъ! Тогда мы съ нихъ ужъ 150 лошадей потребовали—и получили.

— Народъ трусь!—заключилъ берелецъ.

Долго послѣ того калмыки съ Аргута подавали прошеніе за захватъ лошадей у нихъ, но начальство такъ и не могло разобрать эти ссоры.

Нечего говорить, что люди, совершавшіе подобныя походы и способные къ стратагемамъ, въ обиду себя не могли дать. Намъ открылся здѣсь типъ воинствующаго крестьянина-піонера такимъ, какимъ онъ былъ въ долгую предшествовавшую исторію завоеваній.

Но не только въ массѣ, въ дружной артели, но и въ одиночку крестьянинъ въ этихъ мѣстахъ сохраняетъ безстрашіе и не боится инородческаго элемента.

Мнѣ передавалъ посланный въ экспедицію военный инженеръ слѣдующее о своихъ походахъ въ этихъ мѣстахъ весьма недавно.—Чтобы пройти для изысканій съ р. Чуи на Бухтарму,—разсказывалъ онъ,—я встрѣтилъ большія препятствія въ отысканіи проводника. Отыскалъ я только стараго барантача (завѣдомаго вора лошадей) Киндрека, но и тотъ бѣжалъ отъ меня съ дороги. Мы шли въ ущельяхъ съ казаками, постоянно опасаясь встрѣчи съ разбойниками киргизами-киреевцами. Мѣста были опасныя. И вдругъ видимъ мужика на лошади.

— Ты какъ сюда попалъ?—спрашиваютъ его.

— Половилъ рыбы на китайской сторонѣ.

Это былъ бухтарминскій крестьянинъ, наловившій рыбы въ

китайскомъ озерѣ Марко-Кулѣ и возвращавшійся къ своимъ пенатамъ.

Съ пренебрежительнымъ тономъ силача по отношенію къ слабому и убогому инородцу, съ этою отвагою населенія мы весьма часто встречаемся на окраинѣ. — Развѣ они устоятъ противъ насъ! Расчембаримъ!—говорилъ гордо берелець.

Мы слышали подобный рассказъ о русскихъ раскольникахъ на Амурѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, мирные молокане, жившіе въ сосѣдствѣ съ китайцами, затѣяли какіе-то споры. Китайцы и манджуры пришли къ нимъ толпою чуть ли не въ 200 человѣкъ.

Крестьяне бросили работы, взяли оглобли, избили и прогнали китайцевъ, а нѣкоторыхъ еще дегтемъ вымазали.

— Какъ же это вамъ удалось, вѣдь ихъ было много?—спрашивалъ одинъ заѣзжій человѣкъ этихъ молоканъ.

— Что жъ, что ихъ много! Народъ этотъ, я вамъ скажу, жидкій,—говорилъ одинъ молоканинъ:—извѣстно, мяса не ѣсть, а травой да будой питается; возьмешь его за косу,* онъ и валится.

Странно, никто не училъ артикулу этихъ пионеровъ колонизаціи, не устраивали изъ нихъ военныхъ поселеній, даже въ рекруты въ этихъ мѣстахъ крестьянъ не требовали, а воспитали они въ себѣ на привольѣ всѣ нужныя качества: и силу богатырскую, и отвагу, мало того и дипломатію, а когда нужно, и постоять за себя умѣли.

Этотъ закалъ, находчивость, сила, способность не отступать передъ препятствіями и бороться со всѣмъ враждебнымъ осѣдлой гражданской жизни артелью, обществомъ, какъ и въ одиночку, весьма опредѣленно выразились и видны во всѣхъ чертахъ энергическаго крестьянскаго элемента на окраинѣ.

Всѣ эти свойства даютъ ему мощь, залогъ отстоять себя и проложить культуру въ новыхъ мѣстахъ. Природные и психическіе задатки, лежащіе въ немъ, не случайность, а продуктъ извѣстнаго опыта и своей исторіи. Исторія этого крестьянства, нашихъ пионеровъ колонизаціи и промышленниковъ, ведшихъ борьбу въ лѣсахъ и въ горахъ, еще мало разработана, но нѣкоторыя черты ея можно отыскать въ преданіяхъ и расска-

захъ. Для знакомства съ тѣмъ, какъ основались Бухтарминская и Уйманская раскольничьи общины на границѣ Китая, мы приведемъ ихъ исторію по сохранившимся рассказамъ и преданіямъ.

Происхожденіе раскольничьихъ общинъ.

II.

Мы сидѣли въ деревнѣ Черновой на балконѣ и любовались на пирамидальныя горы, покрывавшіяся къ вечеру облаками. Деревня уходила въ мракъ, а гиганты-горы выступали все рельефнѣе съ своими абрисами.

Въ этотъ пріѣздъ въ деревнѣ мы были съ исправникомъ, а около насъ стояли высокія фигуры крестьянъ, пришедшихъ съ разными жалобами и челобитными. Между прочимъ, тутъ же былъ основатель деревни Іуда Черновъ, смысленный и бойкій старикъ. Трудно было не залюбоваться на это сильное, могучее населеніе, а затѣмъ мы переносили глаза невольно на окружавшую его могучую природу. Все, кажись, здѣсь гармонировало. Ночь наступала чудная, теплая; съ луговъ неслись ароматы травъ; вдали за рѣкою зажигался костеръ охотниковъ.

— Видите, какія около нихъ горы,—сказалъ исправникъ:—а вотъ деревня Берель да Фыкалка,—такъ тамъ ужъ эти горы вплотную около домовъ стоятъ. Я въ Берели жилъ, такъ у самыхъ оконъ, знаете, точно стѣна, такъ вверхъ подъ самое небо гора-то уходитъ. А имъ ничего! Извѣстно, они бѣглые сюда зашли. Весной вотъ у нихъ хорошо!—прибавилъ онъ.—Знаете, я разъ въ такую пору въ этой Берели былъ. Ночь не спалось, пошелъ я гулять. Рѣка шумитъ у нихъ бѣлой пѣной; горы, знаете, сінія, высокія, а кругомъ ихъ огни бѣгутъ, какъ иллюминація, просто прелесть! Это они, чтобы травы выжигать, огни пустили. По берегу зелень, а въ зелени соловьи поютъ; я цѣлую ночь слушала. Тишина, знаете, а потомъ вдругъ гдѣ-то въ ущельѣ въ дудку загудятъ... Это они мараловъ приманиваютъ.

Дудка, какъ извѣстно, служить для приманки охотниками горныхъ оленей, они подражаютъ звукамъ самки, и труба ихъ издаетъ мелодичные звуки волторны, которая отдается въ горахъ. Эта весенняя идиллія привела въ умиленіе даже самого исправника.

Впослѣдствіи, когда въ Швейцаріи, въ долинѣ Грюнденвальда, я услышалъ альпійскій рогъ швейцарскихъ пастуховъ, я вспомнилъ нашу алтайскую пустыню съ ея звѣроловной мелодичной волторной. Цѣлая картина незнакомой жизни, полной своей дикой поэзіи и оригинальнаго склада, нарисовалась мнѣ послѣ разсказа исправника. Я представилъ себѣ, какъ этихъ бѣглецовъ въ первый разъ окружила пустыня, какъ она на нихъ повѣяла. За годъ передъ этимъ, я посѣтилъ алтайское раскольниковое населеніе въ Талицкихъ бѣлкахъ, въ деревнѣ Топольной. Я былъ окруженъ радушной семьей старика Телѣгина съ богатырями—дѣтьми. Съ однимъ изъ его сыновей мы выѣхали въ горы верхами. Страшные утесы насъ окружали, наши кони взбирались въ каменистое ущелье. Впереди поднимался Телѣгинъ, я видѣлъ сзади его могучую широкоплечую фигуру съ винтовкой за спиной и широкую шляпу. Невольно прислушивался я къ рокоту ручьевъ, къ обаянію пустыни, которая вѣяла на меня вмѣстѣ съ холодомъ и сыростью ущелій. Я былъ подавленъ ею, и вдругъ я услышалъ немного заунывный, но сильный голосъ:

«Ужъ вы, горы, гороньки Алтайскія,
Пріютите вы насъ, добрыхъ молодцовъ, добрыхъ молодцовъ раз-
бойничковъ:

Мы пришли къ вамъ, гороньки, не вѣкъ вѣковать,—
Не вѣкъ вѣковать, одну ночь почевать»....

Это пѣлъ проводникъ Телѣгинъ, почувствовавъ также внезапно дикую знакомую поэзію. Такъ вотъ гдѣ таятся исторія нашей колонизаціи. «Хотѣли заночевать одну ночь, а заночевали совсѣмъ»,—подумалъ тогда я. Вотъ за что полюбили васъ, «гороньки».

— А знаете, отчего это такой здоровенный народъ и характера буйнаго? Съ нихъ рекрутъ не берутъ!—внезапно перебилъ мои мысли исправникъ.

— Развѣ?!—спросилъ я изумленно.

— Какъ же-съ. Вѣдь они инородцами считаются, а вы видите, какіе они инородцы, бакланы съ бородами! «Инородческая управа»!—какъ же-съ!—ухмыльнулся онъ.—Ну, да ихъ подтянуть, под-тянуть... промолвилъ онъ съ удовольствіемъ.

Населеніе, дѣйствительно, было крѣпкое, мускулистое и исполненное отваги, которая закалилась во время жизни въ горахъ. Исторія этого населенія была оригинальна. Въ точности не сохранилось всѣхъ подробностей этихъ самовольныхъ поселеній, но кое-что извѣстно.

Бухтарминскіе раскольники, или каменщики, были открыты при Екатеринѣ около границъ Китая, куда еще тогда не проникали власти. Они жили совершенно независимо и образовались ранѣе половины прошлаго столѣтія изъ бѣглецовъ и раскольниковъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ. Созданіе такихъ поселеній было въ связи со всей исторіей русскаго населенія на Востокѣ. До XVIII вѣка Сибирь была бродячею. Въ XVIII вѣкѣ, однако, произошли перемѣны, началось заведеніе трактовъ, приписка крестьянъ къ заводамъ, усилилась ссылка. Въ средней Сибири населеніе начало подлежать ревизіи и записямъ въ окладъ, бродяжество начало ограничиваться, для искорененія его посылались повсюду драгунскія команды. Около степей отъ Омска къ Устькаменогорску и затѣмъ отъ Бійска къ Кузнецку была образована казачья линія и наставлены пикеты, за которые переходъ русскихъ крестьянъ былъ запрещенъ. Гулящимъ людямъ и разнымъ удалцамъ, промышленникамъ, не было болѣе простора, а между тѣмъ населеніе все еще стремилось въ лѣса, въ горы, гдѣ и промыселъ былъ свободнѣе, и жизнь безъ стѣсненій. На югѣ Сибири за запретную линію уходили промышленники, и на алтайскихъ рѣкахъ иногда команды находили укрѣпленные блокгаузы съ разбойниками и скватерами.

Преслѣдуемые бродячіе элементы, уходя изъ мѣстъ жилыхъ, бросились въ это время въ страшныя тущобы. Обыкновенно это была часть заводскаго бѣглаго населенія. Отъ Устькаменогорска и изъ Алтайскаго округа они пробрались черезъ хребты на югъ и открыли Бухтарму, выбравъ въ вершинѣ ея непри-

ступныя мѣста. Здѣсь они поставили избушки и образовали подобіе деревень. Такихъ поселковъ у каменщиковъ насчитывалось до 30. Удалившись въ камень, они создали свою общину. Существованіе ихъ было облечено тайной, населеніе было сбродное. Вотъ что мы читаемъ объ ихъ исторіи въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 года (№№ 23-й и 24-й):

«Каменьщики (отъ слова камень, ибо страна гориста и камениста) живутъ въ самыхъ гористыхъ мѣстахъ южной Сибири, Томской губерніи, Бійскаго округа. Сначала они платили подать въ казну, по примѣру ясачныхъ народовъ, звѣрями, а потому и были названы ясачными; но потомъ, по нѣкоторымъ уваженіямъ, подать перемѣнилась въ десятинную, каковую они платятъ и понынѣ.

«Пока населеніе было невелико, ясакъ собирался легко, ибо было много звѣря и были довольно успѣшно добываемы соболя высокаго качества. Число ясачныхъ, по первой переписи, бывшей при обложеніи ихъ податю, простиралось до 300 душъ; но съ увеличеніемъ населенія промыселъ звѣриный палъ, и теперь (1858 г.) считается маловажнымъ—звѣрь удался въ ненаселенные китайскіе предѣлы.

«Сперва, около 90 лѣтъ назадъ (отъ 1858 г.), поселились здѣсь 4 человека по р. Ульбѣ, по набожной склонности; но вскорѣ одинъ попался, а остальные ушли въ дикія ущелья бухтарминскія. Отсюда они стали ходить въ селенія, особенно въ тѣ, гдѣ жители были склонны къ старообрядчеству. Здѣсь къ нимъ за набожность относились съ уваженіемъ, снабжали пищей и пр. Многіе изъ жителей были склонены ими и переселились съ женами и дѣтьми къ нимъ въ невѣдомую дикую страну. Въ непродолжительномъ времени, тамъ въ неприступныхъ, окруженныхъ высокими горами мѣстностяхъ, собралось порядочное число новыхъ жителей, преимущественно крестьянъ; были построены хижины по берегамъ рѣкъ Бухтармы, Бѣлой, Язовой и др.; колонисты занялись скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческія правила, и жили въ достаткѣ. Правительство хотя и принимало мѣры противъ этихъ бѣглецовъ, но неприступность страны хорошо ограждала послѣднихъ. Распространившіеся слухи объ

нихъ привлекали къ нимъ пришельцевъ: это были, большею частью, бѣглые солдаты, заводскіе служители, наказанные и ненаказанные преступники и т. п. люди. Вслѣдствіе наплыва подобнаго элемента начались преступленія. Также явился недостатокъ въ женщинахъ — начались похищенія женъ и дочерей. Вслѣдствіе всего этого мѣстное начальство стало обращать особенное вниманіе на нихъ. Были отправляемы воинскія команды, но ущелья хорошо защищали бѣглецовъ. Китайцы также ничего не могли сдѣлать каменщикамъ, нападавшимъ на киргизовъ, подданныхъ Китая. Каменщики сами начали принимать мѣры противъ преступниковъ: такъ, для наказанія, двоихъ посадили на плоты, давши по хлѣбу и по шести, и пустили по быстрой Бухтармѣ (одинъ погибъ, а другой спасся). Преступленія, однако, не прекращались. Особенно этими подвигами прославились нѣкіе Быковъ и Загуменный. Многіе хотѣли было уже удалиться въ прежнія мѣста, но боялись наказанія. Наконецъ, было рѣшено отдаться подъ покровительство китайцевъ. Вслѣдствіе всего этого собралось нѣсколько семействъ, числомъ 60 человекъ, которые и отправились къ пограничному китайскому форпосту Чингистаю, отстоящему въ 35 верстахъ отъ нынѣшней деревни Фыкалки. Ихъ встрѣтили довольно дружелюбно, но въ подданство ханъ принять ихъ отказался, и они были отправлены обратно, снабженные лошадьми для верховой ѣзды, баранами и сорочинскимъ пшеномъ. Каменщики и сами обрадовались такому рѣшенію, ибо видѣли ужасныя китайскія казни.

«Внутреннія безпокойства и боязнь быть пойманными и наказанными и притомъ достигшіе до нихъ слухи о безпредѣльномъ милосердіи Екатерины II вызвали намѣреніе подчиниться русскому правительству. Вслѣдствіе этого былъ отправленъ въ Бухтарминскій рудникъ нѣкій Быковъ, бѣглый драгунъ (не разбойникъ Быковъ, раньше упоминаемый); управляющій рудникомъ принялъ его хорошо; затѣмъ пріѣхали и нѣкоторые другіе каменщики для подтвержденія общаго ихъ желанія.

«Екатерина II-я высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ сибирскому генералъ-губернатору Пилу 15-го сентября 1791 года, присоединила ихъ къ числу вѣрноподданныхъ, подъ именемъ

ясачныхъ. Указъ былъ объявленъ 28-го іюня 1792 года 4-мъ повѣреннымъ, присланнымъ каменщиками: Данилѣ Кривошеину, Михаилу Булычеву, Алексѣю Шестакову и Василю Зайцеву. По переписи оказалось: мужчинъ 250, женщинъ 68, итого 318, но еще многіе не переписаны (были на промыслахъ и другихъ отлучкахъ). Въ это время у нихъ было до 30 поселеній по рр. Бобровкѣ, Проѣздной, Язовой, Тихой, Среднихъ, Осочихъ, Берелу, Тургусуну и Катуні; населеніе составляли крестьяне, солдаты, драгуны и мастеровые заводскаго вѣдомства, нѣсколько дворовыхъ людей, выходцевъ изъ раскольниковыхъ пустынь и скитовъ російскихъ губерній. Было только 4 ссыльно-каторжныхъ изъ заводскихъ же мастеровыхъ.

Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губерніи» разсказывается слѣдующее объ открытіи этихъ общинъ. Въ 1761 году прапорщикъ Зеленый, идя съ присковой партіей по Бухтармѣ, захватываетъ по р. Тургусунѣ (притокъ Бухтармы) въ избушкѣ двухъ мужчинъ, но они успѣли скрыться. Бухтарма въ это время привлекла вниманіе горнаго начальства и ее начали часто посѣщать партіи. Бухтарминскіе каменщики увидѣли, что они скоро будутъ открыты и наказаны за побѣги. Они рѣшили выйти и объявиться, но сдѣлали это только послѣ переговоровъ. Они выслали предварительно 11 депутатовъ къ штейгеру Пріѣзжеву. Это было въ 1790 году, то есть спустя 30 лѣтъ послѣ того, какъ были захвачены ихъ люди Зеленымъ. Депутаты общались только тогда открыть свое убѣжище и покориться, когда имъ будетъ объявлено помилованіе и будутъ оказаны льготы. Словомъ, они предложили подданство, какъ люди, уже жившіе на положеніи инородцевъ. Вотъ въ чемъ была причина, почему, съ пріемомъ ихъ вновь въ подданство, имъ были даны права инородцевъ, съ правомъ платить ясакъ, такъ какъ они занимались преимущественно звѣроловствомъ.»

Населеніе Бухтарминской инородческой волости, по 10-й ревизіи, состояло изъ 750 душъ женскаго пола и 668 мужскаго; годныхъ работниковъ считается 304. Волость состоитъ изъ 8 деревень, изъ которыхъ 4 лежатъ по Бухтармѣ. Почва въ Бухтарминскомъ краѣ отличается плодородіемъ —

почти повсемѣстно черноземная; у подошвы горъ пластъ чернозема до 6 вершковъ, по скатамъ меньше, ближе къ вершинамъ грунтъ каменистый и, наконецъ, на вершинахъ—камень. Каменьщики оставили скалы и поселились въ мѣстахъ удобныхъ для хлѣбопашества, скотоводства и другихъ промысловъ, гдѣ живутъ и понынѣ.

Селенія ихъ по берегамъ Бухтармы были слѣдующія: Осочиха, Быкова, Сѣнная, Карабишенская и Верхбухтарминская, а въ прочихъ мѣстахъ главнѣйшія: Мало-Нарымская, Язовая, Бѣлая и Фыкальская. Въ каждомъ почти селеніи находился молитвенный домъ, но ни въ одномъ изъ нихъ церкви нѣтъ, ибо всѣ вообще жители были преданы старообрядчеству. Нѣкоторые, избранные изъ своихъ же собратій, старики исполняли всѣ требы и священнослуженіе. Только для вѣнчанія свадебъ ѣздили они въ Бухтарминскую крѣпость. Но впослѣдствіи многое измѣнилось.

Они отличаются смѣлостью и проворствомъ и прекрасно ѣздить верхомъ, даже женщины; телѣги до 1858 года у нихъ почти не употреблялись. Главныя занятія каменьщиковъ: хлѣбопашество и скотоводство, пчеловодство также довольно распространено. Кромѣ того, они ведутъ мѣновую торговлю съ киргизами и китайскими подданными, давая юфтевыя кожи, желѣзныя звѣровыя ловушки (капканы), топоры, ножи и другія желѣзныя вещи, а также соль, муку и особенно зерновой ячмень. Хлѣбопашество сначала велось плохо, но потомъ въ 50-хъ годахъ оно улучшилось, и каменьщики взялись даже ежегодно поставлять въ заводскій (Зыряновскій) магазинъ по 4,000 пудовъ ржаной муки.

Каменьщики, говорятъ, превосходные стрѣлки, они стрѣляли изъ своихъ винтовокъ такъ мѣтко, что разрѣзывали на ножъ пулю.

Изъ дальнѣйшей исторіи ихъ извѣстно, что они долго держались на сторонѣ и не ладили съ мѣстнымъ начальствомъ, такъ что земская полиція боялась заѣзжать къ нимъ. Они считались отчаянными и отстаивали свою свободу. Дѣйствительно, по рассказамъ путешественниковъ, каменьщики до послѣдняго времени сохранили независимый и отважный харак-

теръ (свидѣтельство Принтца). Щаповъ приписываетъ это горной жизни и той смѣлости, которую развиваетъ она. Конечно, жизнь въ альпахъ развиваетъ отвагу и вліяетъ на складъ характера, какъ и на самый организмъ. Здѣсь сформировалась могучая, богатырская раса. Охотничій промыселъ, погоня за мараломъ и сохатымъ, бои съ медвѣдями воспитали ту же отвагу. Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго сложения, они ходятъ часто въ одиночку на медвѣдя *). На Бухтармѣ извѣстенъ одинъ охотникъ, напоминающій богатыря. Казачій офицеръ, самъ весьма здоровый и коренастый мужчина, передавалъ мнѣ свое впечатлѣніе, когда онъ здоровался съ этимъ колоссомъ: рука его была рукою ребенка въ рукѣ этого бухтарминца. Охотничій костюмъ, винтовка и ножъ на поясѣ придаютъ воинственный видъ этому населенію. Они носятъ оригинальные костюмы и особые плащи. Въ общемъ раскольники очень добродушны, но недовѣрчивы къ постороннимъ.

Бухтарминцы долго не могли утратить свой авантюристскій характеръ. Когда засѣдатели и начальство стали чаще посѣщать ихъ, а привычка жить уединенно и скрытно брала свое, ихъ временами начинало охватывать желаніе удалиться еще дальше. Начали носиться мѣны о новыхъ странахъ, гдѣ живетъ привольно, гдѣ нѣтъ гоненій за вѣру и гдѣ не платятъ податей.

Весною въ 1861 году нѣсколько семей сговорились искать, такъ называемаго, Бѣловодья. Бухтарминцы вышли подъ предводительствомъ крестьянина Боброва. Подъ именемъ Бѣловодья предполагалось поселеніе на озерѣ Лобъ-Норъ **). Странники изъ 32 мужчинъ и 23 женщинъ бѣжали и долго бродили за границей, въ Китаѣ, но принуждены были возвратиться и вновь поселены въ деревнѣ Сѣнной. Событіе это разсказывается такъ.

Въ 1861 году бѣжало за границу въ китайскіе предѣлы 32

*) Типы такихъ же охотниковъ силачей и богатырское населеніе рисуетъ г. Черкасовъ въ замѣчательныхъ разсказахъ своихъ изъ охотничьей жизни (См. «Записки сибирскаго охотника», «Русскій Вѣстникъ», кн. 1, 1886 г., стр. 260—288).

**) О раскольничьихъ поселеніяхъ на Лобъ-Норѣ упоминаетъ Н. М. Пржевальскій въ своемъ путешествіи къ этому озеру.

мужчины и 23 женщины. Оказалось, что нѣкіе Семенъ и Хрисанъ Бобровы, три года находившіеся въ бѣгахъ, распространили давнишнее преданіе о Бѣловодѣ, гдѣ будто бы они сами живутъ въ числѣ 10 человекъ обоого пола, гдѣ привольная, полная свободы жизнь. Оба Бобровы раскольники увлекли этихъ лицъ, и тѣ рѣшились идти на Бѣловодье. Они перешли границу черезъ р. Нарымъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было удобнѣе, и должны были собраться въ верховьяхъ Чернаго Иртыша. Но тутъ, увидя, что Бѣловодья нѣтъ, путники набросились на Бобровыхъ и едва не убили Хрисанѣа. Предпріятіе разстроилось. Бѣглецы около 2-хъ лѣтъ бродили въ китайскихъ предѣлахъ, терпя разныя невзгоды и лишенія, стѣсняемые китайскими властями, и потомъ почти всѣ, кромѣ пропавшихъ безъ вѣсти Бобровыхъ, вернулись въ свои мѣста.

Для предупрежденія подобныхъ побѣговъ вскорѣ въ Бухтарминскомъ краѣ былъ назначенъ особый чиновникъ въ селѣ Сѣнномъ. Слухи о Бѣловодѣ, однако, волновали долго бухтарминцевъ. За каменьщиками съ этого времени зорко слѣдилъ отдѣльный засѣдатель.

Всѣ каменьщики принадлежатъ къ безпоповщинской сектѣ, первая церковь у нихъ освящена въ 1862 году, но они ея не посѣщаютъ. Принцъ рассказываетъ слѣдующее о ихъ вѣроисповѣданіи. По религиознымъ понятіямъ, инородцы Бухтарминскаго края—закоренѣлые раскольники безпоповщинской секты. До послѣднихъ лѣтъ во всемъ краѣ не было церкви, и только въ 1859 году назначенъ священникъ и стали строить церковь. Въ 1862 году церковь эта освящена, но инородцы посѣщаютъ ее чрезвычайно рѣдко. Такъ мѣстный священникъ говорилъ, что у заутрени въ Свѣтлое Христовое Воскресеніе, вмѣстѣ съ причтомъ и семействомъ тамошняго засѣдателя, было не болѣе 20 человекъ, и обыкновенно по праздникамъ случается, что только одинъ причтъ въ церкви. Только въ свадьбу они прибѣгаютъ къ церкви и даютъ расписку не возвращаться больше въ расколъ, но обѣщанія, конечно, не исполняютъ, какъ вынужденнаго для совершенія «законнаго брака». Дѣтей крестить священнику не даютъ, говоря, что бабка уже окрестила тотчасъ по рожденіи.

Разсказываютъ, что у нихъ также существуетъ свобода любви, и короткія связи называются просто «птичьимъ грѣхомъ». Дѣвицѣ не ставится въ грѣхъ, если она до замужества жила съ кѣмъ нибудь; по выходѣ же замужъ она обязывается быть вѣрной своему мужу.

Можно подуматъ, по первому впечатлѣнію, что раскольники здѣшніе угрюмы и не отличаются весельемъ, но намъ передавалъ очевидецъ, что они отдаются веселью, у нихъ въ ходу пѣсни, но нѣтъ необузданнаго пьянства.

Когда окончилась уборка хлѣба и осенью добытъ медъ, они начинаютъ варить «меды» и начинаютъ пировать. Цѣлое селеніе ходитъ группами, обнявшись, молодые парни и дѣвицы отдѣльно, пожилые женатые отдѣльно, старики и старухи въ своей группѣ; каждая группа поетъ свои пѣсни, и деревня представляетъ полную идиллію.

Костюмы раскольниковъ очень ярки, женщины въ яркихъ сарафанахъ, на головахъ платки въ видѣ чалмы, у мужчинъ есть шапки съ краснымъ верхомъ, парни любятъ вышитыя рубашки, бисерныя цѣпи на воротѣ, иные обшиваютъ сапоги для щегольства бахрамой. У женщинъ старинныя лисьи шубки съ двумя лентами, идущими отъ воротника.

Зажиточность ясачныхъ была замѣчательная; они успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ, зажиточные крестьяне распахиваютъ до 15 десятинъ. Сѣютъ ячмень, овесъ, рожь, чечевицу, яровую пшеницу и бѣлотурку. Держать порядочное количество коровъ и лошадей (по 20 и 30 штукъ у хозяина). Во всѣхъ деревняхъ развито пчеловодство, есть хозяева, имѣющіе до 1,000 колодокъ. Бухтарминцы славятся пчеловодствомъ и сплавляютъ медъ по Иртышу до Омска около 8,000 пудовъ и воска до 500 пудовъ. Звѣроловство до сихъ поръ у каменщиковъ играетъ видную роль, они добываютъ соболей, лисицъ, дикихъ мараловъ и козловъ. Соболиный промыселъ производится въ вершинахъ Бухтармы и Катуні. Соболи алтайскіе оцѣниваются отъ 4 до 20 рублей. Что касается охоты на марала, то здѣсь, кромѣ шкуры, играютъ роль рога, продающіеся въ Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара, а въ Китаѣ 150 руб. Подкараулить и подстрѣлить марала нужно большое искусство.

Нынѣ на Бухтармѣ разводятся домашніе маралы. Мараловъ ловятъ на охотѣ и сажаютъ въ особые сады, гдѣ они гуляютъ и плодятся; каждую весну у нихъ спиливаютъ рога. Эта новая вѣтвь скотоводства создана въ Алтаѣ русскимъ крестьянствомъ. Во всякомъ случаѣ, колонію каменщиковъ можно назвать цвѣтущей. Къ характеристикѣ каменщиковъ мы должны прибавить, что каменщики, или ясачные, нынѣ отсадили населеніе и въ другія деревни.

Къ числу такихъ же поселеній относилась и Уймонская община на сѣверѣ Катунскаго хребта. Эту роскошную долину у подножія Катунскихъ альпъ мы также посѣтили. Уйманцы поселились также какъ и каменщики. Изъ разсказовъ и мѣстныхъ показаній мы узнали, что русскіе раскольники жили и на устьѣ Аргута, бурной горной рѣки, впадающей въ Катунь. Съ тѣхъ поръ эта рѣка получила названіе Тополевки. На устьѣ ея дѣйствительно роскошные тополи. Съ этой Тополевки послѣ перешли старообрядцы на Уймонъ. Намъ передавали на Уймонѣ, что на Тополевку зашли старообрядцы съ вершинъ Енисея. Въ вершинѣ Енисея также гнѣздилося старообрядчество и, вѣроятно, поддерживало сношенія съ Алтаемъ. Мы сами видѣли бывалаго человѣка въ Уймонѣ, жившаго и на Енисеѣ. Верхнеуйманцы также были, какъ каменщики, обращены въ инородную управу. Но и они совершали попытки побѣговъ и исканія Бѣловодья. Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣсколько изъ нихъ бѣжали, но были настигнуты и возвращены. Инстинктъ исканія новыхъ мѣстъ не оставлялъ долго раскольниковъ. Верхнеуйманская управа раскинута также въ привольной и роскошной мѣстности; изъ долины видны снѣжные куполы вѣчно серебрищейся Бѣлухи (сибирскаго Монъ-Блана). Уймонская управа считала по 10-й ревизіи 559 душъ. Что касается Бухтарминской управы, то изъ 300 душъ по 10-й ревизіи въ ней расплодилось 750 душъ женскаго пола и 668 мужскаго. Непропорціональность половъ, въ прежнее время еще болѣе рѣзкая, вѣроятно, повліяла на свободныя отношенія между ними, въ виду недостатка женщинъ, а затѣмъ создала и въ религіозныхъ понятіяхъ раскольниковъ терпимость къ свободѣ любви.

Насъ всегда поражало какъ въ этихъ управахъ, такъ и въ другой совершенно русской управѣ, въ Кумышской, Барнаульскаго округа, быстрое увеличеніе населенія. Въ Кумышской управѣ изъ 10 семей увеличилось населеніе въ столѣтіе до 1,260 душъ. Мы объясняли это многимъ, и въ томъ числѣ тѣмъ, что населеніе это не давало рекрутъ. Народъ въ этихъ обществахъ отличался рослостью, здоровьемъ и замѣчательной силой. Въ Алтаѣ мы видѣли дѣвицу аршинъ въ плечахъ, поднимавшую 12 пудовъ. Мужчины силачи также не рѣдкость.

Позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи каменщиковъ является то, что льготы ихъ и особое положеніе нынѣ окончены. Въ 1878 году положено зачислить ихъ въ общій крестьянскій окладъ и образовать волость. Это очень огорчило ихъ. Они положили ходатайствовать о возвращеніи льготъ и рѣшили послать депутацію въ Петербургъ. Въ 1882 году ихъ депутаты были, говорятъ, въ Петербургѣ, но мы ихъ не видѣли. Старообрядцы все еще надѣялись на Екатерининскую грамоту.

Затѣмъ мы получили извѣстіе о томъ, что въ управѣ былъ наборъ. Мы вспомнили выраженіе исправника и его предсказаніе. Такъ какъ бухтарминцы были вполнѣ русское населеніе и ничѣмъ не отличались отъ другихъ волостей, то это было вполнѣ естественно. Но не можемъ не отмѣтить одного оригинальнаго разговора по этому поводу, который мы вели съ сосѣднимъ крестьяниномъ одной подобной управы. Мы начали этотъ разговоръ случайно.

— Вѣдь въ сосѣдней управѣ «иностранцы» живутъ?—спросили мы.

— Какіе, батюшка, иностранцы!—они такіе же, какъ мы, крестьяне.

— Скажи, однако, вы не завидуете имъ? Вѣдь съ нихъ рекрутъ не берутъ, это несправедливо?

Мы поставили такъ вопросъ нарочно, желая узнать, насколько сами крестьяне желали привлеченія своихъ сосѣдей къ общей повинности. «Привлекутъ ихъ, съ васъ брать меньше будутъ»,—привели мы въ видѣ довода. Такой взглядъ намъ казался юридически справедливымъ, безпристрастнымъ и либеральнымъ, и вотъ что мы услышали.

— Какъ тебѣ сказать, батюшка,—говорилъ крестьянинъ серьезно, съ своимъ задумчивымъ, грустнымъ взоромъ:—они этой льготой давно пользуются. Матушка Екатерина ихъ освободила. Если ихъ брать въ солдаты будутъ, развѣ намъ легче будетъ, все равно! Такъ ужъ пусть они лучше этой «болѣсти» не знаютъ, пусть они слезъ не лютъ какъ мы, пусть они матушку Екатерину благословляютъ.

Такого взгляда мы не ожидали, здѣсь не было и тѣни зависти, но была какая-то замѣчательная гуманность, до которой мы никогда не достигнемъ.

Мы оставили Бухтарму и ея населеніе, сохранивъ отъ нея самое пріятное впечатлѣніе. Мы думали—какъ бы то ни было, но если русское населеніе протянулось на границѣ Китая и выставило рядъ деревень, если русская колонизація проникла въ самые неприступные хребты, то этимъ мы обязаны смѣлымъ каменьщикамъ.

Н. Ядринцевъ.

СУЗГЁ.

(Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири).

Поэма П. Ершова, автора „Конька-Горбунка“.

Царь Кучумъ.

Царь Кучумъ одинъ владѣть
Всей Сибирскою землею;
Объ, Иртышъ, Тоболь съ Вагаемъ
Одному ему подвластны;
Онъ беретъ со многихъ дани,
Самъ не платитъ никому.
Царь Кучумъ, сидя въ Искерѣ,
Съ утра ранняго до ночи,
Пишетъ царскіе приказы,
Разсылаетъ повелѣнья,
Отъ Урала до Алтая,
По Сибирской всей землѣ.
Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства:
Драгоцѣнные каменья,
Изъ монистовъ ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро.
Царь Кучумъ живетъ въ палатахъ,
Ѣсть съ серебрянаго блюда,
Изъ ковша пьетъ золотого,
Спитъ подъ шолковымъ навѣсомъ,
На пуховыхъ на постеляхъ,
Ходитъ мягко по коврамъ.
У того царя Кучума
Двѣ подруги молодыя,

Двѣ пригожія царицы,
Полногруды, бѣлолицы;
У одной глаза какъ небо,
У другой глаза какъ ночь.
Царь Кучумъ обѣихъ любитъ,
Царь Кучумъ обѣихъ нѣжитъ,
Съ алой розы умываетъ,
Въ шolkъ, въ мониcты наpяжаетъ,
И дородcтво, и пригожcтво
Пуще глаза бережетъ.

Три просьбы.

Разъ, о полдень, царь Сибири
Отъ трудовъ своихъ отъ царскихъ
Отдыхалъ на мягкомъ ложѣ.
Вдругъ къ нему, къ царю, подходитъ,
Легкой ножкой чуть ступая,
Черноглазая Сузгѣ.
— „Мой супругъ и повелитель,
„Царь Кучумъ! твоя рабыня
„Хочетъ нынѣ женской просьбой
„Утрудить твое вниманье“, —
Такъ къ нему, царю, вѣщаетъ
Черноглазая Сузгѣ.
Царь Сибири, усмѣхаясь,
Взялъ пригожую царицу,
Посадилъ къ себѣ на ложе
И, обнявъ рукою правой:
— „Разскажи, моя царица“, —
Молвилъ ласково ей онъ.
— „Мой супругъ и повелитель“! —
Говоритъ Сузгѣ Кучуму: —
„Велико твое владѣнье,
„Хороши твои усадьбы,
„Но одно твое селенье
„Лучше кажется мнѣ всѣхъ:
„Тамъ есть холмъ одинъ высокій,
„Съ двухъ сторонъ стѣною горы,

„Съ двухъ сторонъ ковромъ равнина,
„У холма же, словно лента,
„Ручеекъ бѣжитъ въ равнину,
„А вдали шумитъ Иртышъ.
„Прикажи мнѣ, мой властитель,
„Тамъ построить теремъ царскій
„И позволь твоей рабынѣ
„Въ этомъ теремѣ веселомъ
„Встрѣтить вешнюю зарницу,
„Красно лѣто проводить“.
— „Будеть!“ — молвилъ царь Сибири.
— „Да еще одно прошенье:
„Прикажи срубить мнѣ судно,
„Снарядить его приборомъ,
„Тонкимъ парусомъ съ подзоромъ,
„Чтобъ вечернею порою
„Мнѣ гулять по Иртышу“.
— „Будеть!“ — молвилъ царь Сибири.
— „Да еще одно прошенье:
„Пріѣзжай два разъ въ недѣлю
„Навѣстить твою рабыню,
„Слово ласково промолвить,
„Ложе ночью раздѣлить“.
— „Будеть!“ — молвилъ царь Сибири:—
„Въ три недѣли приготовить
„На холму веселый теремъ,
„На рѣкѣ—съ приборомъ судно,
„И два разъ въ недѣлю буду
„Я въ твой теремъ пріѣзжать“.

Сузгунъ.

Время срочное минуло,
На холмѣ Сузгѣ высокомъ
Красовался царскій теремъ
Съ переходами рѣзными,
Со ставнями расписными,
Съ узорочною оградой

И съ перильчатымъ крыльцомъ.
Пихты, лиственницы, ели
Осѣняютъ царскій теремъ;
Надъ ручьемъ бѣлѣтъ пологъ;
Отъ крыльца къ ручью, по скату,
Вьется легкая дорожка
И теряется въ цвѣтахъ.
По равнинѣ по широкой,
Отъ рѣки до горъ далекихъ,
Ходятъ воины Кучума,
Стерегутъ тотъ теремъ царскій,
Гладятъ бороду сѣдую,
Саблей звонкою стучать.
По рѣкѣ гуляетъ судно,
Двадцать вѣселъ плещутъ воду,
Бѣлый парусъ наготовѣ
Развернуться полной грудью,
Заплескать въ волнахъ кипучихъ,
Судно легкое нести.

За весной приходитъ лѣто,
Убираетъ всю природу
Въ разноцвѣтную одежду:
Таль и липу рядить въ зелень,
Кустъ шиповника румянить,
Разноцвѣтными коврами
Вяжетъ по полю цвѣты.
Вся земля пируетъ лѣто;
Но на всей землѣ Сибирской
Нѣтъ прекраснѣе Сузгуна,
Гдѣ живетъ луна-царица,
Черноглазая Сузгѣ.

Зной полудня утихаетъ;
Съ горъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Вѣтерокъ летитъ прохладный.
Вотъ изъ терема выходятъ
По рѣшетчатымъ воротамъ
Шесть татарокъ молодыхъ,

И стають онѣ попарно
Въ обѣ стороны по скату,
Ждутъ царицу молодую,
Чтобъ вести ее подъ пологъ,
Въ сокровенную купальню
Тихоструйнаго ручья.
Вотъ является царица...
Легкой серною мелькаетъ
По излучистой дорожкѣ;
И спѣшать за ней рабыни
Снять ревнивые покровы
Съ ихъ царицы молодой.
Бѣлый пологъ застегнули...
Слышны рѣчи, слышенъ хохотъ,
Звонкій плескъ прозрачной влаги,
И на пологѣ широкомъ,
Въ легкихъ очеркахъ видѣній
Тѣни зыблются порой.

Вечеръ. Кончилось купанье.

Снова пологъ разстегнулся,
И царица молодая,
Съ разгорѣвшимися щеками,
Вновь мелькнула по дорожкѣ
Легкой серною на холмъ
И подъ пихтою душистой
Опустилася, слабѣя,
На узорчатая ткани.
И несетъ одна дѣвица
Прохладительный напитокъ
Ей въ сосудѣ золотомъ.
Вкругъ Сузгѣ ея рабыни
Черну косу выжимають,
Чешутъ гребнемъ, раздѣляютъ,
Въ плетеницы завивають
И жемчужную повязку
Въ косу пышную плетутъ.
Пьетъ царица молодая
Прохладительный напитокъ;
Словно пламя пышутъ щеки,
Словно звѣзды блещутъ очи,

Словно волны дышуть груди:
Такъ бѣла и такъ свѣжа!
На коврахъ лежа узорныхъ,
Приклонивъ къ рукѣ головку,
Въ упоительномъ раскидѣ,
То ли розою востока,
То ли гуріей пророка
Тутъ казалася Сузгѣ.
А надъ нею полной чашей
Безпредѣльнаго сіянья
Небо лѣта развернулось;
А предъ нею—горы, доли,
Безконечная равнина,
Вѣчно плещущій Иртышъ!..
Въ легкій сонъ Сузгѣ склонилась,
И любимая рабыня,
На колѣни ставъ предъ нею,
Обводила опахаломъ
И пылающія щеки,
И трепещущую грудь.

Р а з с к а з ы.

Спитъ царица молодая
Подъ вечернею прохладой,
А у ногъ ея рабыни
За узорнымъ рукодѣлемъ
Чуть-чуть слышными рѣчами
Говорять между собой.
Чудны женскіе рассказы:
Будто полночью глубокой
На мысу одномъ высокомъ
По три раза приходила
Цвѣта бѣлаго собака
И какъ уголь черный волкъ;
Съ воемъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака
Растерзала злаго волка;
Будто съ той же ночи всюду

Межъ сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла;
Будто въ полдень на востокъ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башнѣ,
И подуетъ вѣтръ съ Урала,
И снесетъ тотъ полумѣсяцъ,
И навѣетъ чудный знакъ;
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится звукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ ханскимъ царствомъ?
А не даромъ же татары
Собираются къ мечетямъ:
Сердце чуетъ про невзгоду,
Тишина—предвѣстникъ бури.
Гдѣ жъ зачнется та гроза?

Г о н е ц ъ.

Всходитъ утро надъ Сузгуномъ.
Вдругъ къ Сузгѣ въ высокій теремъ
Старшина сѣдой приходитъ;
Торопливо проситъ видѣть
Черезъ рабынь свою царицу,
Молвить важныя ей вѣсти,
Слово нужное сказать.
И царица призываетъ
Старшину въ свою свѣтлицу,
И волнистою фатою,
Словно облакомъ летучимъ,
Осторожно закрываетъ
Полнолунное лицо.
Вскорѣ входитъ старый воинъ.

Скинувъ шапку мѣховую,
Онъ честить Сузгѣ поклономъ.
— „Вѣсти важныя, царица!
„Здѣсь гонецъ царя Кучума,
„Сохрани его Алла!
„Къ намъ отъ западной границы,
„Отъ крутыхъ верховъ Урала,
„Безъ призыву, безъ прошенья,
„Вдругъ пожаловали гости,
„И пируютъ нашей кровью
„По Сибирской всей землѣ.
„Царь Кучумъ гонцовъ отправилъ,
„Чтобъ со всѣхъ сторонъ Сибири
„Для защиты, для отпора,
„Собирались старъ и молодъ;
„Чтобы всѣ свои селенья
„Укрѣпляли въ тотъ же часъ.
„И къ тебѣ гонецъ, царица!
„Царь Кучумъ велить, не медля,
„Строить стѣны и бойницы,
„Дѣлать вѣлы и ограды,
„Снаряжать себя довольствомъ,
„Рать осадную собирать“.

— „А далеко ль эти гости?“ —

Старшину Сузгѣ спросила.

— „А когда бъ стрѣла летѣла

„Часъ одинъ съ одною силой,
„Такъ къ концу она упала бъ
„Въ ихъ невѣрные шатры“.

И даетъ Сузгѣ-царица

Старшинѣ тому сѣдому
Тихо умные приказы,
И послушно старый воинъ
Ей клянется головою
Все исполнить, какъ велить.

Укрѣпленіе.

Спѣетъ дружная работа:
Съ утра равняго до ночи

Сто работниковъ послушныхъ
Носять камни, возять бревна,
Ркоуть рвы и сыплютъ валы,
Укрѣпляютъ царскій холмъ.
Вотъ проходятъ двѣ недѣли,
И Сузгѣ веселый теремъ
Смотрить грозною твердыней:
Обнесенъ кругомъ стѣнами,
Обведенъ высокимъ валомъ,
Окруженъ глубокимъ рвомъ;
Двѣ бойницы подлѣ ската,
И одна изъ нихъ—на западъ,
Гдѣ Иртышъ шумить волнами,
А другая—на востокѣ,
Тамъ, гдѣ стелется равнина
Безконечной полосой.
И съ бойницъ тѣхъ непрестанно
Смотрять въ даль сторожевые
И, при каждомъ появленіи
Незнакомыхъ лицъ въ равнинѣ,
Вызываютъ громкимъ крикомъ
На бойницы весь отрядъ.
И гонецъ, два раза въ сутки,
Скачетъ шибко за вѣстями
Отъ Сузгуна до Искера;
Но, къ несчастью, съ каждымъ разомъ,
Все нерадостныя вѣсти
Онъ привозить отъ царя.

Махметъ-Кулъ.

Разъ, вечернею порою,
Въ тѣ часы, когда молитву
Правовѣрные свершали,
А Сузгѣ въ своей свѣтлицѣ
Думу думала,—нежданно
Быстро входитъ воинъ къ ней.
Грозенъ видъ его сердитый;
Лобъ наморщенъ; губы гнѣвомъ

Сведены; глаза сверкаютъ.

Ни поклона, ни привѣта

Онъ не дѣлаетъ царицѣ

И не смотритъ на нее.

— „Братъ!“ — царица восклицаетъ,

И встаетъ поспѣшно съ мѣста,

И сжимаетъ брату руки:—

„Или новое несчастье

„Насъ постигло? Что жъ?.. Не медли!

„Все ли кончено? скажи!“

Молчаливъ и гнѣвъ воинъ.

— „Что съ Кучумомъ? Что съ народомъ?..“ —

Вновь царица начинаетъ:—

„Или Богъ совсѣмъ оставилъ

„Правовѣрныхъ? Иль пришельцы

„Посягнули на царя?..“

Вдохъ страданья, вдохъ тяжелый—

Былъ отвѣтъ Махметъ-Кула.

Вдругъ сорвалъ онъ свою саблю,

Бросилъ объ полъ съ сильнымъ гнѣвомъ

И, закрывъ лицо руками,

— „Все погибло!“ — простоналъ:—

„Пришлецы теперь пируютъ

„Въ нашемъ городѣ Искерѣ;

„Наше войско—куча труповъ;

„Самъ Кучумъ бѣжалъ поспѣшно,

„Бросивъ всѣ свои богатства...

„Гибель царства рѣшена!..“

Долго длилось молчанье

Между братомъ и сестрой.

Вдругъ изъ ясныхъ глазъ царицы

Слезы градомъ покатились:

— „Мой супругъ! мой повелитель!“ —

Громко вскрикнула она.

С о в ѣ т ъ.

Ходить скорыми шагами

Братъ царицы по палатамъ,

Гнѣвъ, печаль его терзаютъ;
А царица молодая
Неподвижно, молчаливо
На коврѣ своемъ сидитъ.
Вдругъ Махметъ остановился
Предъ сестрой и грустно молвилъ:
— „Мнѣ съ тобой сегодня жъ должно
„Разлучиться. Пусть погибну,
„Если рокъ велитъ мнѣ гибнуть,
„Если гибнетъ царство все.
„Да, сестра, сегодня жъ ночью
„Я прощусь съ тобой. Не бойся!
„Безъ меня тебя не тронуть:
„Русскій ждетъ моею лишь смерти.
„Пусть! о жизни не жалѣю:
„Смерть моя спасетъ тебя.
„Погоди! Но если слѣдъ мой
„У тебя нашъ врагъ откроетъ,
„Все пропало! Я знакомъ имъ,
„Я встрѣчался съ ними въ битвахъ;
„Самъ Кучумъ не такъ имъ страшенъ,
„Какъ твой юный братъ Махметъ.“
— „Все ль? Теперь меня послушай!“—
Рѣчь царица начинаетъ:—
„Если Богъ велѣлъ погибнуть
„Всей Сибири,—пусть погибнетъ;
„Но пускай и врагъ нашъ, русскій,
„Гибель съ нами раздѣлитъ.
„Иль не стало больше средства?
„Иль на всей землѣ Сибирской
„Нѣтъ ужъ больше человѣка?
„Царь бѣжалъ—будь ты царь нынче,
„Вороти свое владѣнье,
„Завоюй себѣ Сибирь!
„Слушай: хитрость лучше силы,
„Распусти у русскихъ слухи,
„Что сидишь ты здѣсь, въ Сузгунѣ,
„И, когда нашъ врагъ обложитъ
„Это мѣсто,—ты, не медля,
„Собирай себѣ дружину.

„Будь спокоенъ! я сумѣю
„Продержать ихъ подъ стѣнами
„Столько времени, сколь нужно,
„Чтобъ тебѣ собраться съ силой.
„Тутъ нагрянь на нихъ отважно,
„И Алла помощникъ твой!“

Рѣчь окончила царица.
На лицѣ Махмета-Кула
Лучъ блеснулъ отрадной мысли.
Нѣжно обнялъ онъ царицу.
— „Да исполнится!“ — сказалъ онъ,
И поспѣшно вышелъ вонъ.

Ермакъ.

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
По своему богатомъ царствѣ;
А въ большихъ его палатахъ
Казаки сидятъ за чарой,
Поминаютъ Русь святую
И московскаго царя.
Впереди сидитъ начальникъ
И большой ихъ воевода,
Первый въ боѣ и совѣтахъ,
Тотъ Ермакъ ли Тимоѣичъ.
Рѣдко къ чарѣ онъ коснется,
И среди веселья крѣпко
Думу думаетъ свою.
Справа—грозный воевода,
Атаманъ, Кольцо отважный,
Буйну голову повѣсивъ;
Слѣва—весель и разгулень,
Съ полной чарою глубокой,
Атаманъ Гроза сидитъ.
На другомъ концѣ пируютъ
Три другіе атамана:
Мещерякъ, Михайловъ съ Паномъ.
За палатами жъ Кучума
На дворѣ большомъ гуляютъ

Удалые казаки.

Свѣтлый день идетъ на вечеръ,

А казацкій пиръ къ исходу...

Вдругъ большой ихъ воевода,

Тотъ Ермакъ ли Тимоѳеичъ,

Выпивъ чарку единымъ духомъ.

Быстро всталъ изъ-за стола.

— „Нѣтъ, товарищи!“ — сказалъ онъ:—

„Рано намъ еще на отдыхъ;

„Наше дѣло начатое

„Довершить сперва надлѣжить:

„Мы Искеръ одинъ лишь взяли,

„Остается взять Сибирь.

„Къ намъ дошли худыя вѣсти:

„Говорятъ, что царскій шуринъ

„Не бѣжалъ съ царемъ Кучумомъ,

„Что сидитъ теперь въ Сузгунѣ,

„Что тайкомъ собираетъ войско,

„Чтобъ Искеръ у насъ отнять.

„Завтра—съ Богомъ, за работу!

„Ты, Гроза, пойдешь къ Сузгуну

„Со своею всей дружиной,

„И ужъ волей, иль неволей,

„А возьми Махмета-Кула;

„Только помни благость Бога,

„Не губи напрасно всѣхъ.

„Ты, Кольцо, сиди въ Искерѣ,

„Береги его для Руси;

„Самъ же я пойду съ другими

„На царя того, Сейдика.

„Надо кончить поскорѣе:

„Вѣдь зима не за горами.

Рѣчь Ермакъ свою окончилъ,

Встали тихо атаманы.

— „Гой, Ермакъ нашъ Тимоѳеичъ!“ —

Громко всѣ они вскричали:—

„Ты приказывать намъ можешь,

„Мы послушники твои!“

П о х о д ъ.

На другой день всѣ казаки
До зари еще вставали,
Сабли, ружья вычищали,
Собиралися на площадь,
И въ порядкѣ, чиномъ къ чину,
Ставовилися въ ряды.
Вотъ выходитъ воевода,
Тотъ Ермакъ ли Тимоѣичъ,
Съ атаманами своими;
Низко кланяется войску,
И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ.
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,
Въ тишинѣ благоговѣйной
Молить Господа и Бога
О побѣдѣ надъ врагами,
О спасеніи царя.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки.
Сабли наголо и дружно
Громкимъ голосомъ вскричали:
—„Съ нами Божеская сила
„И угодникъ Николай!“
Вотъ Ермакъ ряды обходитъ,
Поименно называетъ
Всѣхъ десятниковъ и старшихъ,
Славу Дона поминаетъ,
И богатую добычу,
И прощенье царя.
—„Гой, товарищи и братцы,
„Вы, казаки удалые!
„Лучше честно намъ погибнуть,
„Чѣмъ позорною кончиной
„На постыдной сгибнуть плахѣ
„И проклятье заслужить.“

* Шумно тронулись казаки...
То не лебеди, не снѣги—
То ихъ парусы бѣлѣють.
То не пѣсни соловьины—
То ихъ русскіе напѣвы.
Гой, вы, братцы, добрый путь!

Старшина.

Не въ полуднѣ, не въ полночи
Крикъ орла раздался съ выси,
А вечернею порою
Крикнулъ воинъ на бойницѣ,
Той бойницѣ ли Сузгунской,
Гдѣ синѣется Иртышъ.
То не пчелы вылетаютъ.
Изъ улья съ своей царицей,
То татары выбѣгаютъ
Съ старшиной своимъ отважнымъ
На высокія на стѣны
Грозной крѣпости Сузгѣ.
Вотъ являются въ равнинѣ
Люди храбрые, казаки,
Впереди ихъ — воевода.
— „Ай-да крѣпость!“ — тихо молвить.
— „Ай-да крѣпость!“ — повторяютъ
Всѣ казаки про себя.
— „Гой, татары и уланы!“ —
Крикнулъ громко воевода:—
„Коль живыми быть хотите,
„Сдайте намъ свою ограду;
„Коль погибнуть вы хотите,
„Не сдавайте намъ ея!“
— „Гой, невѣрный воевода!
„Прежде солнце почернѣетъ,
„Прежде нашъ Иртышъ великій
„Потечетъ назадъ къ истоку,
„Чѣмъ сдадимъ мы вамъ ограду“, —
Такъ со стѣнъ своихъ высокихъ
Отвѣчаетъ старшина.

О с а д а .

День седьмой уже проходить;
Утомилися казаки;
Утомилися татары.
— „Стыдъ, когда, не взявъ, отступимъ
— „Стыдъ, когда сдадимъ ограду!“
Вновь напоръ и вновь отпоръ.
Наконецъ, Гроза, съ согласья
Всѣхъ десятниковъ и старшихъ,
Пишетъ грамоту и просьбу
Къ Ермаку, такую рѣчью:
— „Двѣ недѣли ужъ проходятъ,
„А мы все еще не можемъ
„Взять Сузгуна на мечи;
„Да и что это за крѣпость!
„Да и что это за люди!
„Хоть Махмета не видали,
„Но по этому упорству
„Думу думаемъ такую,
„Что онъ вѣрно тутъ сидитъ.
„Ждемъ приказу войсковаго—
„Что намъ дѣлать. Если снова
„Ты велишь держать въ осадѣ
„Эту крѣпость, то мы просимъ
„Къ намъ людей прислать побольше:
„Малымъ крѣпости не взять.
„Вотъ, когда бы въ чистомъ полѣ
„Намъ схватиться привелось,—
„Это дѣло бы другое.
„А стѣна покрѣпче груди,
„Хоть и то мечи порядкомъ
„Мы сточили объ нее.

С т р ѣ л а .

Снова тянется осада.
Двой сутки ужъ проходятъ,

А на третью, темной ночью,
Отъ Махметова улана
Въ крѣпость брошена съ извѣстьемъ
Быстроперая стрѣла.
— „Богъ совсѣмъ татаръ оставилъ“, —
Такъ извѣстье начинается: —
„Три дня ровно, какъ случилась
„Сѣча съ русскими большая;
„Нами правилъ братъ твой храбрый,
„Ими властвовалъ Ермакъ.
„Семь часовъ та сѣча длилась,
„А въ восьмой — твой братъ, царица,
„Раненъ мѣткою пищалью.
„Безъ главы осталось войско.
„Тѣ побиты, тѣ бѣжали,
„А Махметъ-Куль взятъ въ полѣнь.“
Нѣтъ рѣчей въ устахъ царицы!
Нѣтъ слезы въ глазахъ несчастной!
А межъ тѣмъ, какъ черны тучи,
Думы тяжкія проходятъ,
Женскій умъ ея тревожатъ,
Точать сердце, давятъ грудь.
О, Сузге, моя царица!
И послѣдняя надежда
На великаго Махмета
Вдругъ потеряна! Онъ плѣнникъ!
Царь Кучумъ — въ степяхъ, далеко!
Что ты ждешь еще себѣ?

Безнадежность.

Ходить бѣдная царица
По своей опочивальнѣ,
Руки бѣлыя ломаетъ,
Взоромъ сумрачнымъ блуждаетъ
И свою тоску-кручину
Такъ высказываетъ вслухъ:
— „Знать, то Богу такъ угодно,
„Чтобъ великое владѣнье

„Повелителя Кучума
„Уничтожилось! За что же
„Намъ бѣда пришла такая?
„Чѣмъ прогнѣвали судьбу?
„Я вчера была царицей,
„А сегодня, можетъ, буду
„Русскихъ плѣнницей, рабою!
„И дитя мое... О Боже!
„И дитя... О, нѣтъ, не можно!
„Нѣтъ, рабой не буду я!
„Нашъ Сузгунъ довольно крѣпокъ;
„Нелегко его взять русскимъ;
„Много воиновъ отважныхъ
„Стерегутъ его и кроютъ.
„Можетъ быть, и, какъ знать, вскорѣ
„Возвратится царь Кучумъ...
„Но сдержать ли малой горсти
„Упадающее царство,
„Коль разбито наше войско,
„Коль Махмета нѣтъ ужъ болѣ?
„Мнѣ ли, женщинѣ, мнѣ ль можно
„Честь и царство поддержать?
„Если бъ былъ еще воитель,
„Равный брату въ ратномъ дѣлѣ,
„Все была бъ еще надежда;
„А теперь сгублю я только
„Всѣхъ защитниковъ Сузгуна,
„И сама—опять въ плѣну!
„Что мнѣ дѣлать въ этомъ горѣ?
„Гдѣ искать себѣ спасенья?“...

Такъ царица говорила,
Заливаясь слезами.
Тутъ позвать она велѣла
Старшину къ себѣ въ покой.
— „Долго ль можемъ мы держаться?“—
Старшину она спросила.
— „Долго ль?—этого не знаю,
„Но пока я живъ, царица,
„Но пока еще хоть двое
„Насъ останется въ Сузгунѣ,—

„Русскимъ—крѣпости не взять!“

Тяжко, тяжело ты вздохнула,
О, Сузгѣ, моя царица!
Эта вѣрность, эти чувства!
И его ли ты погубишь?...
О, когда бь Кучумъ поболѣ
Могъ имѣть такихъ людей!

П и с ь м о.

Будь здоровъ, нашъ воевода!
Милосердіемъ Господнимъ
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь невѣрныхъ
На рѣкѣ на той, Вагаѣ,
Гдѣ течетъ она въ Тоболѣ.
Пишешь ты, что въ томъ Сузгунѣ
Махметъ-Куль сидитъ въ оградѣ.
Диво, если это правда!
А затѣмъ, что при Вагаѣ
Взяли мы Махмета-Кула
И старшинъ его въ полонъ,
И, межъ прочими вѣстями,
Мы узнали, что въ Сузгунѣ
Правитъ храбрая царица,
А при ней людей немного
И одинъ лишь старшина.
Это молвимъ не въ обиду,—
Крѣпость, знаемъ мы, не поле,
И царица, какъ слыхали,
Есть сестра Махмета-Кула.
Такъ не диво, что не можно
Вашей храбрости казачьей
Взять Сузгунъ тотъ на мечи.
Да еще одно извѣстье:
Ты, Гроза, теперь намъ нуженъ;
День простой еще на мѣстѣ,
А потомъ въ Искеръ собирайся.

Пусть царица править мѣстомъ,
Мы не съ нею брань ведемъ.
— „Прахъ возьми!“ — Гроза воскликнулъ,
Прочитавъ приказъ изъ войска:—
„Насъ на смѣхъ теперь подымуть:
„Въ три недѣли не умѣли
„Нашей храбростью казачьей
„Съ бабой справиться путемъ!“

Переговоры.

Вдругъ къ нему въ палатку входитъ
Старшина сѣдой татарскій
И, не кланяясь и шапки
Не снимая, атаману
Говорить такую рѣчь:
— „Слушай рѣчь моей царицы!
„Наша храбрая царица
„Сдать Сузгунъ тебѣ готова,
„Только если ты исполнишь
„Три условія ея:
„Дать намъ всѣмъ татарамъ волю—
„Это первое условье.
„Дать намъ судно, переѣхать—
„То условіе второе.
„А послѣднее условье —
„Намъ обиды не чинить.“
— „Поздно ты пришелъ съ прошеньемъ!“ —
Старшинѣ Гроза промолвилъ,
Радость въ сердцѣ сокрывая:—
„Черезъ день придетъ къ Сузгуну
„Съ силой многою, большою
„Самъ начальникъ нашъ, Ермакъ.
„Онъ безъ всякихъ безъ условій
„Вашъ Сузгунъ возьметъ съ царицей...“
— „Такъ условья отвергаешь?“ —
Старшина спросилъ нахмуясь.
— „Нѣтъ!“ — Гроза ему обратно:—
„Я согласенъ ихъ принять.

„Но и вы согласны будьте
„На одно мое условье:
„Пусть всё ѣдутъ безопасно,
„Дамъ вамъ волю, дамъ вамъ судно,
„Но пускай царица ваша
„Намъ отдастъ себя въ полонъ.“
— „Ты не жди того, невѣрный!“ —
Старшина воскликнулъ гнѣвно: —
„Прежде всё въ конецъ погибнемъ,
„Чѣмъ мы выдадимъ царицу!“
— „Это будь по волѣ вашей,“ —
Говорить ему Гроза: —
„Но еще скажу я слово:
„Коль царица согласится
„Намъ отдаться, пусть опустятъ
„Полумѣсяцъ на бойницѣ.
„До зари, никакъ не больше,
„Думу думать вамъ даю.
„Но ужъ если и съ зарею
„Не опустятъ знакъ съ бойницы,
„Не войду тогда я съ вами
„Ни въ какое примиренье!..“
— „Пусть насъ Богъ теперь разсудить!“ —
Мрачно молвилъ старшина.

С у з г ѐ.

Атаманъ Гроза не сводить
Глазъ съ высокаго Сузгуна:
И надежда, и сомнѣнье
Душу воина колеблютъ.
Солнце клонится на западъ.
Вечерь... Смотрить... Спущень знакъ!
— „О, Владычица святая!
„О, святой Христовъ угодникъ!
„Знать, казаки вамъ угодны,
„Что желаніе ихъ сердца
„Вы исполнили такъ скоро!“ —
Молвить весело Гроза.

Той порой Сузге, царица,
Всѣхъ рабынь къ себѣ сзываетъ
И, скрывая грусть весельемъ,
Говорить имъ рѣчь такую,
Глядя весело на нихъ:
— „Вы, прислужницы-дѣвицы,
„Отпирайте кладовыя,
„Выносите всѣ наряды,
„Всѣ каменья дорогіе,
„И царицу наряжайте:
„Завтра праздникъ у меня!“
И рабыни отпираютъ
Кладовыя, вынимаютъ
Камни, платья дорогія,
И царицу наряжаютъ,
Косу пышную плетутъ.
Слезы катятся ручьями
У прислужницъ, но ни слова
Тѣ дѣвицы не промолвятъ.
Имъ извѣстно, что царица
Для свободы ихъ сдается
Въ плѣнъ начальнику чужому.
Жаль имъ доброй госпожи.
Вотъ окончены наряды,
И прекрасная царица
Всѣхъ прислужницъ ровной долей
Своеручно надѣляетъ;
Раздаетъ имъ всѣмъ богатства
И цѣлуетъ порознь ихъ.
Тутъ зоветъ къ себѣ въ свѣтлицу
Старшину того сѣдаго,
Благодарствуетъ за службу,
И велитъ отдать отряду
Всю казну свою большую,
И отъ имени царицы
Благодарствовать велитъ.

Послѣдняя ночь.

Ночь покрыла мракомъ поле,
Землю тьмою обложила.
Спать казаки, спать татары.
Лишь не спать въ своей свѣтлицѣ
Несчастливица-царица,
Одинокая Сузгѣ.

О, Сузгѣ, моя царица,
Тяжела тебѣ та ночь!
Ты сидишь на мягкомъ ложѣ,
Опустивъ на грудь голову
И сложивъ печально руки
На трепещущей груди.
Ты одѣта, какъ невѣста,
Въ драгоценныя одежды,
Но глаза твои не блещутъ
Предразсвѣтною звѣздою,
Но уста твои не рдѣютъ
Цвѣтомъ розы и любви.
Дума черная, какъ полночь,
Обвила твой умъ, царица,
И тоска, какъ червь могильный,
Точить сердце молодое.
Велика твоя невзгода!
Тяжела твоя судьба!
Но прими къ себѣ надежду:
Русскій царь великодушень!
Онъ смягчитъ твое несчастье,
Уладитъ твою кручину.
Не рабою, но царицей
Почестятъ тебя въ Москвѣ.
О, когда бъ прошла скорѣе
Эта ночь твоей печали!
О, когда бъ зари румяной
Лучъ принесъ тебѣ отраду!
О, когда бы измѣнилась
Участь горькая твоя!

Недвижима и безмолвна
Все сидитъ моя царица.
Нѣтъ рѣчей для утѣшенья!
Нѣту мысли для надежды!
Будто смерти вѣщій голосъ
Тихо носится надъ ней.
Вотъ блеснулъ въ ея свѣтлицѣ
Свѣтлый лучъ зари восточной.
— „О, мой Богъ! меня помилуй!“ —
Тяжко вскрикнула царица
И упала на подушки,
Задыхаяся отъ слезъ.

Изнанники.

Встало солнце. Пробудились
И казаки, и татары.
Ясный день для всѣхъ восходить,
Льетъ на всѣхъ равно сіянье;
Но не всѣ равно встрѣчаютъ
Солнца краснаго восходъ.
Вотъ Гроза къ стѣнамъ подходитъ
Съ удалой своей дружиной;
Вотъ татары отворяютъ
Неприступныя бойницы
И во слѣдъ за старшиною
Безоружные идутъ.
Мрачно сходятъ внизъ татары,
Озираясь на стѣны
И на крѣпкія бойницы;
Плачутъ царскія дѣвицы,
Обрашая взоръ печальный
На оставленный Сузгунъ.
А съ бойницы, той порою,
Скрывъ лицо свое покровомъ,
Одинокая царица
Грустно видитъ отступленье.
Грудь волнуется тоскою,
Но слезы ужъ нѣтъ въ глазахъ.

— „Слушай, храбрый воевода!“ —
Старшина съдой промолвилъ,
Поровнявшись съ Грозою: —
„Если честь тебѣ извѣстна,
„Ты съ царицею поступишь,
„Какъ приличіе велить.“
— „Будь спокоенъ, храбрый воинъ!“ —
Старшинѣ въ отвѣтъ промолвилъ
Атаманъ Гроза казачій: —
„Наша Русь славна издревле
„Къ роду царскому любовью,
„И въ другихъ его почитать.“
Вотъ изгнанники проходятъ
Черезъ широкую равнину;
Вотъ они рѣки достигли;
Вотъ взошли они на судно,
Поклонилися Сузгуну
И исчезли вдалекѣ.
— „Путь счастливый вамъ“, — сказала
Грустно бѣдная царица,
Обвела вокругъ глазами
И, вздохнувши тяжело, тяжело,
Съ неприступной той бойницы
Тихо внизъ она сошла.

Входъ казаковъ.

Входятъ весело казаки
Въ крѣпость грознаго Сузгуна;
Впереди ихъ воевода,
Атаманъ Гроза, и
Онъ прилежно озираетъ
Покорившійся Сузгунъ.
Вотъ идетъ онъ въ теремъ царскій,
Словомъ ласковымъ привѣтитъ
Несчастливую царицу,
Но въ палатахъ царскихъ пусто.
Онъ обходитъ всё строенье,
Но царицы нѣтъ нигдѣ.

— „Гдѣ жъ она?“ — Гроза подумаль,
И большое подозрѣнье
Въ грудь казачую запало.
Злой укоръ въ устахъ тѣснится...
Вдругъ увидѣлъ онъ царицу
И укоръ свой удержалъ.
Подъ навѣсомъ нхтъ душистыхъ,
Прислоняся головою
Къ корню дерева, сидѣла
Одинокая царица.
Вьется вѣтромъ покрывало,
Руки сложены на грудь.
Атаманъ къ Сузге подходитъ,
Шапку ей свою снимаетъ,
Низко кланяся, молвить:
— „Будь спокойна ты, царица!
„Мы казаки, а не звѣри,
„Мы уважимъ царскій санъ.
„Богъ намъ далъ побѣду,
„Такъ грѣшно бы намъ и стыдно,
„Благость Бога презирая,
„Обижать тебя, царица!
„Ты о плѣнѣ позабудешь,
„Слово честное даю.“

Но напрасно воевода
Ждетъ отвѣта отъ царицы.
Изумленъ ея молчаньемъ,
Подошелъ онъ тихо къ ней,
Тихо поднялъ покрывало
И поспѣшно отступилъ.
Матерь Божія! не сонъ ли
Видитъ онъ? Въ лицѣ нѣтъ жизни;
Щеки блѣдностью покрыты,
Льется кровь изъ-подъ одежды,
И въ глазахъ полуоткрытыхъ
Померкаетъ Божій свѣтъ.
— „Что ты сдѣлала, царица?“ —
Вскрикнулъ громко воевода,
Кровь рукою зажимая.
Вдругъ царица задрожала,

На Грозу она взглянула..
Это не былъ взоръ отмщенья,
Это былъ послѣдній взоръ!

Отплытіе.

Подъ наклономъ пихтъ душистыхъ
Собралися всѣ казаки.
И стоять они безъ шапокъ;
Два урядника отряда
Насыпаютъ холмъ могильный.
Тишина лежитъ кругомъ.
Вотъ обрядъ печальный конченъ.
Поклонясь сырой могилѣ,
Говорить Гроза казакамъ:
— „Гой, товарищи-казаки!
„Здѣсь намъ нѣтъ ужъ больше дѣла,
„Снаряжайтесь на Искеръ!“

Ночь спустилася на землю,
Вѣтеръ воетъ по дубравѣ,
Гонить тучи дождевыя,
И Иртышъ о круть утеса
Плещетъ звонкою волной.
Распустивъ свои вѣтрила,
Ѣдутъ добрые казаки.
Льется пѣсня ихъ живая—
Что про матушку про Волгу,
Что про Донъ, ихъ Донъ родимый,
Что про славу казака!

А вдали, крутятся волнами,
Блещетъ пламя надъ Сузгуномъ.
На стѣнахъ его высокихъ,
На крутыхъ его бойницахъ,
Рдѣетъ небо полуночи,
Блещутъ волны Иртыша.

Ермакъ Тимоѣевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа.

I.

Необходимость изслѣдованія былинь и пѣсень объ Ермакѣ въ историческомъ отношеніи.—Общій характеръ народныхъ воззрѣній на Ермака по былинамъ и пѣснямъ.—Три отдѣла историческихъ пѣсень объ Ермакѣ.—Пѣсни перваго отдѣла: о разбояхъ Ермака и его товарищей.—Пѣсни втораго отдѣла: о помощи Ермака царю Ивану Васильевичу при завоеваніи Казани.—Научно-историческое значеніе пѣсень первыхъ двухъ отдѣловъ при сравнительномъ изслѣдованіи ихъ съ положительными данными.

Изученіе былинь и пѣсень русскаго народа объ Ермакѣ и его подвигахъ, въ историческомъ отношеніи, представляетъ для изслѣдователя немаловажный интересъ. Завоеватель Сибирскаго царства оставилъ по себѣ неизгладимую память въ русскомъ народѣ. Народная память объ Ермакѣ запечатлѣлась въ цѣломъ рядѣ былинь и пѣсень, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнь и подвиги сибирскаго завоевателя. Ермакъ былинь и пѣсень и Ермакъ сибирскихъ лѣтописей, конечно, не одно и то же лицо, въ смыслѣ историческомъ. Но это нисколько не мѣшаетъ историку-изслѣдователю пользоваться былинами и пѣснями о знаменитомъ атаманѣ, всетаки, какъ историческимъ матеріаломъ, въ извѣстномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что если былины и пѣсни, говоря о событіи или лицѣ историческомъ, страдаютъ очень часто анахронизмами, приписываютъ, напримѣръ, Ермаку небывалые подвиги, обозначаютъ неточно время извѣстнаго событія или даже и вовсе не обозначаютъ эпохи, перепутываютъ географическія свѣдѣнія или изобрѣтаютъ новыя, совсѣмъ непонятныя, — зато эти же былины и пѣсни прекрасно обрисовываютъ историческое міровоззрѣніе народа, взглядъ народа на извѣстнаго историческаго дѣятеля. Но народъ, во всей своей со-

вокупности, не может ошибаться въ отношеніи общаго пониманія значенія лица или событія. Отсюда слѣдуетъ, что былина и пѣсня, какъ выраженіе этого общаго пониманія, *voeis populi*, можетъ служить историку до извѣстной степени пособіемъ при изслѣдованіи спорныхъ историческихъ вопросовъ.

Это всего лучше можно видѣть на нѣкоторыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Ермака Тимоѣевича и завоеванія имъ Кучумова царства. Такъ Костомаровъ, основываясь на опальной царской грамотѣ (отъ 16 ноября 1582 года) Строгановымъ, изъ которой, однако, вовсе не слѣдуютъ тѣ выводы, которые сдѣланы знаменитымъ историкомъ, утверждалъ, что Ермакъ, до похода въ Сибирь, состоялъ служилымъ казакомъ въ Перми *). Это ничѣмъ, однако, до сихъ поръ не подтвердилось, и пѣсни о вольной жизни Ермака на Дону и Волгѣ, разгуливавшаго со своими казаками-товарищами, не безъ причины рѣшительно ничего не упоминаютъ о какой нибудь его службѣ. За неимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, придется въ этомъ случаѣ положиться на народное историческое чутье, выразившееся въ пѣсняхъ объ Ермакѣ Тимоѣевичѣ, и допустить, что завоеватель Кучумова царства до похода въ Сибирь былъ вольнымъ, воровскимъ казакомъ, грабившимъ корабли, легкія лодочки, купцовъ и даже казну государеву. Затѣмъ, какъ извѣстно, однѣ изъ сибирскихъ лѣтописей, напримѣръ, Строгановская, приписываютъ замыселъ завоеванія Сибири исключительно Строгановымъ, предоставляя самому покорителю скромную роль какъ бы наемнаго казака, оправдавшаго надежды своихъ богатыхъ хозяевъ; другія же сибирскія лѣтописи считаютъ Ермака инициаторомъ похода въ Сибирское царство, а о Строгановыхъ или ничего не упоминаютъ (Есиповская лѣтопись), или выставляютъ ихъ только въ видѣ невольныхъ поставщиковъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ для атамана и его товарищей, направившихся въ Кучумово царство (Ремезовская лѣтопись). Большинство русскихъ историковъ вѣрятъ Строгановской лѣтописи, а пѣсни историческія, какъ, напримѣръ, извѣстная „Ермакъ взялъ Сибирь“ и нѣкоторыя другія, въ воззрѣніяхъ на роль Строгановыхъ и Ермака въ дѣлѣ завоеванія Сибирскаго царства, сходятся съ Есиповской и Ремезовской лѣтописями—и, можетъ быть, не безъ основанія.

Оказывается, что историческія пѣсни объ Ермакѣ и завоеваніи

*) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I-й. Спб. 1880. Изд. 2-ое. Стр. 544.

имъ Сибирскаго царства могутъ представить для историка-ислѣдователя матеріалъ, который онъ долженъ не игнорировать, но принять во вниманіе на ряду съ другими положительными свѣдѣніями, напримѣръ, лѣтописными.

Итакъ, непростительно будетъ изслѣдователю пройти молчаніемъ историческія пѣсни объ Ермакѣ Тимоѣевичѣ. Теперь спрашивается, съ какихъ же именно точекъ зрѣнія историкъ долженъ разсматривать былины и пѣсни народныя вообще и историческія пѣсни объ Ермакѣ и завоеваніи имъ Сибирскаго царства въ частности?

Былины и, въ особенности, пѣсни историческія могутъ быть разсматриваемы историкомъ-ислѣдователемъ, во-первыхъ, какъ лѣтописи событій, источники для внѣшней исторіи, по которымъ историкъ будетъ узнавать и объяснять происшествія минувшихъ временъ. Конечно, далеко не всѣ пѣсни представляютъ интересъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ большей части пѣсенъ цвѣты фантазіи часто закрываютъ истину. Къ народнымъ пѣснямъ, могущимъ служить источниками для внѣшней исторіи, принадлежатъ только такъ называемыя историческія пѣсни *), къ числу которыхъ относится также нѣсколько пѣсенъ, воспѣвающихъ Ермака Тимоѣевича и покореніе имъ Сибири. Если мы будемъ искать въ такихъ пѣсняхъ непрерывной лѣтописи событій и перемѣнъ, какія испыталъ народъ, или группа лицъ, какъ, напримѣръ, Ермакъ съ товарищами, то съ этой стороны найдемъ въ нихъ большіе недостатки. Пѣсни народныя никогда не могутъ служить для насъ полною исторіею; не всегда можно прибѣгать къ нимъ за объясненіями историческихъ свидѣтельствъ, во-первыхъ, потому, что пѣсни принадлежатъ поэзіи, а поэзія предполагаетъ вымыселъ, вслѣдствіе чего и историческія событія подвергаются въ нихъ отступленіямъ отъ дѣйствительности; во-вторыхъ, потому, что многія происшествія, которыя разсказаны въ лѣтописяхъ съ подробностями, въ народной поэзіи совсѣмъ не остались, а между тѣмъ многія такія, которыя ускользнули отъ историковъ, сдѣлались любимымъ ея достояніемъ. Только то оставляетъ впечатлѣніе на народъ, что имѣло на него сильное вліяніе: надобно, чтобы извѣстное происшествіе касалось сердца cadaго индивидуума, чтобы народъ цѣлою массою сознавалъ свое бытіе; потому-то эпохи важныя: пере-

*) Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Соч. Н. Костомарова. Харьковъ. 1843. Стр. 10—11.

ломы въ существѣ націи, измѣненіе быта народнаго долѣе всего остаются въ общей памяти *).

Въ числѣ былинь и историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ и покореніи имъ Сибирскаго царства въ особенности заслуживаетъ внимательнаго изученія въ историко-географическомъ отношеніи пѣсня, извѣстная подъ названіемъ „Ермакъ взялъ Сибирь“, и еще немногія другія пѣсни, имѣющія своимъ содержаніемъ тотъ же предметъ. Въ пѣсняхъ этого рода излагается даже съ нѣкоторыми подробностями вся исторія сибирскаго похода казаковъ до самой кончины славнаго атамана, только не въ волнахъ Иртыша, а Енисея. Эти пѣсни требуютъ сравнительнаго историко-географическаго изслѣдованія, въ связи съ несомнѣнными историческими данными о сибирскомъ походѣ Ермака, заключающимися въ извѣстныхъ наукѣ сибирскихъ лѣтописяхъ. Изслѣдованіе пѣсенъ о завоевателѣ Кучумова царства съ историко-географической точки зрѣнія можетъ представить много интереснаго. „Именно любопытно знать,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—на сколько справедливо изображаютъ былины и пѣсни прославленную ими эпоху, на сколько онѣ ей вѣрны, по крайней мѣрѣ, съ вѣншей стороны; карта Руси,—или, на примѣръ, замѣтимъ мы, карта Сибирскаго царства и похода Ермака,—которую онѣ намъ представляютъ, на сколько вѣрна дѣйствительности. Вопросъ этотъ важенъ,—отъ него зависитъ многое. Если эпоха въ общихъ чертахъ представлена вѣрно, то, значить, и самыя пѣсни сложились скоро послѣ нея (само собой разумѣется, въ первоначальной своей формѣ; нѣтъ эпоса, который не измѣнился бы сколько нибудь теченіе времени). Если же это такъ, то мы получаемъ право смотрѣть на былины, какъ на хорошій историческій матеріалъ, и пользоваться ими, какъ таковымъ“ **).

Такимъ образомъ, былины и пѣсни историческія объ Ермакѣ Тимофеевичѣ могутъ быть изучаемы историкомъ-изслѣдователемъ съ точки зрѣнія вѣншей исторіи, или, точнѣе, съ историко-географической стороны. Во-вторыхъ, былины и историческія пѣсни можно разсматривать, при историческомъ изученіи, какъ памятники воззрѣнія народа самаго на себя и на все окружающее. Это самое важнѣйшее и непреложное достоинство пѣсенъ,—говоритъ

*) Ibid., стр. 90.

**) «Бесѣда», 1871, апрѣль, статья Н. Д. Квашнина-Самарина: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи», I, стр. 78.

Костомаровъ. Здѣсь не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія. Жизнь, со всѣми ея явленіями, истекаетъ изъ внутренняго самовозрѣнія человѣческаго существа. На этомъ основывается то, что мы называемъ характеромъ: особенный взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ *). Значить, былины и пѣсни историческія объ Ермакѣ и покореніи имъ Сибирскаго царства важны для историка, какъ выраженіе народныхъ возрѣній на сибирскаго завоевателя и его подвиги. Исслѣдователю не мѣшаетъ узнать, какъ именно смотритъ народъ на такого историческаго дѣятеля, какъ Ермакъ Тимоѣевичъ, т. е. какое впечатлѣніе произвелъ на душу народную завоеватель Кучумова царства. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что народъ приписываетъ атаману не совершенныя имъ въ дѣйствительности дѣла, какъ-то: завоеваніе Казани, путешествіе изъ Сибири въ Москву для принесенія повинной царю Бѣлому, захватъ въ плѣнъ сибирскаго хана Кучума и проч. Всѣ эти факты, при всей ихъ внѣшней фантастичности, на самомъ дѣлѣ, по существу, свидѣтельствуютъ самымъ положительнымъ образомъ о тѣхъ или иныхъ чувствахъ народныхъ къ сибирскому завоевателю.

Устные народные поэтическія произведенія, воспѣвающія сибирскаго завоевателя и его подвиги, распадаются на двѣ рѣзко одна отъ другой отличающіяся группы. Къ первой группѣ относятся былины объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѣевичѣ; ко второй—историческія пѣсни, посвященныя Ермаку и завоеванію имъ Кучумова царства. Въ былинахъ Ермакъ является лицомъ совершенно сказочнымъ, измышленнымъ народной фантазіей; въ историческихъ же пѣсняхъ, напротивъ, найдется очень много такого, что вполне согласно съ положительной исторіей, берущей свои свѣдѣнія о Ермакѣ изъ сибирскихъ лѣтописей.

Въ былинахъ, такъ называемаго, Владимірова цикла, Ермакъ фигурируетъ вмѣстѣ съ Ильей Ивановичемъ Муромцемъ въ семьѣ русскихъ могучихъ богатырей, живущихъ и совершающихъ свои богатырскіе подвиги при князѣ Владимірѣ „Красномъ Солнышкѣ“. Народъ записалъ нашего атамана въ родство съ кіевскимъ княземъ Владиміромъ и „старымъ казакомъ“ Ильей Муромцемъ: тому и другому Ермакъ приходится племянникомъ. Въ былинахъ Вла-

*) Объ истор. знач. русск. нар. позз. Соч. Н. Костомарова. Харьковъ. 1843. Стр. 11.

димірова цикла, Ермакъ представляется, по народнымъ воззрѣніямъ, однимъ изъ дѣятельныхъ защитниковъ Русской земли и ея столянаго града Кіева отъ нашествій „собаки“ татарскаго царя Калина и его силы невѣрной. Кромѣ того, по одной былинѣ, Ермаку Тимоѣевичу приходилось также биться въ защиту Русской земли съ Бабищей Мамаишной и татарскимъ царемъ Мамаемъ. Хотя Ермакъ, по народному представленію, отличается не меньшею богатырскою удалю, чѣмъ его „дяденька“ Илья Муромецъ и другіе русскіе могучіе богатыри, однако, въ былинахъ Владимірова цикла онъ постоянно называется „младшимъ“, ребенкомъ „отъ роду двѣнадцати лѣтъ“ или семнадцати. Ермакъ Тимоѣевичъ, представляемый былинами, относится къ поколѣнію, такъ называемыхъ, „младшихъ“ богатырей.

Ограничиваемся этими немногими замѣчаніями о былинахъ и Ермакъ Тимоѣевичъ, какъ однимъ изъ русскихъ могучихъ богатырей. Чтобы дать болѣе полное понятіе о былинахъ, въ которыхъ завоеватель Сибири творческой народной фантазіей превращенъ въ древняго русскаго богатыря, пришлось бы занять немало страницъ, а это насъ отвлекло бы отъ прямой цѣли настоящаго очерка.

Вторую группу устныхъ народныхъ поэтическихъ произведеній объ Ермакѣ составляютъ собственно историческія пѣсни. Эти пѣсни, въ свою очередь, при обозрѣніи ихъ содержанія, могутъ быть распределены на три отдѣла, если принять при этомъ во вниманіе главные моменты въ дѣятельности эпическаго Ермака Тимоѣевича.

Первый отдѣлъ составляютъ тѣ пѣсни, въ которыхъ рисуется разбойничья, воровская казацкая жизнь и дѣятельность Ермака, разгуливавшаго со своими молодцами по Волгѣ, Дону и по морю Каспійскому, или Хвалынскому. Къ слѣдующему отдѣлу относятся пѣсни о томъ, какъ донской атаманъ Ермакъ со своими удалыми товарищами-казаками помогалъ царю Грозному Ивану Васильевичу при завоеваніи Казанскаго царства. Наконецъ, въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ находятся историческія пѣсни о знаменитомъ и всѣмъ извѣстномъ подвигѣ Ермака, обезсмертившемъ его, — о завоеваніи имъ Сибирскаго царства. Всѣ эти историческія пѣсни объ Ермакѣ Тимоѣевичѣ и завоеваніи имъ Кучумова царства напечатаны въ различныхъ отдѣльных изданіяхъ; между тѣмъ знакомство съ пѣснями этого рода не лишено интереса. Поэтому, какъ можно надѣяться, цѣль нашего историко-этнографическаго очерка — представить образъ эпическаго Ермака по извѣстнымъ намъ исто-

Ермакъ Тимофѣевичъ.
Съ рисунка Спасскаго, прилож. къ Строгоновской Лѣтописи.

рическимъ пѣснямъ, вѣроятно, будетъ одобрена со стороны людей, живо интересующихся родной стариной. Группируя разбросанныя въ отдѣльныхъ пѣсняхъ черты для характеристики личности и дѣятельности эпического Ермака, мы въ то же время будемъ, по возможности, касаться чѣмъ либо замѣчательныхъ свѣдѣній въ этихъ пѣсняхъ съ точки зрѣнія внѣшней исторіи и со стороны народного воззрѣнія на Ермака и его подвиги.

Къ первому отдѣлу историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ Тимоѣевичѣ относятся, какъ уже сказано, пѣсни, въ которыхъ рисуется жизнь Ермака, какъ вольнаго атамана. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, какъ русскій народъ смотритъ на сибирскаго завоевателя, еще въ пору его вольной казацкой жизни,—начала передадимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе относящихся сюда пѣсенъ, также какъ и пѣсенъ втораго отдѣла, представляющихъ по своему характера дополненіе къ первымъ; затѣмъ резюмируемъ сущность народныхъ воззрѣній на Ермака, какъ вольнаго атамана, и, наконецъ, посмотримъ, что особеннаго, оригинальнаго въ этихъ воззрѣніяхъ и на сколько они согласны съ несомнѣнными историческими данными.

Въ пѣснѣ, извѣстной подъ названіемъ „На Бузанѣ островѣ“, личность Ермака Тимоѣевича, какъ вольнаго казака, обрисована въ высшей степени ярко и типически. Эта пѣсня въ ряду пѣсенъ перваго отдѣла заслуживаетъ особеннаго вниманія, и по важности ея для характеристики народныхъ воззрѣній на воровскаго атамана Ермака можетъ быть поставлена на первомъ мѣстѣ.

На Бузанѣ островѣ, въ верховьяхъ Волги-матушки,—говорится въ этой пѣснѣ,—на крутомъ красномъ берегу, сидятъ въ бесѣдахъ дубовыхъ атаманы казацкіе: Ермакъ Тимоѣевичъ и его двое помощниковъ,—сидятъ и думаютъ думушку „про дѣло ратное, про добычу казацкую“. И придумали удалые казаки отправиться за добычей внизъ по Волгѣ, въ море синее. Приплыли въ море и остановились „противъ Матицы острова“. Сидятъ тутъ молодцы и выжидаютъ, не появятся ли какіе корабли. Вотъ идетъ двѣнадцать кораблей, на которыхъ ѣдутъ „славны гости турецкіе, со товары заморскими“. Казаки немедля вошли въ свои струги и начали стрѣлять въ турецкіе корабли изъ ружей и трехъ мѣдныхъ пушекъ. „Славны гости турецкіе“ такъ испугались этого неожиданнаго нападенія, что сами всѣ „въ синее море пометались“, а корабли „со товары заморскими“ достались въ добычу казакамъ. На турецкихъ корабляхъ осталась только одна красная дѣвица.

Это была Урзамовна, дочь мирзы турскаго. Она умоляет казаковъ не губить ее, а увезти въ царство Московское и обратитьъ въ вѣру крещеную. Казаки сжалились, пощадили дѣвицу и взяли ее съ собой. Послѣ этого молодцы, расположившись у протоки Ахтубы, стали пировать, и „запились молодцы, а всѣ они до единого“. Какъ разъ въ это же самое время на другомъ берегу остановился русскій посолъ, ѣхавшій въ Персію, Семенъ Константиновичъ Карамышевъ, со своими солдатами и матросами. Казаки были пьяны, а солдаты, по выраженію пѣсни, „не со всѣмъ умомъ“, стали задирать казаковъ „ради корысти“. Произошла драка, причемъ казаки побили 50 человекъ солдатъ, изъ которыхъ едва спаслись только трое и донесли обо всемъ самому послу. Посолъ не разобралъ какъ слѣдуетъ, изъ-за чего произошла драка, выслать противъ казаковъ сто человекъ солдатъ, которые приняли казаковъ за „недобрыхъ людей“ и тоже начали затѣвать съ ними драку. Тогда выступилъ самъ Ермакъ Тимофеевичъ и сталъ говорить солдатамъ: — „Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги царя вѣрные! Почто съ нами деретесь? Корысть ли отъ насъ получите?“—Но солдаты „безумные“ не унимались и продолжали лѣзть въ драку съ казаками. Наконецъ, большой эсаулъ Стафій Лаврентьевичъ обращается за совѣтомъ къ атаманамъ войска казачьяго:— „Гой вы еси, атаманы казачіе!—говоритъ онъ:—что намъ... дѣлать? Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ съ дракою въ глаза“. Въ отвѣтъ на это, Ермакъ приказалъ своимъ добрымъ молодцамъ бить солдатъ и бросать ихъ въ Волгу-матушку, и прибили удалые казаки всѣхъ солдатъ; только успѣлъ убѣжать одинъ „капралъ островской“, который и донесъ обо всемъ случившемся самому послу. Однако, посолъ и на этотъ разъ „ничего не размыслилъ“, какъ говорится въ пѣснѣ; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать дѣло, посолъ взялъ съ собою всю свою „гвардію“ и напалъ, очертя голову, на удалыхъ донскихъ казаковъ. Но атаманы казачіе, Ермакъ Тимофеевичъ съ товарищами, „только своимъ казакамъ цыкнули“, и прибили молодцы всѣхъ солдатъ, всю посольскую „гвардію“: едва ли ушло съ десятокъ солдатъ. Самъ посолъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ былъ тутъ же убитъ. Казаки захватили въ свою пользу всѣ „животы“ посла, — платье цвѣтное, тутъ же доставшееся имъ въ добычу, положили въ гору Змѣевую. Затѣмъ молодцы на своихъ стругахъ отправились по протоцѣ Ахтубѣ въ Астраханское царство, сказались тамъ купцами заморскими, даже заплатили тор-

говую пошлину въ казну государеву и стали продавать награбленные товары „безъ запрещенія“ *).

Въ пѣснѣ „На Бузанѣ островѣ“ разсказывается, что казаки и не подумали бы нападать на царскаго посла, если бы онъ самъ и его солдаты не вызвали къ тому казаковъ. Но вотъ есть еще пѣсня, къ сожалѣнію, не записанная вполнѣ, въ которой дѣло это представляется въ иномъ свѣтѣ. По словамъ этой пѣсни, казаки изъ разныхъ мѣстъ: донскіе, гребенскіе, запорожскіе и яицкіе, предводительствуемые донскимъ (изъ тихаго Дона) атаманомъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ и эсауломъ (со Двины) Остафьемъ Лаврентьевичемъ, сѣли на легкіе струги и „грянули-розмахнули“ внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Казаки остановились противъ „Охтучи рѣки“, у кустика ракитоваго. Въ это же время случилось идти съ рѣки Камы въ Волгу одной легкой лодочкѣ „со лютымъ со зельемъ, съ чернымъ порохомъ, а со страшной казной государевой“. При государевой казнѣ, на лодочкѣ сидѣль „грозѣнъ посѣль“ Семень Константиновичъ Карамышевъ. „Немножечко времени миновалосе,—говорится въ пѣснѣ,—супротивъ кустика лодочка сверсталасе, ахъ какъ лунула пушечка мѣдная, ахъ какъ разбила эту лодочку-коломенку, а какъ убила посла государева“. Атаманъ и эсаулъ убили посла государева, и тотчасъ же спохватились, что неладно сдѣлали:

«Ахъ мы неладно, мы, два брателка, удумали,
Какъ убили мы посла государева,
А золотой казны намъ немножко доставалосе,
Доставалосе казны намъ же по три тѣмы,
Ай по три тѣмы доставалосъ, по три тысячи.
Какъ куды же мы, братцы, воровать теперь пойдемъ?
Ай намъ во Казань городъ идти—намъ убитымъ быть.
Намъ во Астрахань идти—быть повѣшеннымъ.
Ахъ пойдемте-тко, братцы, во каменну Москву» **).

Для чего, съ какой цѣлью рѣшили идти въ Москву проворовавшіеся казаки,—неизвѣстно. Можетъ быть, они, какъ это видно изъ другихъ пѣсенъ, хотѣли принести повинную царю. Сказитель, пѣвшій эту пѣсню для собирателя былинь Гильфердинга, не могъ

*) Древнѣйшія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе 3-е. Москва, 1878. Пѣсня XII-я „На Бузанѣ островѣ“, стр. 73—77.

**) Онежскія былины, записанныя А. О. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года. Спб. 1873. Пѣсня № 202, столбцы 960—961.

припомнить ея конца, и поэтому пѣсня напечатана въ неполномъ видѣ.

Къ первому же отдѣлу историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ относится еще нѣсколько небольшихъ пѣсенъ, въ которыхъ разсказывается о возвращеніи удалыхъ казаковъ съ моря синяго Каспійскаго на Волгу-матушку, въ мать-Россіюшку. Содержаніе этихъ пѣсенъ немногосложно; тутъ главнымъ образомъ интересно то указаніе, что Ермакъ Тимоѣевичъ, по народной памяти, занимался разбоями на Каспійскомъ морѣ.

На Каспійскомъ морѣ, на островѣ Черностовѣ, — говорится въ одной изъ этихъ пѣсенъ, — собрались въ казацкій кругъ „морзорухи каспійскіе, еще стары бродяги безпашпортные, безпашпортные хайлы да все разбойнички“. Собрались и стали думать думушку. Прежде всего, молодцы выбрали себѣ атаманомъ Ермака Тимоѣевича (или, какъ онъ еще называется, Ермила Тимоѣевича), а эсауломъ — Никиту Иваныча. Новоизбранные атаманъ и эсаулъ говорятъ своимъ удалымъ товарищамъ: — „Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять, не пора ли намъ, удалы, воротитися какъ во славную во нашу мать Россіюшку?“ — Хотя атаманъ и эсаулъ предлагаютъ казакамъ возвратиться въ Россіюшку, которую они даже называютъ „наша мать“, однако намѣренія у казаковъ были далеко не мирныя. „Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся“, — говорятъ казакамъ атаманъ и эсаулъ, считая, вѣроятно, это мѣсто удобнымъ для своихъ разбойническихъ подвиговъ. По другому варианту той же пѣсни, Ермакъ Тимоѣевичъ предлагаетъ своимъ удалымъ товарищамъ отправиться съ моря синяго Каспійскаго „на свѣжую на воду, Волгу-матушку“. „И сядемъ мы, добры молодцы, — говоритъ онъ, — въ лодки легкія, и станемъ разбивать бусы-карабли и мелки суденушки!“ *)

Историческія пѣсни о помощи Ермака Тимоѣевича царю Грозному при завоеваніи Казанскаго царства, отнесенныя нами

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Москва. 1864. Выпускъ 6. Стр. 27, 28 и 30. Къ числу историческихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ жизнь Ермака Тимоѣевича, какъ донскаго казака, относится еще одна небольшая, но не лишенная интереса пѣсня о плѣнѣ Ермака у турокъ въ городѣ Азовѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой освободился, благодаря только своей хитрости. (Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе 3-тее. Москва. 1878. Стр. 214—216, пѣсня XXXVIII-я). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта же самая пѣсня относится къ личности Степана Тимоѣевича Разина.

ко второму отдѣлу, заключаютъ въ себѣ, также какъ и пѣсни перваго отдѣла, интересныя черты для характеристики Ермака, какъ воровскаго казака, и его отношеній къ царской власти. Такимъ образомъ пѣсни втораго отдѣла рядомъ съ пѣснями перваго отдѣла могутъ дать матеріалъ для характеристики народныхъ воззрѣній на Ермака, какъ вольнаго казака. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать какіе либо выводы изъ пѣсенъ перваго отдѣла на счетъ того, какое понятіе составилъ себѣ народъ о вольной казацкой жизни Ермака, мы приведемъ также главнѣйшее содержаніе пѣсенъ о помощи атамана царю при завоеваніи Казани.

На синемъ морѣ Каспійскомъ, на островѣ Персидскомъ,—говорится въ одной изъ пѣсенъ втораго отдѣла, — собрались молодцы, „музуры“, „славные музурушки персидскіе“. Вышли молодцы на зеленый лугъ, сошлись, по казацкому обычаю, во единый кругъ и стали думать „крѣпку думушку“, „думушку гадать великую“. Выбрали казаки атаманомъ Ермака Тимоѣевича, который въ этихъ пѣсняхъ называется также Ермиломъ или Ермохой Тимоѣевичемъ; въ эсаулы пожаловали Никитушку Романыча или Никиту Иванныча. Ермакъ предлагаетъ своимъ „ребятамъ“ идти на помощь къ царю Ивану Васильевичу, подъ городъ Казань:

«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый царь,
Стоитъ Бѣлый царь, Иванъ сударь Васильевичъ,
Онъ немного и немало стоитъ—семь годовъ,
Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
Калены стрѣлы пускалъ безсчѣтныя:
Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!» *)

По другой пѣснѣ, Ермакъ заявляетъ товарищамъ для большей убѣдительности, что Бѣлый царь простоялъ подъ Казанью уже семь годовъ, а „на восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь идти“.—„Пойдемте, ребята,—заключаетъ свою рѣчь атаманъ,—поклонимся Бѣлому царю! Казанскому губернатору не покрѣмимся“.—О томъ, какъ удалымъ казакамъ дойти до Казани, Ермакъ говорить: „Саратовску губерню съ вечера пройдемъ, Царицынъ городочекъ во глуху полночь, въ Жегулевскихъ горахъ остановимся, остановимся, расположимся“ **).

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Москва. 1864. Выпускъ 6. Стр. 25—26.

**) Ibidem, стр. 26—27.

Въ приведенныхъ пѣсняхъ о помощи, оказанной Ермакомъ Грозному царю при завоеваніи Казани, говорится, что казаки по собственной инициативѣ пожелали оказать услугу царю. Но есть еще одна пѣсня, въ которой дѣло передается нѣсколько иначе. Ермакъ Тимоѣевичъ предлагаетъ своимъ удалымъ молодцамъ отправиться зимовать на рѣку Куму. И казаки уже готовы были послѣдовать совѣту своего атамана, какъ вдругъ, вмѣсто зимовки въ „балаганахъ камышевыхъ“ и охоты на кунницъ, лисицъ и черныхъ соболей, имъ пришлось подумать совсѣмъ о другого рода занятіяхъ. „Погода немножко, на единый часъ,—говорится въ пѣснѣ,—не буря шумить и не громъ гремитъ. отъ царя къ Ермаку курьеръ бѣжитъ“. Прибѣгаетъ курьеръ къ самому Ермаку Тимоѣевичу и подаетъ ему указы государевы. „Принималъ Ермакъ указы,—говорится далѣе въ пѣснѣ,—самъ вычитывалъ, прочитавши указы, рѣчь возговорилъ: я тебя, посланничка, не слушаю, а я самъ къ царю на отвѣтъ пойду“. И тотчасъ же атаманъ снаряжается въ путь въ Москву. „Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу, подпоясываетъ сабельку булатную, а шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухменочку“, — такъ описываетъ пѣсня сборы Ермака въ путь. Приѣхалъ Ермакъ Тимоѣевичъ въ Москву и разгуливаетъ въ своей нарядной одеждѣ по улицѣ. „У куней шубы полы развѣваются, князья-то бояры удивляются, что хорошъ, пригожъ, молодецъ уродился“. Даже самъ царь замѣтилъ пригожаго молодца и сталъ его разспрашивать:

«Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ?
Не ты ли воровской донской атаманушка?
Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
Не ты ли разбивалъ мои корабли?»

Добрый молодецъ, не смущаясь, отвѣчаетъ:

«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ,
То-то я-то казачій атаманушка,
То-то я-то гулялъ по синю морю,
То-то я-то разбивалъ корабли;
Но корабли были не орленые,
Не орленые были, не тавреные,
Не платили государю дани-пошлины».

На эту смѣлую рѣчь Ермака Тимоѣевича царь сказалъ:

«За всѣ загадки, за всѣ прошлыя,
И за эту бѣду тебя Богъ простить:

Заслужи ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ» *).

Какъ видно изъ этой пѣсни, царь самъ призвалъ Ермака съ товарищами къ себѣ на помощь при завоеваніи Казанскаго царства.

Итакъ, казаки рѣшили идти подъ Казань на помощь царю Бѣлому. Какимъ образомъ атаманъ со своими молодцами помогъ царю Ивану Васильевичу завоевать Казанское царство, объ этомъ говорится даже съ нѣкоторыми нелишними интереса подробностями въ одной пѣснѣ. Дѣло это, по народному представленію, было такъ. Ермакъ вмѣстѣ съ казаками донскими, гребенскими и яицкими является къ царю Грозному подъ Казань и хочетъ взять городъ въ три часа (а царь, надо замѣтить, по этой пѣснѣ, не могъ взять Казань въ три года). Переодѣвшись нищимъ, атаманъ проникаетъ въ Казань, замѣчаетъ то мѣсто въ городѣ, гдѣ находится „пороховая казна“, затѣмъ приказываетъ своимъ казакамъ выкопать „ровъ подъ порохову казну“ и производить такимъ образомъ взрывъ, такъ что „Казань поднялся (sic) облакомъ“. Казаки, между тѣмъ, воспользовавшись переполохомъ, происшедшимъ отъ взрыва, бросаются въ городъ и перебиваютъ всѣхъ бусурманъ, такъ какъ „плѣнъ донскимъ казакамъ не нуженъ“. Казаковъ у Ермака при взятіи Казани было всего только триста человекъ. За помощь при завоеваніи Казани царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ атамана княжескимъ достоинствомъ, наградилъ его „именною медалью золотою“ и подарилъ ему „тихий Донъ, со всѣми его рѣками и проточками“. Въ концѣ концовъ Ермакъ обращается къ своимъ боевымъ товарищамъ со словами, повидимому, не совсѣмъ гармонирующими съ духомъ вольнаго казачества. Онъ говоритъ:

«Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, поселимся,
Не женатые, братцы, всѣ поженимся,
Будемъ на Дону жить, рыбу ловить» **).

Какъ видимъ, Ермакъ Тимофеевичъ, по народному воззрѣнію, прежде чѣмъ отправиться въ походъ для завоеванія Сибирскаго царства, жилъ и дѣйствовалъ со своими товарищами на Волгѣ, Дону и Каспійскомъ морѣ. Постояннаго мѣстопробыванія у него

*) Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ А. Савельевъ. Спб. 1866. Стр. 76—77.

**) Пѣсня о томъ, какъ Ермакъ Тимофеевичъ вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ завоевалъ Казань, напечатана въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ», 1866, № 10, стр. 46.

не было: въ пѣсняхъ говорится, что казаки собирались на разныхъ островахъ, въ горахъ Жегулевскихъ на Волгѣ и по берегамъ рѣкъ, въ кустахъ и камышахъ. Дружина Ермака, по пѣснямъ, состояла изъ казаковъ донскихъ, гребенскихъ, запорожскихъ, яицкихъ и вообще изъ разныхъ бродягъ. Вся эта разношерстная толпа выбирала себѣ начальниковъ—атамановъ и эсауловъ. Когда нужно было обсудить и рѣшить какой нибудь вопросъ, собирався, по казачьему обычаю, войсковой кругъ, въ которомъ дѣло рѣшалось съ общаго согласія. Занятіемъ Ермака и его товарищей были грабежи и разбои: на морѣ Каспійскомъ казаки разбивали бусы-корабли, на рѣкахъ—лодки-коломенки и мелкія суденушки; грабили купцовъ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ; не щадили и казны государевой. Вотъ каковы были Ермакъ и его казаки, по народному представленію, выразившемуся въ историческихъ пѣсняхъ. Согласно ли это съ дѣйствительностію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратиться къ сибирскимъ лѣтописямъ, какъ единственнымъ достовѣрнымъ источникамъ для исторіи Ермака и его дѣятельности. „Германъ въ дружинѣ своей Ермакомъ прослывъ и атаманомъ нареченъ...., воюя бусы по Хвалынскому морю и на Волгѣ со многими своевольными вой, яко и царскую казну шарпалъ“,—читаемъ въ Ремезовской лѣтописи *). Ермакъ „воевалъ и разбивалъ,—говорится далѣе въ той же лѣтописи, — на Окѣ и Волгѣ и на морѣ суды и катарги торговыхъ караваны..., хотя идти въ Кызылбаши (т. е. въ Персію), для своей власти, съ донскими и яицкими... Кызылбашскихъ пословъ пограбили Ермачко... со многими людьми“ **). Наконецъ, еще въ той же лѣтописи сказано: „Собраніи воины съ Ермакомъ на Дону, съ Волги и съ Еику, изъ Астрахани, изъ Казани, ворующе, разбиша государевы казенныя суды пословъ и бухарцовъ на усть Волги рѣки“ ***). Въ Строгановской лѣтописи о разбояхъ Ермака и его казаковъ говорится кратко: „Слышаху... Строгановы отъ достовѣрныхъ людей, о буйствѣ и храбрости поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимофеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, ногойцовъ побиваютъ и ордобазарцовъ грабятъ и побиваютъ...“ ****). Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свѣдѣній объ Ермакѣ, какъ воровскомъ

*) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 3-я.

**) Ibidem, статья 5-я.

***) Ibidem, статья 10-я.

****) Приложенія къ соч. Небольсина «Покореніе Сибири». Строгановская лѣтопись, глава VIII-я.

атаманъ, съ данными историческихъ пѣсенъ, нельзя не замѣтить, что тѣ и другія свѣдѣнія въ общемъ рѣшительно сходны, и значить, народныя историческія пѣсни объ Ермакѣ вполне заслуживаютъ вниманія историка и могутъ быть имъ приняты, какъ одинъ изъ немаловажныхъ источниковъ *).

Однако, по народному представленію, Ермакъ, производя разбои и грабежи, не былъ станичникомъ, разбойникомъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ не порвалъ окончательно общественной связи съ отечествомъ. Ермакъ называетъ Россію—„мать-Росіюшка“. Онъ со своими товарищами готовъ „поклониться царю Бѣлому“ и, чтобы искупить грѣхи своей воровской казацкой жизни, помогаетъ царю Грозному завоевать Казань. Но, смиряясь предъ царскою властью, Ермакъ, какъ изображается въ тѣхъ же пѣсняхъ, не терпѣлъ подчиненія боярамъ и воеводамъ государевымъ. Въ пѣсняхъ на этотъ счетъ есть нѣсколько указаній. Такъ казаки не задумались ограбить и убить царскаго посланника, ѣхавшаго по Волгѣ. Когда къ Ермаку отъ царя явился „курьеръ“, Ермакъ не хочетъ съ нимъ и говорить, предпочитая имѣть дѣло лично съ царемъ въ Москвѣ. Наконецъ, въ одной пѣснѣ атаманъ, между прочимъ, говоритъ своимъ казакамъ: „казанскому губернатору не покоримся“. Это признаніе со стороны казаковъ царской власти, готовность ихъ при случаѣ служить ей, но въ то же время ихъ безпредѣльная ненависть къ представителямъ государственнаго начала—боярамъ и воеводамъ, и беспощадные, безъ разбора, грабежи и разбои казаковъ,—всѣ эти черты, отмѣченныя народомъ въ историческихъ пѣсняхъ объ Ермакѣ и его удалыхъ товарищахъ, совершенно подтверждаются положительной исторіей. Костомаровъ въ своей монографіи объ Ермакѣ даетъ такую же характеристику казачества, изъ нѣдръ котораго вышла дружина завоевателя Сибирскаго царства. На дальнемъ югѣ древней Россіи,—говоритъ этотъ историкъ, — собирались казаки „въ смыслѣ самостоятельнаго братства вольныхъ военныхъ людей, которые управлялись сами собою, считали себя независимыми, и если

*) Кстати, замѣтимъ здѣсь, что историческія пѣсни объ Ермакѣ вошли въ видѣ небольшихъ отрывковъ въ составъ сибирскихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, въ Строгановской лѣтописи по Толстовскому списку, еще не изданному, однако теперь уже приготовляемому къ изданію въ археографической комиссіи вмѣстѣ съ другими сибирскими лѣтописями, находится отрывокъ, въ которомъ, при сравненіи, обнаруживается сходство съ пѣснями о разбояхъ Ермака.

изъявляли готовность служить царю, то какъ бы добровольно. Такіе казаки распространялись не только на Дону, но и на Волгѣ; оказывая иногда услуги правительству, они уже въ это время заявляли себя къ нему непріязненно: вопреки царскому запрещенію, вели войны съ сосѣдами, нападали на царскихъ посланцовъ, грабили царскіе товары и купцовъ и давали у себя пріютъ опаснымъ и бѣглымъ^{*)}.

Дружина Ермака, по словамъ Костомарова, принадлежала къ разряду разбойническаго казачества. Съ такимъ же точно характеромъ Ермакъ и его товарищи представляются русскимъ народомъ въ историческихъ пѣсняхъ. Разбойническій характеръ донскаго казачества обуславливался, съ одной стороны, необходимостью для казаковъ вести почти постоянную кровавую борьбу съ сосѣдами-татарами; съ другой стороны, въ составъ казачества входили особенно беспокойные элементы. „Въ казаки,—говоритъ Костомаровъ,—шли люди бездомовные, бѣдные, „меньшіе“ и вносили съ собою непріязнь къ людямъ богатымъ, знатымъ и большимъ. Отсюда-то происходило, что казаки или шайки, называвшія себя казаками, съ спокойною совѣстью нападали на караваны и грабили царскихъ пословъ и богатыхъ московскихъ гостей. Но казаки, не смотря на все это, были русскіе люди, связанные вѣрою и народностью съ тѣмъ обществомъ, изъ котораго вырывались; государству всегда оставалась возможность съ ними сойтись, и если не сразу подчинить ихъ, то до извѣстной степени войти съ ними въ сдѣлку, дать уступки и, по возможности, обратить ихъ силы въ свою пользу. Убѣжавши съ прежнихъ мѣстъ жительства на новыя, казаки могли быть довольны, если въ этомъ новомъ жительство имъ не мѣшали и оставляли съ пріобрѣтенными льготами. Отъ этого, какъ только царская власть обращалась съ ними дружелюбно, они готовы были служить ей, но только остерегаясь, чтобы у нихъ не отняли ихъ льготъ“^{**)}.

Спеціальный историкъ войска Донскаго Броневскій даетъ характеристику казаковъ, товарищей Ермака, также совершенно согласную съ народными воззрѣніями, выразившимися въ историческихъ пѣсняхъ о сибирскомъ завоевателѣ. „Донскіе казаки при первыхъ подвигахъ своихъ,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—за-

*) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I. Спб. 1880. Изд. 2-е. Стр. 538.

**) Ibidem, стр. 541 и 542.

служили и похвалу, и опалу: то были честными воинами, то мятежниками и грабителями. Гнѣвные отзывы царя Іоанна Васильевича о сей вольницѣ, въ письмахъ къ султанамъ и ханамъ таврическимъ были, къ сожалѣнію, справедливы: ибо казаки дѣйствительно разбивали купцовъ и пословъ на пути ихъ въ Москву, грабили самую казну государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы разогнать сихъ хищниковъ. Такъ въ 1577 году стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ, но другіе не смирились; уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли (1580) даже столицу ногайскую, Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычей, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ *). Правленіе казакъ, по словамъ того же историка, „составилось по образцу русской мірской сходки. Всѣ общественныя дѣла рѣшались на кругу: такъ называлось ихъ вѣче, гдѣ каждый казакъ, отъ атамана до послѣдняго, имѣлъ равный голосъ. Въ семъ собраніи народъ, по общему согласію, иногда же по большинству голосовъ, ежегодно избиралъ и смѣнялъ атамановъ и старшинъ своихъ, чинилъ судъ словесный и приговаривалъ къ казни обвиненныхъ. Безъ согласія сего круга войсковые атаманы ничего важнаго, или общественнаго предпринимать не могли **). Такая же картина зацапскаго управленія рисуется намъ въ историческихъ пѣсняхъ объ Ермакѣ и его жизни на Дону, Волгѣ и морѣ Каспійскомъ. Однако, казаки, не смотря на свою ни отъ кого независимую жизнь, не смотря на свое рѣшительно враждебное отношеніе къ русскимъ людямъ, изъ среды которыхъ они вырвались,—казаки донскіе „всегда и безусловно, по словамъ Броневскаго, признавали себя подданными російскихъ монарховъ: они составляли въ сущности какъ бы колонію нашу, или нѣчто отдѣльное, жившее собственною своею жизнію; но, обитая на границахъ государства могущественнаго и будучи русскими, мысль оставить отечество, отдѣлиться, образовать республику самобытную и независимую, никогда и въ голову имъ не приходила, хотя политическія обстоятельства, до

*) Исторія Донскаго войска. Соч. Владиміра Броневскаго. Ч. I-я. Спб. 1834. Стр. 59 и 60.

**) Ibidem, стр. 45.

восшествія на престолъ Алексѣя Михайловича, весьма могли имъ въ томъ благоприятствовать“*).

При сопоставленіи пѣсенъ о разбояхъ Ермака съ сибирскими лѣтописями и историческими изслѣдованіями мы желали обратить вниманіе только на главные пункты, не вдаваясь въ слишкомъ спеціальныя подробности, но и сказаннаго нами, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, какъ важно для положительной исторіи знакомство съ историческими пѣснями объ Ермакѣ Тимоѣевичѣ, какъ вольномъ, воровскомъ атаманѣ. Изученіе этихъ пѣсенъ знакомитъ съ воззрѣніемъ народнымъ на жизнь Ермака, предшествовавшую дѣятельности его, какъ завоевателя Сибирскаго царства, и, кромѣ того, представляетъ для историка интересный матеріалъ для сравненія съ лѣтописными свѣдѣніями. Вопросъ о происхожденіи Ермака, какъ извѣстно, еще далеко не выясненъ, и тѣмъ болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на народныя пѣсни, воспѣвающія сибирскаго завоевателя какъ воровскаго атамана. Разгадавъ эти пѣсни, изслѣдователю, наконецъ, можетъ быть, удастся выработать болѣе точное представленіе о жизни и дѣятельности Ермака до времени завоеванія имъ Кучумова царства и такимъ образомъ навсегда избавиться отъ разныхъ легендарныхъ и сбивчивыхъ повѣствованій, затемняющихъ начало біографіи знаменитаго атамана-завоевателя.

Слѣдующая статья наша будетъ посвящена народнымъ историческимъ пѣснямъ о покореніи Ермакомъ Тимоѣевичемъ Сибирскаго царства.

А. Оксеновъ.

*) Ibidem, стр. 46 и 47.

Крѣпостничество въ Сибири.

(Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи).

I.

Прошло 25 лѣтъ съ того момента, когда 20 милліоновъ русскихъ подневольныхъ людей получили свободу, и крѣпостное право сдѣлалось достояніемъ исторіи.

Длинный періодъ крѣпостнаго права въ Россіи не могъ не оставить слѣда и на окраинахъ метрополіи, не смотря на то, что эти окраины колонизовались на счетъ той вольницы, которая въ своихъ стремленіяхъ въ невѣдомыя страны искала исхода отъ тогдашняго барскаго гнета на Руси. Предполагая говорить о крѣпостномъ правѣ въ Сибири, я долженъ сознаться, что берусь за задачу нелегкую. Крестьяне Европейской Руси насчитываютъ достаточное число извѣстныхъ лицъ, посвятившихъ свои труды изслѣдованіямъ прошлаго и настоящаго народной жизни; Сибирь же съ ея крестьянствомъ до сихъ поръ не имѣетъ своего историка-изслѣдователя.

„Се дождѣ доплывше, вѣтрила словесъ спустивше, въ твердомъ пристанищѣ исторіи охотнѣ почіемъ“,—говоритъ одинъ изъ сибирскихъ Несторовъ, заканчивая свой лѣтописный трудъ; но прошло много лѣтъ, а сибирская исторія далека отъ именованія подобнаго пристанища.

Пользуясь доступными литературными и архивными матеріалами, я дѣлаю попытку передать исторію крѣпостничества въ Сибири, но при этомъ далека отъ мысли, что настоящая моя работа уничтожить замѣтный пробѣлъ какъ въ исторіи Сибири, такъ вообще въ исторіи русскаго крѣпостнаго права, и буду радъ, если она послужитъ началомъ изслѣдованіямъ, посвященнымъ этому предмету.

„Сибирь не знала крѣпостнаго права“ — слова, получившія, такъ сказать, право гражданства въ литературѣ этого предмета. Крѣпостное право, принявшее на Руси столь грандіозные размѣры, захватывало все вниманіе, и немногочисленные сибирскіе крѣпостные крестьяне не вызвали специальныхъ изслѣдованій. Явленіе вполне естественное, повидимому, находящее оправданіе и въ степени тяготы, размѣровъ крѣпостничества и особыхъ экономическихъ условій страны; но, къ сожалѣнію, несогласное съ истиной, а потому въ первыхъ же строкахъ приходится увѣрить читателя въ томъ, что крѣпостническія стремленія и традиціи, развиваясь въ Россіи, проникали постепенно и въ Сибирь.

Въ странѣ, гдѣ русскій человѣкъ находилъ свободный трудъ, гдѣ онъ могъ совершенно привольно развернуться и гдѣ народнымъ стремленіямъ, идеаламъ и инстинктамъ открытъ былъ такой широкій просторъ,—въ этой странѣ все время мы видимъ попытки совершенно противоположнаго свойства.

Разсматривая исторію крѣпостничества въ Сибири, нельзя ограничиваться крѣпостнымъ правомъ въ точномъ смыслѣ этого слова; т. е. владѣніемъ помѣщиками населенными имѣніями и крестьянами безъ земли. Историкъ Словцовъ указываетъ на существованіе крѣпостныхъ въ Сибири во время первой переписи, т. е. въ 1723 году, *) но, по всѣмъ даннымъ, то были единичные и крайне малочисленные случаи; въ общемъ же можно увѣренно сказать, что появленіе ихъ въ болѣе значительномъ числѣ относится къ позднѣйшему времени. На первыхъ же страницахъ сибирской исторіи позорными пятнами являются кабала и неволя побѣжденных инородцевъ, затѣмъ подневольный трудъ въ монастырскихъ имѣніяхъ и на горныхъ заводахъ, какъ въ формѣ приписки къ нимъ государственныхъ крестьянъ, такъ и въ видѣ казенныхъ мастеровыхъ, а также закрѣпощеніе за нѣкоторыми фабриками крестьянъ на посессионномъ правѣ.

Такимъ образомъ, посвящая настоящую статью очерку крѣпостничества въ Сибири, во всѣхъ его видахъ, считаю невозможнымъ обойти молчаніемъ исторію порабощенія инородцевъ, какъ

*) Истор. Обзор. Сибири, т. 2-й, стр. 28: «Нашлись записанными при первой переписи 1723 года за архіерейскими служками, купцами, казаками и разночинцами крѣпостные люди изъ купленныхъ у помѣщиковъ, изъ государственныхъ крестьянъ или изъ городскихъ разночинцевъ, и также изъ «сылныхъ»...

имѣющую прямую связь съ ходомъ крѣпостническихъ стремленій и вліяніе на ихъ развитіе.

„Въ Сибири, какъ въ странѣ, завоеванной такими людьми, которые немногимъ были выше ея туземныхъ полудикихъ племенъ, побѣда господствующей расы была результатомъ войны и всѣхъ ея послѣдствій“,—говоритъ Шашковъ въ своемъ трудѣ о рабствѣ въ Сибири. Войны и рабство шли рядомъ повсюду, гдѣ только соприкасались враждебныя населенія въ этой обширной странѣ. Русскіе явились въ Сибирь какъ завоеватели и, кромѣ оружія и эксплоатации, не могли ничего принести съ собою въ среду туземнаго населенія, и потому рабство, существовавшее до нихъ, съ приходомъ ихъ еще болѣе усилилось. Обстоятельства времени завоеванія, замиренія и колонизаціи этой страны, вплоть до начала XIX вѣка заставили сибиряка обращать инокордца въ неволю... Русскій людъ, бросая цѣпи рабства и идя въ неизвѣстныя страны, на каждомъ шагу самъ, по праву сильнаго, проявлялъ наклонность закабалить другихъ, болѣе слабыхъ.

Мрачными красками рисуетъ Шашковъ отношеніе русскихъ къ инородцамъ, особенно въ первый вѣкъ, вѣкъ широкаго авантюризма; но не мѣшаетъ оговориться, что мрачность красокъ у этого изслѣдователя является отъ сгруппировки всѣхъ фактовъ поработенія воедино, при отсутствіи данныхъ о другихъ сторонахъ жизни тогдашняго времени. Намъ кажется, что, если бы приведенные авторомъ факты привести въ связь съ другими явленіями мѣстной жизни, то они не производили бы такого подавляющаго впечатлѣнія; но во всякомъ случаѣ надо сознаться, что историческіе документы свидѣтельствуютъ о печальныхъ фактахъ, съ которыми мы и постараемся, въ краткихъ словахъ, познакомить нашихъ читателей.

Пришельцы, ведя въ первое время бродячую жизнь, не испытывали особой нужды въ даровомъ работникѣ-мужчинѣ; имъ прежде всего нужны были женщины для половой потребности, и они не медлятъ, пользуясь правомъ сильнаго, обращать въ рабство инородокъ, дѣлать ихъ своими наложницами и рабами-хозяевами. Воеводы, чиновники, казаки, стрѣльцы, всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только „имали къ себѣ ихъ женщинъ ради кратковременнаго блуднаго воровства“, но часто завладѣвали ими совершенно и, увозя съ собою, пользовались ими сами или продавали ихъ другимъ. Русскихъ женщинъ было

мало, и пришлый людъ поневолю долженъ былъ приобретать туземокъ. А развращенный правящій классъ тогдашней Сибири заводилъ цѣлыя гаремы; ему подражали всѣ, кто могъ, даже у простаго казака бывало по нѣскольку наложницъ; приобретать ихъ было нетрудно: цѣна на нихъ стояла невысокая, 10—20 рублей *). Иногда женщины дарились воеводамъ въ видѣ взятки торговыми и служилыми людьми, иногда покупали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возраста возмужалости, чтобы съ барышемъ продать, для наслажденія развратныхъ людей. Мы уже не говоримъ объ отдачѣ женщинъ-рабынь на время, обычаѣ, на столько распространенномъ тогда, что самыя женщины получили особое названіе „кортомныхъ дѣвокъ“. Воеводы „не разъ отдавали помѣсячно безмужнихъ женъ на блудъ“ **) и заводили дома терпимости; невольницы-инородки составляли значительную часть населенія этихъ убѣжищъ разврата и приносили несомнѣнно большіе барыши своимъ властелинамъ.

Весьма понятно, что подневольныя женщины, кромѣ удовлетворенія половой потребности, играли важную роль въ экономической жизни тогдашняго населенія: онѣ вмѣстѣ съ другими рабами составляли низшій рабочій классъ старинной Сибири, — классъ, созданный въ силу экономической необходимости.

Экономическая необходимость рабства и рабовладѣльческіе инстинкты русскаго населенія были на столько сильны, что законъ, нѣсколько ограждавшій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка инородца отъ насилія, былъ принужденъ уступить самой жизни, а вѣрнѣе, вліянію мѣстнаго правящаго класса, и рабство было признано и получило съ этого времени особенно сильное развитіе. Покоряя инородцевъ „въ вѣчное великому государю холопство“, завоеватели не забывали и себя, захватывая плѣнниковъ, или „ясырей“, и обращая ихъ въ своихъ личныхъ рабовъ.

Сохранившіеся историческіе документы этого времени даютъ яркія свидѣтельства о захватѣ и полоненіи инородцевъ. „Въ 1704 г. на киргизовъ, кочевавшихъ на Божьихъ озерахъ, ходилъ томскій козацій голова, Циуринъ... въ битвѣ съ козаками пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человекъ обоого пола... ***). „Божією милостію тобольскіе и тарскіе служилые люди

*) Миллеръ. Исторія Сибири, ч. II, стр. 412.

**) Акты историч., т. IV, стр. 183.

***) Древности и достопамятности Сибири, въ «Сиб. Вѣстн.», 1822.

ходили на калмыковъ, побили ихъ и вернулись съ плѣнными невольниками...“,—говорить другой документъ. Подобные походы не были исключительностью какой либо одной области,—они были вездѣ: якутскіе воеводы то же дѣлали съ якутами, забайкальскіе и иркутскіе—съ бурятами; енисейскіе, тобольскіе и березовскіе—съ самоѣдами, остяками, татарами, киргизами и калмыками. Личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда и ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю *). Инородцевъ часто захватывали даже тогда, когда они за чѣмъ либо являлись въ города и остроги, и составляли на нихъ купчія крѣпости, не смотря даже на то, что во второй половинѣ XVIII в. русское законодательство положительно воспрещало насильственное обращеніе инородцевъ въ рабство, но въ тогдашней Сибири законъ, въ силу круговой мошеннической поруки всѣхъ сильныхъ, оставался мертвой буквой.

„И писано изъ Tobольска на Тару и въ иные сибирскіе города, а велѣно тотъ ясырь для размѣну сыскивать и учинити законъ крѣпкой: у кого есть того погрому ясырь калмыцкій, и тѣ бѣ люди тотъ ясырь являли, а у себя бѣ того ясырю не таили и не крестили и не продавали“ **),—такъ указывала высшая власть. Но это далеко не исполнялось, къ тому же надо присоединить, что кабалители нашли особый исходъ для неисполненія повелѣній закона. Исходъ этотъ заключался въ крещеніи инородцевъ въ православную вѣру, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ крещенаго инородца нельзя было возвращать въ среду нехристей.

„Крещеніе въ неволю“ было чрезвычайно распространено въ Сибири и долго считалось средствомъ, дающимъ полное право собственности на окрещеннаго тому лицу, кто обращалъ его въ православіе; онъ владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его и оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію ***).

Но правительство, наконецъ, и это воспретило, не дозволяя „всякимъ людямъ“ крестить инородцевъ, а въ 1726 году Петръ Великій, по просьбѣ сибирскаго митрополита Филоея, велѣлъ объявить по Березовскому уѣзду, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабалѣ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости.

Кромѣ захвата рабовъ силою, въ Сибири естественно явился

*) С. С. Шашковъ. Истор. этюды. Рабство въ Сибири, стр. 109.

**) Акт. ис., т. III, стр. 314.

***) Шашковъ, стр. 114.

и торгъ невольниками. Сначала безысходная бѣдность инородческаго населенія побуждала продавать свободу свою и своихъ дѣтей, а затѣмъ мало-по-малу продажа невольниковъ вошла въ обыкновеніе и сдѣлалась обыденнымъ явленіемъ.

„Камчадалы и другіе безгласные инородцы доведены были застрашиваніями, — говоритъ Словцовъ, — до такой крайности, что сами родители продавали казакамъ и промышленникамъ своихъ ребятъ по рублю и по полтинѣ“ *). Въ Березовскомъ краѣ семилѣтнихъ остяцкихъ мальчиковъ продавали по 25, а дѣвочекъ по 20 коп. за штуку. Средняя норма, впрочемъ, была выше, хотя случалось покупать мальчика и за лукошко муки. Постепенно образовались центры рабовладѣльческой торговли и таковыми сдѣлались Енисейскъ, Тюмень, Томскъ и Тобольскъ.

Существующая торговля продолжала процвѣтать, буквы закона не были ей страшны, а къ этому же по временамъ являлись и законодательные акты, санкціонирующие право рабовладѣнія. Начало было положено еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. „Въ прошломъ въ 132 году (1624) посланъ указъ въ Сибирь и Астрахань: татаръ и татарченковъ мужеска и женска пола всякимъ людямъ покупать и даромъ ни у кого имати и на Русь ни съ кѣмъ высылати не велѣно. А нынѣ такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупать всемъ людямъ попрежнему, опричь воеводъ и всякихъ приказныхъ людей“... Затѣмъ противъ рабства вооружился Петръ Великій, а за нимъ и Анна Іоанновна, въ своемъ указѣ 31-го мая 1733 года, но та же императрица, въ 7 § указа 1737 года 16-го ноября, дала полную санкцію рабству: „...Калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ“. Въ 1756 году, благодаря сибирскому губернатору Мятлеву, вновь было оформлено и освящено законодательнымъ актомъ крещеніе въ неволю.

Главнымъ же основаніемъ сибирскаго рабства послужилъ законъ 9-го января 1757 года, утверждавшій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: „Привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ, по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ по указамъ *крѣпостныхъ*

*) Словцовъ. Истор. Обзор. Сибири, 1 ч. нов. изд., стр. 279.

людей имѣть велѣно, покупать и на товары вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не подлежитъ, но еще пріохачивать къ нему надобно, для того, дабы лучшее стараніе было изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Таковыхъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ кр. Ямышевской и Семипалатинской командирамъ, описывая при томъ ихъ лѣта и ростъ. А потомъ, какъ оныя пообучатся руссійскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнные записи. Всѣмъ у киргизъ-кайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкими по смерти оныхъ покупателей.“

Въ этомъ актѣ уже является различіе, кто можетъ владѣть рабами. Право вѣчное и потомственное распространяется только на тѣхъ, кто можетъ имѣть крѣпостныхъ людей, т. е. на классъ дворянскій и чиновничій, остальные же должны владѣть рабами только пожизненно.

Число покупателей росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число продавцевъ. Контигентъ первыхъ главнымъ образомъ составляли чиновники, купцы и посадскіе люди, набравшіе себѣ дворню изъ рабовъ и щеголявшіе численностью ея.

II.

Въ свою очередь, параллельно съ только-что описаннымъ прискорбнымъ теченіемъ сибирской жизни, переносились на почву ея чуждыя крѣпостническія стремленія, по отношенію къ захвату земель правящимъ классомъ. Чиновничье крупное землевладѣніе, во все время, начиная съ 1728 года, было особымъ *ritum desiderium* мѣстной администраціи. Распоряженія по этому предмету центральнаго правительства и сохранившіяся ходатайства сибирскихъ властей свидѣлствуютъ объ излюбленности этихъ идей и объ упорномъ желаніи увѣковѣчить крѣпостническія традиціи въ Сибири. „Что сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, казаковъ и прочихъ служилыхъ чиновъ, по присланной въ сенатъ въ 1725 году августа 27 дня вѣдомости для посылокъ и службы изъ денежнаго жалованья съ землею по указу ихъ верховнаго тайнаго совѣта марта 31 дня 1727 года велѣно прибавить въ Якутскъ и быть 1,500 человекамъ... Въ Сибири дворянамъ безъ жалованья

*

служить не можно, понеже людей и крестьянъ не имѣютъ, и купить негдѣ; и для того предположено, дабы вмѣсто жалованья землями съ пристойными угодьями удовольствоваться съ такимъ обнадеживаніемъ, что у нихъ и ихъ дѣтей то пожалованное *вѣчно останется*“ *). Подобныя же мѣры предполагалось предпринять и для обезпеченія казаковъ. „Сіи храбрые, хотя и необузданные люди не переставали вдалекѣ казаться и быть господами,—говорить почтенный историкъ Сибири. На сѣверовостокѣ и особенно въ Камчаткѣ они владѣли до Мерлина толпами холопей, ночи проводили за картами, проигрывали награбленныя шкуры и холопей. Но внутри Сибири, лишась прежнихъ средствъ къ жизни, представлялись тружениками“ **). Бывшій сибирскій губернаторъ кн. Долгорукій, лично ходатайствовалъ у сената о пособіяхъ имъ. Сенатъ думалъ надѣлать землями, но въ виду заявленія губернатора, что *„нѣтъ у нихъ крестьянъ“*, не счелъ цѣлесообразной эту мѣру.

При обиліи земель и при совершенной безцѣнности ихъ, возможность имѣть земельные участки безъ даровыхъ подневольныхъ работниковъ на самомъ дѣлѣ не особенно прельщала сибирскій правящій классъ.

„Начертаннымъ въ губернаторскомъ наказѣ разрѣшеніемъ, отдавать чиновникамъ для хозяйственнаго заведенія земли, по опредѣленію иркутской губернской канцеляріи 1768 года, было троекратно опубликовано,—говорить губернской землемѣръ Лосевъ, въ своемъ рукописномъ трудѣ, относящемся къ 1807—1810 гг. Чиновники и дворяне сибирскіе, съ пользою отечеству во время свою службу продолжавшіе, хотя удостоены были отъ начальства пустопорожними землями тогда же при самомъ началѣ публикаціи; но какъ они не имѣли у себя своихъ людей, а въ работы нанять было некого, то отдавали посадскимъ распахать землю изъ половины, и таковыя по волѣ работающіе люди назывались половщиками“ ***). Но съ прискорбіемъ повѣствуетъ далѣе тотъ же авторъ: „лишь только завелись хлѣбопашествомъ, то половщики, позавидовавъ домообзаводственному хозяйству, приносили начальству жалобу на господствующихъ землею чиновниковъ о своихъ неудовольствіяхъ и просили, чтобы обработанныя земли отдать имъ посадскимъ людямъ за хлѣбный или

*) Полн. собр. зак., 15 марта 1728 года.

**) Словцовъ, *ibid.*, 286 стр.

***) Хозяйственное описаніе Иркутской губерніи, составленное по программѣ Императорскаго вольно-экономическаго Общества.

денежный оброкъ, для казенной пользы.“ Правительство видимо не могло противостоятъ этимъ ходатайствамъ, такъ какъ, по словамъ того же автора, оно отбирало чиновничьи земли и отдавало посадскимъ, а „чиновники и дворяне по недостаточному состоянію, не долго пользовались“.

Чиновничество сознавало свое безсиліе, земли однѣ не давали дохода, рабы-инородцы отличались непригодностью для земледѣльческихъ работъ и, большею частью, набирались только въ дворню, притомъ ихъ надо было покупать, а покупка, не смотря на невысокія по тогдашнему времени цѣны, была неособенно подѣ силу „всякимъ чиновнымъ людямъ“, о привозѣ крѣпостныхъ крестьянъ изъ Россіи и говорить нечего, — это было сопряжено съ величайшими затрудненіями и большими затратами.

Чиновничество, потворствуемое своею правящею братіею, вѣрное крѣпостническимъ стремленіямъ, искало выхода и вскорѣ нашло его, обративъ свое благосклонное вниманіе на безправный русскій людъ, ссылаемый за преступленія въ Сибирь.

Но, прежде чѣмъ говорить о закрѣпощеніи ссыльнаго элемента, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о роли сибирскихъ монастырей, которые до 1764 года считались обладателями сравнительно крупныхъ населенныхъ вотчинъ. Исторія приобрѣтенія монастырями земель въ Сибири и заселенія ихъ имѣетъ свои существенныя особенности, отличающія ее отъ монастырскихъ вотчинъ Европейской Россіи. Земли монастырямъ, благодаря попрошайничеству и проискамъ, охотно давались, выбирались изъ лучшихъ и отличались просторомъ. Интересныя данныя по этому вопросу мы находимъ въ трудахъ извѣстнаго историка крестьянства В. И. Семевского, главнымъ образомъ въ его статьяхъ о „крестьянахъ духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка“, *) и преосвященнаго Мелетія въ его книгѣ „Церковныя грамоты Восточно-Сибирскаго края“. Изъ нихъ вы видите, что, благодаря беззастѣнчивому попрошайничеству, монастыри получали одинъ участокъ за другимъ, захватывая иногда земли, занятые и расчищенные русскими колонистами **),

*) «Русская Мысль», 1882 г., 9 и 10 кн.

**) «Русская Старина», 1879 г., кн. 1, стр. 38. По мѣрѣ основанія въ Сибири монастырей, крестьянамъ приходилось вступать въ столкновеніе съ монастырскими властями изъ-за земельныхъ угодій. Наглядный примѣръ этого мы находимъ въ наказѣ Богучанскаго станка Енисейскаго вѣдомства. У крестьянъ Чадобскаго погоста Ивана Рукосуева и Якова Кулакова съ товарищами издавна была данная земля на рѣкѣ Тунгускѣ; на этой же землѣ Ени-

а къ этому еще въ 1704 году состоялось повелѣніе: „вмѣсто ружнаго довольствія и оклада“ поселять на монастырскихъ земляхъ, для монастырской экономіи и въ интересахъ крестьянъ изъ *гулящихъ и иныхъ людей*. Монастырскія заботы о прикрѣпленіи къ землѣ гулящихъ людей, для экономіи, на столько простирались, что миссіонеры, сознавая вредъ безсемейности, покупали имъ „мунгалскихъ дѣвокъ“, обращали ихъ въ православіе и этихъ дѣвокъ и бабъ давали въ придачу къ „денежной, скотинной и хлѣбной ссудѣ“. Но, надо полагать, въ виду неособенно значительнаго числа гулящихъ людей, попадавшихся на миссіонер-

сейская провинціальная канцелярія дозволила поселиться крестьянину Петру Колпакову и «пахать въ обществѣ съ означенными Рукоусевымъ и Кулаковымъ въ поваль», «съ согласія съ оными крестьянами». Колпаковъ поселился тамъ и жилъ безспорно. Но въ 1696 г. «на ту же данную землю Ивана Рукоусева съ товарищи добылъ данную по оной же рѣкѣ Тунгускѣ старецъ Іакимъ Путиловъ и построилъ выше Кашиной гливеры пустыню, а рѣченнаго Колпакова съ той земли сослали и приказали пахать Чадобскаго погосту съ крестьянами въ поваль съ Иваномъ Рукоусевымъ съ товарищи». Послѣ того, однако, старецъ Іакимъ далъ Колпакову поступную на землю отъ Кежмы до Коды рѣки, на которой онъ и поселился, гдѣ и жилъ какъ самъ, такъ и дѣти его и внучата, причемъ пахали десятинную пашню и несли другія повинности. Но въ 1766 г. одинъ крестьянинъ Кашино-Шиверскаго монастыря, безъ сомнѣнія—по приказу монастырскихъ властей, подалъ челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, будто они насильно завладѣли землею, и называлъ эту землю монастырскою... Енисейская канцелярія для освидѣтельствованія земли послала одного сибирскаго дворянина, который измѣрилъ ее въ присутствіи однихъ только монастырскихъ крестьянъ и отвелъ къ монастырю не только землю, заселенную черносошными крестьянами, но и владѣнія двухъ инородческихъ вѣдомствъ... Потомки Колпакова, въ числѣ 36 душъ, были согнаны и земля ихъ, изъ которой 44 десятины уже было вспахано для посѣва хлѣба, была отдана монастырскимъ крестьянамъ. Точно также у крестьянъ Рукоусева и Колюпанова съ товарищи было отнято 200 десятинъ. Земли отнимали и отнятыя земли тотчасъ же отдавали въ аренду. Потомки крестьянина Колпакова, по свидѣтельству крестьянъ Богучанскаго станка, пришли «во всекрайнее раззореніе и нужду»... Жалобы отъ нихъ не принимали и они, не зная, куда подавать, приложили ее къ наказу Богучанскихъ крестьянъ. При этомъ они указывали, что у монастырскихъ крестьянъ множество земли, что значительную часть ея при измѣреніи монастырскихъ владѣній они утаили, что хотя монастырю и было уступлено земли на тридцать верстъ, но они захватили отъ Коды до Ковы рѣки съ прибавкою по рѣкѣ Тунгускѣ не менѣе какъ на 80 верстъ. Согласно этого и въ наказѣ Богучанскаго станка заявлялось, что у монастырскихъ крестьянъ въ окрестности земли верстъ на триста, а пашень и покосовъ 3,000 десятинъ, между тѣмъ этихъ крестьянъ всего 65 душъ. (В. И. Семеvскій, «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II»).

скую удочку, миссія не брезговала и людьми „мунгальской породы“. Весьма интересны поручныя записи на эту кабалу, и, въ виду этого интереса я считаю умѣстнымъ привести, какъ образчикъ, одну изъ нихъ.

„Се азъ мунгальской породы новокрещенные Иванъ Романовъ, да Тихонъ Сергіевъ, родомъ братья родные, дали сію записъ на себя на Селенгѣ рѣкѣ въ новомъ Троицкомъ монастырѣ игумену Θεодосію, еже о Христѣ съ братією въ томъ, что жить намъ и съ женами своими и въ томъ Троицкомъ монастырѣ во крестьянѣхъ на ихъ монастырской землѣ въ *родѣ и родѣ*. А какъ Богъ подастъ намъ Ивану и Тихону дѣтей мужескаго пола, то тому же быть въ Троицкомъ монастырѣ и дѣтямъ нашимъ во крестьянѣхъ. А буде женскаго полу и намъ безъ благословенія отца игумена и братіи и безъ вѣдома на сторону замужъ не отдавать. А взяли мы у него игумена и у братіи изъ монастырской казны въ подмогъ безъ отдачи коня да корову, по двадцати пудъ муки ржаной, по котлу мѣдному, по топору, по косѣ, по два серпа, по сошникамъ. А пашню намъ и дѣтямъ нашимъ пахать на ихъ монастырскій обиходъ по десятинѣ въ полѣ, а сѣять ихъ монастырскими сѣменами, а хлѣбъ поспѣетъ, и намъ пахать на себя изъ монастырской земли, елико мочь моя будетъ. И живучи намъ въ крестьянѣхъ быть отъ него игумена и отъ братіи во всякомъ послушаніи, безъ всякаго прекословія, зернью и карты не играть, не пить, не бражничать и никакимъ воровствомъ не воровать и съ воровскими людьми не знатца и монастырскаго живота не покрасть и изъ монастырской пашни никуда не сбѣжать и отъ крестьянства не отбиватца не коими дѣлы и, живучи въ сосѣдствѣ съ своею братією, быть въ смиренствѣ, всякое мірское издѣліе дѣлать вмѣстѣ и споваль, околицы въ поляхъ и огороды городить какъ водитца.“

Весьма подробныя свѣдѣнія о сборахъ и повинностяхъ, существовавшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, В. И. Семевскій нашелъ въ наказѣ крестьянъ одного села, принадлежавшаго Тобольскому Знаменскому монастырю. Прежде всего за пользованіе землею крестьяне вносили „пятинный хлѣбъ“, т. е. пятый снопъ изъ урожая. Затѣмъ на разную работу они употребляли по 30 дней; пахали пашни съ вѣвца на своихъ лошадяхъ по одной трети десятины и рвали конопли по два дня; плели сѣтей для рыбной ловли по сажени изъ своей конопли, неводы садили и наводили по 2 и по 3, мяти конопли по одному пуду и парили по одной четверти

толокна. Кромѣ того, съ нихъ собиравлось съ каждаго вѣнца: сѣно по 20 печатныхъ копенъ, а у кого не было сѣна, съ тѣхъ брали отъ 2 до 5 рублей,—по полторы саж. дровъ, по два бревна, по двѣ кади угля, по 10 фунт. лыка и три скалы бересты, а кто не ставилъ всего этого, долженъ былъ платить по 72 коп. въ годъ. Кромѣ того, съ крестьянъ взыскивали по однѣмъ санямъ и дровнямъ съ 10 вѣнцовъ, по лопатѣ и одной лычной веревкѣ, смолы брали съ 10 душъ по одному печатному ведру, груздей по ведру, грибовъ по рѣшету. Они давали еще съ вѣнца по двѣ подводы въ городъ на разстояніи 63 верстъ и по двѣ подводы на мельницу за 16 верстъ, возили хлѣбъ, живую рыбу, пиво, сѣно и пр. Старики 70—80 лѣтніе караулили заборы и рыбу въ садкахъ, собирали хмѣль, пряли по 10 ф. пряжи на невода изъ монастырской конопля. Кромѣ того, нанимали отъ міра 15 человѣкъ плотниковъ, которымъ платили по 7—15 рублей въ годъ. Сверхъ всего этого, крестьяне жали ярового хлѣба по 40 и ржи по 20 суслоновъ, пшеницу отбирали втеченіе 5 дней, ячмень скоблили и чистили, колупали сѣру съ хвойныхъ деревьевъ; съ каждой дѣвушки, достигшей 15 лѣтъ, брали тонкаго холста по 5 аршинъ. Отъ всѣхъ работъ, по словамъ крестьянъ, они пришли въ такое „крайнее раззореніе“, что и чрезъ нѣсколько лѣтъ не могли оправиться. Крестьяне Троицкаго Тюменскаго монастыря, сообщая о своихъ повинностяхъ, которыя отрабатывали въ пользу монастыря, оцѣниваютъ ихъ въ 1 руб. 72 коп. съ души, но были годы, когда въ деревняхъ того же монастыря повинности далеко были тяжелѣе. Вотъ что рассказывали крестьяне этихъ деревень. Въ 1756 году архимандритъ Софроній обложилъ ихъ тяжелыми сборами и барщиной; всѣ, начиная отъ 15 лѣтъ, должны были работать, старики наряжались въ караулы; словомъ съ каждой окладной души приходилось въ годъ по 173 рабочихъ дня, да деньгами по 88 коп., „кромѣ положенныхъ по силѣ указовъ помѣстныхъ денегъ“, „а ежели когда изъ нашей братіи, — писали крестьяне, — платежемъ таковыхъ податей явится кто не въ состояніи или за старостью и болѣзнію таковыхъ чрезвычайныхъ работъ снести не могутъ, то онъ, архимандритъ Софроній, повелѣваетъ таковыхъ всякими муками мучить, немилостивно плетью билъ, въ студеныя чуланы садилъ“, отчего „пришли наши братья крестьяне почти многіе въ отчаяніе, что своихъ женъ и домовъ лишились и многіхъ крестьянъ билъ плетью немилостивно, давалъ ударовъ ста по три и по пятисотъ“. Архіерейскіе крестьяне въ Сибири находились

не въ лучшемъ положеніи, и особенно во времена митрополита Павла Конюсевича и эконома архіерейскаго дома отца Іакинфа, называемаго въ жалобахъ „кровожаждущимъ“. Справедливость этихъ жалобъ подтвердилъ губернаторъ Соймоновъ.

Таковы были отношенія монастырей къ населенію принадлежащихъ имъ имѣній, и они продолжались до 1764 года, когда въ силу Высочайшаго указа отъ монастырей были отняты вотчины, и архіерейскіе и монастырскіе крестьяне обращены въ экономическіе, съ правами одинаковыми съ государственными крестьянами. Въ Сибири, по словамъ Щеглова *), было освобождено болѣе 13,000 человекъ. Но съ этой цифрой едва ли возможно вполне согласиться, такъ какъ есть нѣкоторые данныя, свидѣтельствующія о сравнительно большей численности. Словцовъ говоритъ, что „истинное количество всѣхъ сибирско-духовныхъ вотчинъ, по второй ревизіи, выставлено въ XLIV т. п. с. законовъ въ 16,128 душъ“ **); во время третьей ревизіи число монастырскихъ крестьянъ было 14,464 д. (въ Сибир. губ. 11,524 и Иркутск. 2,940). Послѣднія цифры, извлеченныя изъ официальныхъ документовъ, намъ обязательно сообщилъ В. И. Семевскій. Такимъ образомъ численность монастырскихъ крестьянъ со времени второй ревизіи не увеличивалась, а, напротивъ, уменьшалась въ то время, когда въ Европейской Россіи число монастырскихъ крестьянъ годъ отъ году прогрессивно возрастало. Этотъ фактъ самъ по себѣ можетъ считаться знаменательнымъ явленіемъ.

III.

Возвращаясь къ крѣпостническимъ стремленіямъ сибирскаго чиновничества на счетъ ссыльнаго элемента, мы можемъ указать, что еще указомъ сената отъ 29-го апрѣля 1747 года было разрѣшено: „сибирскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и разночинцамъ отдавать изъ ссыльныхъ женатыхъ съ дѣтьми и холостыхъ написанныхъ въ подушный окладъ такихъ, кто домовъ своихъ не имѣетъ, изъ платежа подушныхъ кто взять похочетъ“. Но *de facto* попытки закрѣпощенія этого рода людей были ранѣе. Словцовъ указываетъ, что чиновники подъ видомъ *крѣпостныхъ* записывали „то *бѣлыхъ*, то *ссыльныхъ*, какъ при второй ревизіи открылось“ ***).

*) Хронол. перечень важн. данныхъ изъ истор. Сибири, Щегловъ, стр. 278.

**) Истор. Обзор. Сибири, 2 т., стр. 29.

***) Ibid., 1 т., стр. 288.

Принимались всевозможныя мѣры, чтобы поддержать этотъ починъ: такъ въ 1786 году состоялся Высочайшій манифестъ о раздачѣ дворянамъ капиталовъ „для домообзаводственнаго хозяйства на 20 лѣтъ“, въ 1805 году—о льготной выдачѣ изъ хлѣбныхъ магазиновъ ссуды на посябъ.

Но съ особенной силой и рельефностью указанныя стремленія чиновниковъ начинаютъ проявляться въ началѣ XIX столѣтія, послѣ 1808 года, положившаго конецъ рабству.

23-го мая этого года состоялся Высочайшій указъ, которымъ хотя и дозволялось въѣмъ свободныхъ состояній русскимъ вымѣнивать на пограничной линіи киргизскихъ дѣтей, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднія, по достиженіи 25-тилѣтняго возраста, освобождались отъ неволи. Этотъ указъ произвелъ полный переполохъ въ средѣ рабовладѣльцевъ; впрочемъ, какъ и надо было ожидать, невольники еще не скоро воспользовались дарованной свободой. Рабовладѣльческій классъ въ то же время былъ правящимъ классомъ и держалъ въ своихъ рукахъ власть, и тамъ, гдѣ касалось его интересовъ, онъ часто ни во что ставилъ царскіе указы. Рабы волновались, писали прошенія, но долгое время получали такіе же результаты, какой получилъ киргизъ Александровъ, рабъ коллежскаго совѣтника Камаева. Александровъ за то только, что написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи, былъ наказанъ при полиціи 200 лозъ, а послѣ сего ввергнутъ въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу *).

Послѣдующіе указы 1822 и 1825 гг., подтверждавшіе указъ 1808 года о прекращеніи рабства, заставили еще болѣе встрепенуться сибирскихъ рабовладѣльцевъ, и вопль ихъ „о поправіи священныхъ правъ собственности“ громко раздался. Въ Омскѣ, гдѣ рабовладѣльцевъ-чиновниковъ насчитывали 31 человекъ, былъ избранъ даже особый уполномоченный чиновникъ Яковлевъ, который долженъ былъ принести просьбу на Высочайшее имя.

Но правительство, видимо, твердо рѣшилось уничтожить рабство, и поданная просьба не имѣла успѣха. Въ 1826 году назначенъ былъ окончательный срокъ для освобожденія невольниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось вновь приобрѣтать ихъ. Такъ покончило свое существованіе въ Сибири рабство, оставивъ достояніемъ исторіи немало печальныхъ страницъ.

*) Шашковъ. Рабство, стр. 159. Дѣло объ освобожденіи невольниковъ. Арх. главн. управл. Зап. Сиб., № 2,301.

Однако сибирское дворянство, или, вѣрнѣе, чиновничество, не теряло надежды имѣть даровой подневольный трудъ. Кстати нужно сказать, что собственно дворянское сословіе въ Сибири было крайне малочисленно. Авторъ „Домовой лѣтописи“ Андреевъ *), совершенно справедливо замѣчаетъ, что являвшіеся сюда дворяне, по занятіямъ и образу жизни скоро теряли свои привилегіи, переходя въ крестьянство или духовенство. Впрочемъ, нѣкоторые изъ російскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохранили свое званіе и назывались сибирскими. Кромѣ того, нѣкоторые верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или по власти воеводъ, а позднѣе губернаторовъ „за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье“, а иногда и за службу отца **). Этотъ классъ, какъ мы уже сказали, отличался своей малочисленностью, и роль дворянства въ Сибири изображало мѣстное служащее и уже отслужившее чиновничество.

Въ началѣ XIX вѣка, особенно послѣ прекращенія рабства, чиновничество съ особенной энергіей выказало свои поползновенія на пріобрѣтеніе крѣпостныхъ русскихъ людей, главнымъ образомъ, обративъ вниманіе на возможность закабаленія ссыльнаго элемента.

Положеніемъ 20-го мая 1835 года было постановлено, что всѣ чиновники, прослужившіе въ Сибири 10 лѣтъ, начиная съ званія начальника стола, могли по удостовѣренію начальства получать въ награду участки поstopорожныхъ земель. „Сии и другіе подобные тому владѣльческіе участки,—говоритъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ своей особой докладной запискѣ, представленной Государю по этому вопросу,—безъ сомнѣнія, будутъ заселяемы крѣпостными крестьянами, чему есть уже примѣръ; ибо, по личному объясненію генераль-губернатора Западной Сибири, въ Тобольской губерніи устроено одно значительное помѣщичье селеніе. Съ другой стороны, дѣла сибирскаго комитета показываютъ, что правительство имѣло въ виду уже ограничить крѣпостное право въ сибирскихъ губерніяхъ въ томъ уваженіи, что Сибирь отъ времени до времени болѣе и болѣе населяется преступными людьми, безземельными, развратными и неблагонамѣренными. Слѣдовательно, распространять въ такомъ краѣ населеніе крѣпостныхъ крестьянъ,—говоритъ далѣе генераль-адъютантъ

*) Чтен. въ Общ. истор. и древностей, при Московскомъ университетѣ 1840 г., кн. 4.

**) Пашковъ, *ibid*, стр. 159.

Киселевъ,—значило бы увеличивать поводъ къ опасеніямъ, если не совсѣмъ достовѣрнымъ, то по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ“.

Извѣстно, что Киселевъ считалъ необходимымъ устроить переселеніе крестьянъ изъ губерній малоземельныхъ, дабы тѣмъ улучшить нѣсколько крестьянскій бытъ. Преслѣдуя эту мысль, онъ въ той же докладной запискѣ говоритъ, что „переселеніе государственныхъ крестьянъ въ Сибирь, кромѣ неудобствъ, сопряженныхъ съ отдаленностью разстоянія, потребовало бы значительныхъ издержекъ“, между тѣмъ какъ „раздача свободныхъ земель по Всемиловѣйшему пожалованію, открывая средства для переселенія владѣльческихъ крестьянъ, претерпѣвающихъ недостатокъ земли въ одинаковой степени съ государственными крестьянами, заключаетъ въ себѣ не одну только частную выгоду, но и пользу государственную, улучшая посредствомъ переселенія изъ мѣстъ малоземельныхъ состояніе остающихся крестьянъ, которые составляютъ въ государствѣ огромную массу народонаселенія. Сверхъ того, опытъ показываетъ, что заселеніе пустопорожнихъ земель средствами частныхъ владѣльцевъ, при ихъ непосредственномъ наблюдении и попечительствѣ, совершается гораздо успѣшнѣе. Но Киселевъ желалъ поселенія владѣльческихъ крестьянъ въ Сибири „на особыхъ правилахъ, которыя, устраняя крѣпостное право на переселеніе крестьянъ, обезпечивали бы выгоды владѣльцевъ условнымъ положеніемъ“.

На этотъ докладъ 10-го января 1838 года послѣдовала Высочайшая резолюція объ отысканіи закона, воспрепятствующаго переселенію крѣпостныхъ въ Сибирь; надѣль же земель повелѣно было производить не иначе, какъ для водворенія мастеровыхъ или земледѣльцевъ *по контрактамъ*.

Нѣтъ худа безъ добра, — боязнь высшей правительственной власти укрѣпленія крѣпостнаго права въ далекой странѣ послужила тормазомъ къ дальнѣйшему развитію его. Киселевъ, исполняя волю Государя объ отысканіи запретительнаго закона и видимо не найдя его, отнесся съ особымъ секретнымъ письмомъ къ Сперанскому, какъ лицу особо компетентному въ законахъ и въ дѣлахъ сибирскихъ. Графъ Сперанскій не заставилъ ждать своего отвѣта и 15-го января того же года, между прочимъ, сообщалъ министру: „Дворянамъ, имѣющимъ въ Сибири земли, пожалованныя имъ самимъ или другимъ, отъ коихъ онѣ дошли къ нимъ по наслѣдству или другимъ какимъ либо способомъ приобрѣтенія, никогда не было запрещаемо переселять на сіи земли сво-

ихъ крѣпостныхъ людей, и хотя сіи переселенія доселѣ были малочисленныя, однако же къ 8-й ревизіи считалось тамъ около 1000 душъ обоого пола помѣщичьихъ крестьянъ, преимущественно въ Западной Сибири“. Затѣмъ Сперанскій напомнилъ министру, что еще въ 1806 году былъ высочайше рассмотрѣнъ вопросъ о раздачѣ земель въ Сибири, по частнымъ просьбамъ для хозяйственныхъ заведеній, а въ 1822 году по представленію самого Сперанскаго—для раздачи въ награду чиновникамъ. Но, къ счастью Сибири, за хаотическимъ состояніемъ межеваго дѣла, эти предположенія, какъ видно, не были приведены въ исполненіе.

Поднятый вопросъ о раздачѣ въ Сибири земель вызвалъ въ правительственныхъ сферахъ разныя мнѣнія; между прочимъ, появилась особая записка нѣкоего графа Сентъ-Альдегонда, который совѣтовалъ министерству какъ можно скорѣе раздавать землю частнымъ лицамъ, при томъ землю, „выгодно расположенную“, и давать эту землю тѣмъ, кто отличится искусствомъ и постоянствомъ. Можетъ быть, и иностранцы согласились бы посвятить сей странѣ свои познанія и капиталы,—вослицаетъ онъ и сулитъ Сибири даже перемѣну климата и почвы... „Почва на востокъ отъ Байкала до такой степени можетъ перемѣниться, что станетъ составлять произведенія умѣреннаго пояса“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсматривая этотъ проектъ вмѣстѣ съ ранѣе поданнымъ проектомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Завилійскаго, призналъ только важность его, но совѣтовалъ пока его отклонить. А государственная канцелярія пришла въ умиленіе и, видимо восхищаясь мыслью привлечь въ Сибирь на постоянное жительство русскіихъ и особенно иностранныхъ капиталистовъ и промышленниковъ, находила, что „мѣра сія принесла бы неисчислимыя выгоды“ *); однако въ полный разрѣзъ съ этими восхищеніями на сей разъ шли мнѣнія съ мѣста: такъ генераль-губернаторъ Западной Сибири заявилъ, что по дешевизнѣ сельскихъ произведеній „всякое прибавленіе оныхъ было бы бесполезно и даже вредно“... но это предполагалось, весьма понятно, только тогда, когда дѣло не касалось его чиновниковъ. Чиновники, энергично ратуя за свои интересы, въ то же самое время подали весьма громкіе и вмѣстѣ крайне оригинальные проекты. Таковыхъ проектовъ отъ генераль-губернатора Западной Сибири поступило два.

*) М—стру госуд. имущ. 10 мая 1838 г., № 439.

„Со дня изданія указа о бродягахъ, въ продолженіе 5 лѣтъ поступило въ Сибирь на поселеніе бродягъ и подъ инымъ наименованіемъ до 60,000 человекъ. Не обинуясь,—гласить первый проектъ,—утвердительно можнос казать, что до сего времени и ¹/₁₀ части на поселеніе не водворено“, а потому совѣтъ главнаго управленія полагалъ бы принять слѣдующія мѣры *).

Всѣхъ сословій и націй старожиловъ земледѣльцевъ, за исключеніемъ кочевыхъ и бродячихъ народовъ въ Сибири, надѣлать 15-десятиннымъ надѣломъ, а затѣмъ остающіяся земли съ лѣсами, рыбными ловлями и всѣми угодіями раздать чиновникамъ, купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и мѣщанамъ, на слѣдующихъ условіяхъ.

1) Желаящему взять земли одному лицу мужека пола въ одномъ мѣстѣ болѣе 12,000 и менѣе 3,000 десятинъ не давать.

2) Взявшій землю обязанъ въ продолженіе 12 лѣтъ поселить на каждыя 15 десятинъ земли и обзавести всѣмъ надлежащимъ домообзаводствомъ одного поселщика... Поселившіеся люди должны прожить у владѣльца непремѣнно 12 лѣтъ, отбывая полевые работы изъ половины. По истеченіи срока, поселщики могутъ и сойдти, но не иначе, какъ къ другому, а у другаго опять должны прожить не менѣе 12 лѣтъ или испросить пустопорожнія земли и водвориться на нихъ собственнымъ иждивеніемъ. Относительно управленія этими людьми, владѣльцы должны были распоряжаться на правахъ помѣщичьихъ, „чинить судъ и расправу въ домашнихъ ихъ дѣлахъ“.

Составители втораго проекта, представленнаго тѣмъ же администраторомъ, нѣсколько отрицательно относятся къ первому: „усматривается,—читаемъ мы здѣсь,—что по совершенному недостатку женщинъ сіи поселенія не только обѣщать точности на будущее время, но и существовать не могутъ“. Въ этомъ проектѣ рекомендуется обратить вниманіе на *половниковъ* Вологодской губерніи и сообразить, нельзя ли ввести ихъ въ Сибирь, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы „сибирскіе чиновники и прочіе средняго состоянія жители Сибири могли принимать сперва въ работники, а потомъ и селить на своихъ земляхъ“.

Эти оба проекта были посланы на заключеніе мѣстныхъ губернаторовъ.

Я не буду утомлять читателей подробностями этого дѣла, хотя,

*) Журналъ совѣта глав. управленія, 29 октября 1837 г., № 129.

несомнѣнно, весь ходъ его имѣетъ громаднѣйшій интересъ, такъ какъ онъ представляетъ намъ ясно задачу широкаго закрѣпощенія ссыльнаго подневольнаго люда.

Интересны отвѣты губернаторовъ. Всѣ какъ бы вдругъ испугались грандіозности проектированныхъ мѣръ безъ помощи казны и высказались не за, а противъ нихъ

Всѣ отвѣчаютъ, что *безъ поддержки со стороны казны* этотъ проектъ не можетъ осуществиться. Томскій губернаторъ пишетъ, что по сдѣланнымъ публикаціямъ никто не пожелалъ взять землю для водворенія ссыльныхъ. Въ Tobольскѣ желаніе изъявили только двое коллежскихъ ассессоровъ: Пчельниковъ и Полстевичъ.

Первый просилъ дать ему въ вѣчное потомственное владѣніе 12,000 десятинъ изъ лучшаго участка, имъ самимъ намѣченнаго, дать ему 800 душъ поселщиковъ изъ крестьянъ здоровыхъ, не моложе 45 лѣтъ отъ роду. Позволить ему брать „по мѣрѣ надобности ссыльныхъ женщинъ, не старше 35-лѣтняго возраста, для отдачи ихъ замужъ за неженатыхъ поселщиковъ“. Въ случаѣ побѣга, экспедиція о ссыльныхъ должна ему добавлять до 800, и онъ за побѣги отвѣчать не будетъ.

Второй, Полстевичъ, требовалъ 3,000 десятинъ земли также въ вѣчное и потомственное владѣніе; на этой землѣ онъ просилъ позволить ему поселить собственныхъ крестьянъ и уже къ нимъ присоединять ссыльныхъ; дальнѣйшій пунктъ его условія былъ подобенъ первому предложенію, только заявлялось желаніе, чтобы поселенные работали не изъ половины, а просто три дня въ недѣлю на него.

Однако совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири не внялъ отвѣтамъ губернатора и, нѣсколько измѣнивъ пункты перваго своего проекта, вновь представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости раздачи земель и ссыльныхъ.

Проектъ во всѣхъ его пунктахъ не встрѣтилъ одобренія со стороны правительства; между прочимъ, министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ писалъ, что онъ „полагалъ бы оставить таковое предположеніе на сей разъ безъ дѣйствія, съ тѣмъ, что какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири предпринято нынѣ размежеваніе земель для приведенія оныхъ въ извѣстность на случай переселенія государственныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній и *для раздачи частнымъ лицамъ*, то при семъ случаѣ и особенно при составленіи положенія о правилахъ на раздачу земель частнымъ лицамъ можно будетъ дѣло о водвореніи ссыльныхъ имѣть въ виду.“

Всѣ правительственныя власти оказались солидарны съ тѣмъ, что приведеннымъ выше мнѣніемъ, и оно 17-го октября 1838 года было санкціонировано Высочайшею властью. Намѣреніе правительства раздавать земли не имѣло противниковъ: всѣ, не зная ни цѣнности земли въ томъ краѣ, ни особыхъ экономическихъ условий, ждали лакомыхъ кусочковъ, причемъ нѣкоторые изъ столичныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, камергеръ Бекетовъ, не замедлили тотчасъ же подать просьбы о дарованіи имъ сибирской земли.

Высочайшее повелѣніе не заставило долго ждать, и 11-го сентября 1839 года раздача земель чиновникамъ была утверждена Высочайшею властью, но по какой-то странности судьбы уже одобренный проектъ министра государственныхъ имуществъ о переселеніи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь потерпѣлъ фiasco, а относительно помѣщичьихъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра явилась помѣтка его слѣдующаго весьма важнаго содержанія: *„Его Величество изволилъ замѣтить, что ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ.“* Этимъ, быть можетъ, неожиданно явившимся строкамъ Сибирь обязана была тѣмъ, что крѣпостное право, при существованіи *сильныхъ крѣпостническихъ* стремленій, было заторможено на своемъ пути и не могло двигаться далѣе. Хотя, безъ сомнѣнія, и послѣ этого закона крѣпостные привозились въ Сибирь, оставаясь, впрочемъ, приписанными къ своимъ російскимъ имѣніямъ. Подтверждающіе примѣры мы увидимъ ниже. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1839 года повелѣвалось также отводить участки земли подъ устройство фабричныхъ заведеній.

Вопросъ о раздачѣ чиновникамъ земли на этомъ не остановился, онъ имѣлъ свои стадіи развитія; но съ уничтоженіемъ рабства, недозволеніемъ селить крѣпостныхъ и имѣть ихъ изъ контингента ссыльныхъ получилось должное на него воздѣйствіе: одна земля безъ даровыхъ рукъ не представляла въ этой странѣ такой цѣнности, чтобъ можно было ее противопоставить другимъ чиновничьимъ привилегіямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слухи о проектируемыхъ мѣрахъ достигли до народа и породили разные толки, вызвавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже волненія крестьянъ. Такъ одинъ изъ официальныхъ документовъ говоритъ, что молва объ отдачѣ казенныхъ крестьянъ во владѣніе помѣщичье произвела волненіе въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи. Крестьяне, бросивъ полевые работы, начали собираться толпами и на увѣщеванія чинов-

никовъ земской полиціи отвѣчали угрозами. Нѣкоторые силою вломились въ волостное правленіе и разрывали дѣла и архивъ, въ надеждѣ отыскать небывалые указы въ подкрѣпленіе своихъ преступныхъ дѣйствій. Только увѣщанія начальника Тобольской губерніи и генераль-губернатора Западной Сибири вскорѣ совершенно уничтожили волненіе и прекратили беспорядки. Крестьяне виновные сами добровольно являлись къ мѣстнымъ начальствамъ и просили помилованія. „Какъ поступки сихъ крестьянъ были слѣдствіемъ единственно легкомыслія и невѣжества,—говоритъ officialный отчетъ,—а не какихъ либо преступныхъ замысловъ, то они, по Высочайшему повелѣнію, получили прощеніе, кромѣ только самыхъ виновныхъ, которые, впрочемъ, подвергнуты были лишь въ примѣръ другимъ *исправительному тѣлесному наказанію*“. Это было въ 1843 году, а въ слѣдующемъ произошелъ такой же бунтъ въ Енисейской губерніи. Весьма понятно, и въ другихъ мѣстахъ молва эта не обошлась безъ народныхъ волненій, но мѣстный Несторъ не отмѣтилъ этихъ событій, а творенія нашихъ officialныхъ лицъ покоятся подъ густымъ слоемъ пыли въ мало доступныхъ архивахъ правительственныхъ учреждений.

Захватъ земли подъ фабричныя заведенія также не имѣлъ особеннаго распространенія, не смотря на то, что вопреки закону, являлась возможность имѣть подневольный трудъ на фабрикахъ; такъ нѣкоторые ловкіе люди, въ родѣ Корнильева и Куткина въ Тобольскѣ и Солдатовъ въ Иркутскѣ, пользуясь случаями, выпрашивали себѣ ссыльныхъ въ крѣпостные *). Можно было указать

*) *Словцовъ*, т. I, стр. 317 и 319: «Въ 1753 году запрещено тобольскому купцу Корнильеву, купившему въ стекольной фабрикѣ 45 душъ, покупать болѣе».

«Въ 1808 г. вновь подтверждено производство фабрики, въ 9 верстахъ отъ Тобольска на рѣчкѣ Коновалихѣ, съ тѣмъ, чтобы содержатель ея, сибирякъ Куткинъ, пользуясь трудами рабочихъ ссыльныхъ, до 100 человекъ назначенныхъ, употреблялъ ихъ на дѣло не болѣе 248 дней въ году, по 12 часовъ въ сутки съ платою по 25 коп. на день». Но эти условія произвольно мѣнялись, и ссыльные постепенно обращались въ крѣпостныхъ.

Газета «Амуръ», № 74 за 1861 г.: «Сословіе людей, состоящихъ при Тальцинской посессионной фабрикѣ, образовалось вслѣдствіе положенія комитета министровъ 6-го октября 1814 г., которымъ постановлено было отвести земли къ фаянсовой фабрикѣ Солдатовъ и причислить къ ней отъ 30 до 40 человекъ мастеровыхъ и рабочихъ изъ ссыльно-каторжныхъ, надѣливъ ихъ и землею. Еще ранѣе тутъ же находился стеклянный заводъ, устроенный въ 1784 г. надворнымъ совѣтникомъ Лаксманомъ и купцомъ Барановымъ, поступившій въ 1812 г. къ тому же Солдатову, гдѣ, говорятъ, работали также ссыльные, обращенные въ одно сословіе фабричныхъ мастеровыхъ.»

еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, но все это не имѣло успѣха на особой экономической почвѣ Сибири. Крѣпостное право не могло пустить свои корни. Какъ мы увидимъ ниже, ко дню освобожденія, Сибирь имѣла крайне незначительное число крѣпостныхъ людей, на частныхъ же фабрикахъ мы находимъ подневольный трудъ только на Тальцинской, существовавшей на посессионномъ правѣ. Подневольный трудъ остался привилегіей казны на нѣкоторыхъ ея фабрикахъ, какъ Тельминская, и на Николаевскомъ заводѣ Иркутской губерніи, и привилегіей кабинета Его Величества, гдѣ громадная потребность рукъ для горнозаводскаго дѣла создала, на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ округѣ, обязанное работою населеніе. Но, прежде чѣмъ начать говорить о горнозаводскихъ людяхъ, необходимо упомянуть еще о двухъ проектахъ. Въ 1843 году нѣкто оберъ-бергмейстеръ VII класса Порѣцкій подалъ оригинальный проектъ, подъ названіемъ: „о колонизаціи обязанныхъ крестьянъ въ Сибири, для улучшенія сельскаго хозяйства и золотопромышленности“. Проектируемыя мѣры улучшенія сводились къ процвѣтанію золотопромышленности на счетъ даровыхъ рукъ. Но смыслъ скромнаго проекта, къ счастью, былъ понятъ, и, по докладу Канкрина, онъ признанъ „незаслуживающимъ уваженія, такъ какъ предполагаемое переселеніе крестьянъ въ Сибирь, подъ наименованіемъ обязанныхъ, не соотвѣтствуетъ видамъ правительства и противно Высочайшему повелѣнію“.

Второй проектъ принадлежитъ ревизовавшему Сибирь генералъ-адъютанту Анненкову 2-му. Этотъ генералъ подалъ всеподданнѣйшую докладную записку, въ которой онъ, между прочимъ, предлагалъ образовать въ Сибири „высшее или дворянское сословіе посредствомъ раздачи земель за службу и продажи ихъ въ частную собственность, съ разрѣшеніемъ водворять на нихъ крестьянъ на правахъ обязанныхъ“.

Но этотъ проектъ также потерпѣлъ фіаско въ сибирскомъ комитетѣ, куда онъ былъ переданъ для разсмотрѣнія. Это было въ 1852 и 1853 годахъ. Комитетъ мотивировалъ свое рѣшеніе слѣдующими словами: „водвореніе въ Сибири крѣпостныхъ крестьянъ Высочайшею волею запрещено, а обязанные крестьяне также крѣпки землѣ“.

Начало горному дѣлу на Алтаѣ было положено въ 1726 году Акинѣемъ Денисовичемъ Демидовымъ, который на первыхъ же порахъ успѣлъ къ открытымъ имъ заводамъ приписать 3,120

крестьянъ. Затѣмъ, спустя 20 лѣтъ, заводы отошли въ собственность кабинета и постепенно продолжали свою дѣятельность на счетъ подневольнаго труда, увеличиваясь приписными людьми. У Словцова мы находимъ, что заводскихъ людей, съ поступившими отъ Демидова и съ причисленными во время казеннаго управленія, состояло по 1757 году 10,935. Въ 1761 году изъ окрестныхъ уѣздовъ, по докладу Олсуфьева, приписано для работъ 12,823, такъ что въ 1762 г. могло состоять 23,000, а къ 1768 г. было уже 39,240 душъ м. п. Такимъ путемъ образовался Алтайскій горный округъ, въ которомъ, ко дню освобожденія считалось до 310,752 душъ обоого пола приписныхъ крестьянъ и, кромѣ того, 43,522 заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ. Между приписными и сословіемъ мастеровыхъ была существенная разница.

Приписные крестьяне обязаны были рубить въ куреняхъ дрова, перевозить къ заводамъ руды, флюсы и уголь, исправлять въ особыхъ случаяхъ заводскія плотины и производить опалку лѣсовъ. За исполненіе этихъ работъ крестьяне получали всей урочной годовой платы по 57¹/₂ коп. на ревизскую душу, назначенную въ работу; приче́мъ они наравнѣ съ государственными крестьянами платили еще подушную и оброчную подать и другіе сборы въ казну, исправляли земскія повинности натурой и деньгами и несли мірскіе расходы. Отягощенности повинностей заводскихъ приписныхъ крестьянъ свидѣлствуютъ статистическія данныя, приводимыя въ „Историко-статистическомъ описаніи Сибири“ Гагемейстера *). Такъ, по его словамъ, въ 50-хъ годахъ приписные крестьяне доставляли изъ рудниковъ и лѣсовъ къ заводамъ ежегодно до 8 милліоновъ пудовъ угля и руды, на разстояніи отъ 30 до 600 верстъ, и на такую перевозку требовалось до милліона лошадей. Круглымъ числомъ, на эти работы и на рубку дровъ наряжалось каждый годъ по 111,000 работниковъ (при 112,000 рев. душъ), которымъ за ихъ трудъ уплачивалось 64,000 руб., тогда какъ вольнонаемнымъ трудомъ та же самая работа могла быть исполнена не менѣе, какъ за 844,160 руб. Въ среднемъ выводѣ, эта барщина обходилась крестьянамъ по 7 руб. на ревизскую душу или по 11 р. 48 к. на полнослагаго работника. Военской повинности они не несли, но обязаны были ставить рекрутовъ для укомплектованія сословія заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ.

*) Гагемейстеръ. Стр. 386, т. 2-й.

Люди этой послѣдней категоріи несли на себѣ всѣ техническія и рудничныя работы, часто немилосердно тяжелыя и обременительныя. Сословіе мастеровыхъ и работниковъ пополнялось, какъ сказано выше, рекрутами изъ приписныхъ крестьянъ и раздѣлялось на урочниковъ, нижнихъ чиновъ, рабочихъ, малолѣтковъ и отставныхъ. Выходъ изъ этого сословія былъ закрытъ, и родившіяся въ немъ дѣти, законныя и незаконныя, обязательно должны были оставаться въ своей средѣ. Для нижнихъ и рабочихъ чиновъ установленъ былъ обязательный срокъ службы отъ 25 до 35 лѣтъ; они судились за преступленія военнымъ судомъ и держались въ строгой дисциплинѣ; двѣ недѣли сряду работали въ пользу заводовъ, а третьей могли пользоваться по своему усмотрѣнію. Имъ давалось жалованье *), провіантъ, помѣщеніе въ казармахъ, а женатымъ, по желанію, отводилось также немного сѣнокосной земли, при отставкѣ давалась ничтожная пенсія. Малолѣтки съ семилѣтняго возраста поступали на обученіе въ школы, съ 12-лѣтняго въ подростки и ученики, а съ 18-лѣтняго въ полные работники.

Но, не смотря на значительную величину повинностей, приписные крестьяне Алтайскаго округа отличались сравнительною зажиточностью. Гагемейстеръ объясняетъ это обширнымъ землепользованіемъ: по его словамъ, на каждую душу въ сѣверномъ отдѣлѣ приходилось по 77, въ среднемъ по 63 и южнымъ 41 десятина. Изъ нихъ въ 1851 году было засѣяно хлѣбомъ въ трехъ этихъ отдѣлахъ на душу 3, $2\frac{1}{4}$ и $2\frac{1}{2}$ десятины; скота на душу приходилось $5\frac{5}{8}$, $6\frac{6}{8}$, $6\frac{3}{8}$ и ульевъ пчелъ $\frac{4}{5}$, $\frac{3}{4}$ и 5.

Къ образованію подневольнаго населенія Нерчинскаго горнаго округа главнымъ образомъ послужилъ ссыльный элементъ. Обращаясь къ исторіи его, мы видимъ рядъ указовъ, начиная съ 1697 года, повелѣвающихъ ссылатъ въ Нерчинскъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми на пашню, а каторжныхъ въ серебряныя рудники **). Постепенно изъ нихъ образовывались деревни и слободы, которыя въ 1724 году были приписаны для работъ къ заводамъ, „безъ которыхъ обойтись не можно“. Кромѣ того, обычнымъ въ то время путемъ приписывались къ заводамъ и поселенія государ-

*) Жалованья простымъ рабочимъ производилось въ годъ, смотря по разряду, отъ 6 до 12 руб., на обмундировку 7 р. 15 к.; провіанта холостымъ 24 пуда, женатымъ вдвое, да сверхъ того на каждого ребенка по 1 пуду въ мѣсяцъ.

**) Указы 1736, 1760, 1769, 1769 и 1775 и др.

ственныхъ крестьянъ. Такъ образовалось горнозаводское населеніе Нерчинскаго округа, но слѣдуетъ замѣтить, что вся масса приписанныхъ крестьянъ не дождалась 1861 года, а еще въ 1851 году была обращена въ казачество и, выбравшись изъ одного ярма, надѣла другое не менѣе тяжкое, что можно смѣло сказать по жизни его въ казачествѣ того времени и тѣхъ мѣстъ. Такимъ образомъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ осталось въ подневольномъ состояніи одно только сословіе мастеровыхъ и работниковъ, которыхъ ко дню освобожденія считалось 5,610 душъ.

IV.

Вѣсть о предполагаемомъ освобожденіи быстро разносилась всюду, но Сибири еще до знаменательныхъ дней 19-го февраля и 8-го марта пришлось въ исторіи своей отмѣтить день 22-го декабря 1860 года, когда было повелѣно упразднить Тельминскую казенную фабрику близъ Иркутска, а приписанныхъ къ ней крестьянъ и рабочихъ (1,774 мужскаго и 1,676 женскаго пола душъ) освободить отъ обязательной работы, надѣливъ землею одинаково съ сибирскими крестьянами и выдавъ имъ для обзаведенія отъ 10 до 15 руб. на душу; мастеровыхъ, которые изъявлять желаніе приписаться къ городскому сословію, освободить отъ податей и повинностей на 5 лѣтъ и отъ рекрутства на 3 набора. Богатѣльный капиталъ — обратить въ общественный капиталъ новаго крестьянскаго общества.

Въ исторію освобожденія подневольныхъ людей необходимо занести и слѣдующій весьма интересный фактъ. Въ Киргизской степи съ отдаленныхъ временъ существовали у султановъ и старшинъ рабы, или кулы, изъ попадавшихъ въ плѣнъ калмыковъ и другихъ среднеазіатцевъ. Невольники были совершенно безправны, употреблялись на тяжелыя работы, продавались и даже убивались своими владѣльцами. Впослѣдствіи кулы носили названіе теленгутовъ, т. е. прислужниковъ, и были сравнены съ работниками киргизами; съ водвореніемъ же въ Киргизской степи русскихъ законовъ, султанскіе невольники и теленгуты считались на положеніи крѣпостныхъ людей, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли свой скотъ, но ясака они не платили. Въ 1859 году султанамъ, бѣямъ и старшинамъ было объявлено о намѣреніи Государя Императора уничтожить крѣпостное состояніе въ государствѣ и предложено было имъ,

не пожелаютъ ли они дать добровольно свободу своимъ невольникамъ. Всѣ владѣльцы въ данныхъ имъ подпискахъ, при торжественныхъ собраніяхъ народа, изъявили на это полную готовность, „сочувствуя челоуѣколюбивымъ видамъ Его Императорскаго Величества“, какъ сказано было въ подпискахъ, и тотчасъ же освободили всѣхъ невольниковъ, которыхъ было 880 душъ обоого пола. Освобожденные поступили на общее положеніе киргизовъ со всѣми правами, присвоенными киргизскому народу, и на 5 лѣтъ были освобождены отъ платежа ясачной подати *).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ наканунѣ упраздненія крѣпостнаго права, въ Восточной Сибири было два имѣнія, населенныхъ крѣпостными людьми. Оба они находились въ Красноярскомъ округѣ, Енисейской губерніи. Одно принадлежало предсѣдателью губернскаго правленія Родюкову и заключало въ себѣ 63 д. крестьянъ и 9 дворовыхъ мужскаго пола и 67 крестьянъ и 12 дворовыхъ женскаго. Второе имѣніе находилось на Знаменскомъ стеклянномъ заводѣ и принадлежало коллежскому совѣтнику Коновалову. Въ немъ было 154 мужскаго и 122 женскаго пола; изъ нихъ 71 душа обоого пола были приписаны къ дому помѣщика въ г. Красноярскѣ, 186 къ его имѣнію въ Новгородской губерніи, а 19 душъ къ тверскому имѣнію помѣщицы Павловой, у которой крестьяне были куплены. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири при владѣльцахъ жили 116 мужчинъ и 81 женщина дворовыхъ, приписанныхъ къ имѣніямъ различныхъ губерній Россіи. Неизвѣстно, какимъ образомъ явилось имѣніе Родюкова, получившаго его по наслѣдству, но относительно Коновалова,—говоритъ П. С—кій, авторъ небольшой, но единственной по этому предмету статьи **),—достоверно извѣстно, что онъ перевелъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ самовольно и вопреки существовавшимъ законамъ. Онъ переселилъ ихъ въ Сибирь въ 1842 и 1843 годахъ, уже послѣ извѣстныхъ указовъ, воспрещавшихъ переселеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь на казенныя земли, отведенныя подъ хозяйственныя и промышленныя заведенія. Кромѣ того, Коноваловъ приписалъ къ своему заводу крѣпостныхъ людей,

*) Пам. кн. Запад. Сиб. за 1882 г., стр. 243.

**) Крѣпостные крестьяне въ Сибири. Журналъ «Миръ». 1882 г. 2-я к. Харьковъ. Въ этой статьѣ мы нашли весьма цѣнный фактический матеріалъ. Почтенный авторъ намъ лично передалъ, что матеріалъ этотъ извлеченъ имъ изъ официальныхъ записокъ, хранящихся въ Императорской с.-петербургской публичной бібліотекѣ.

числившихся при его домѣ въ Красноярскѣ, вопреки указу 1833 года о 8-й народной переписи, которымъ такая приписка положительно была запрещена. При собираніи свѣдѣній о крѣпостныхъ предъ реформой, крестьяне Коновалова были отнесены въ разрядъ дворовыхъ людей.

Въ Западной Сибири, какъ болѣе близкой къ Россіи, число крѣпостныхъ крестьянъ было значительнѣе. По свѣдѣніямъ, представленнымъ бывшимъ въ то время генераль-губернаторомъ Гасфортомъ, тамъ оказалось 29 помѣщичьихъ имѣній, 26 въ Тобольской и 3 въ Томской губерніи, въ которыхъ числилось крѣпостныхъ 1,232 ревизскихъ души крестьянъ и 175 дворовыхъ, приписанныхъ къ домамъ и капиталамъ—всего 1,407 душъ мужескаго пола, а вмѣстѣ съ женщинами 2,900, что составляло только $\frac{1}{700}$ часть всего населенія. Изъ официальныхъ донесеній генерала Гасфорта видно, что помѣщичьи имѣнія были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ между селеніями государственныхъ крестьянъ. Размѣры ихъ были неодинаковы: въ одномъ крестьянъ и дворовыхъ людей обоого пола было 661 душа, въ семи отъ 101 до 282, въ 14 отъ 30 до 72 и въ 7 отъ 2-хъ до 17 человекъ. Экономическія условія крѣпостныхъ, на сколько о нихъ даютъ понятіе количество земли, состоявшей въ большинствѣ случаевъ изъ лѣснаго пространства, и размѣры повинностей, были также различны. Такъ въ одномъ имѣніи на одну душу приходилось 207 десятинъ; въ 6 отъ 64 до 103; въ 12 отъ 11 до 30, въ 7 отъ 5 до 10, относительно двухъ имѣній свѣдѣній не собрано, и, наконецъ, въ одномъ не было вовсе удобной для хлѣбопашества земли. По отбыванію повинностей имѣнія раздѣлялись также на нѣсколько группъ: въ 11 помѣстьяхъ крестьяне отбывали барщину, обрабатывая господскія поля, исполняя на нихъ различныя хозяйственныя работы или доставляя часть продуктовъ своего хозяйства; въ пяти платили денежный оброкъ отъ 1 руб. до 23 въ годъ, а дворовые и до 50 руб.; въ одномъ часть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другая на оброкѣ; въ семи крестьяне платили только подати, а повинностей не отправляли и, наконецъ, въ 6 не платили податей и не несли никакихъ повинностей.

Въ четырехъ имѣніяхъ крестьяне даже не имѣли усадебъ на помѣщичьей землѣ и жили въ селеніяхъ сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ, обрабатывая ихъ землю по найму, а въ трехъ имѣніяхъ часть крестьянъ работала на фабрикахъ и винокуренномъ заводѣ.

При земельной „шири и глади“, относительной свободѣ землепользованія и относительной необременительности повинностей, особенно у тѣхъ крестьянъ, владѣльцы которыхъ отсутствовали и не имѣли возможности слѣдить за своевременными сборами платежей *), можно, пожалуй, отчасти согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ „соображеніяхъ и предположеніяхъ объ устройствѣ и улучшеніи быта крѣпостныхъ людей въ Сибири“, что крѣпостные люди, хотя и далеко не такъ зажиточны, какъ государственные, находились, однако, въ довольно безбѣдномъ состояніи. Но подобная характеристика экономического быта, безъ сомнѣнія, не обнимаетъ всѣхъ крестьянъ, такъ какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Западной Сибири числилось къ 1-му января 1858 г. 1,600 руб. казенныхъ и рекрутскихъ складочныхъ недоимокъ, что, принимая въ соображеніе тогдашніе способы „выбиванія“ податей, служить доказательствомъ противоположнаго мнѣнія.

Когда были образованы въ Россіи дворянскіе комитеты и дворянство приглашено было высказаться по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, то же самое потребовали и отъ захудалыхъ сибирскихъ помѣщиковъ. Предложенные вопросы сибирское дворянство приняло видимо спокойно, безъ всякой тревоги, въ большинствѣ случаевъ безъ особаго противодѣйствія; въ этомъ сразу выяснилось, что сибирскимъ помѣщикамъ, съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній, приходилось неособенно много терять. Крѣпость при сибирскомъ просторѣ среди вольнаго народа не была сильна. Въ бесѣдахъ съ почтеннымъ С. Я. Капустинымъ **), происходящимъ изъ семьи, владѣвшей въ свое время крестьянами въ Сибири, мнѣ приходилось слышать характеристику отношеній крѣпостныхъ къ своимъ барамъ и послѣднихъ къ первымъ, какъ чисто условную, основанную на особыхъ, договорныхъ началахъ—это были, по его мнѣнію, скорѣе наемные люди, чѣмъ подневольные крѣпостные; отношенія ихъ отнюдь не походили на отношенія къ господамъ ихъ собратьевъ руссійскихъ крѣпостныхъ. Неволья здѣсь имѣла исходъ въ безпредѣльных пространствахъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ оговориться, что подобный отзывъ не можетъ относиться къ характеристикѣ всѣхъ владѣльцевъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что и здѣсь бывали крѣпостники, которые умѣли себя

*) Помѣщица Пономарева считала за своими крѣпостными оброчной недоимки 12,500 рублей.

**) Авторъ извѣстныхъ трудовъ объ общественной жизни русскаго крестьянства и др.

обставить, такъ что, при специфическомъ сибирскомъ произволѣ, ихъ опека не была легка для крѣпостной паствы, но это были исключенія. Ко всему этому еще необходимо добавить, что въ силу особыхъ мѣстныхъ условий населенныя имѣнія отличались своей бездоходностью.

Вотъ въ силу, надо полагать, этихъ причинъ сибирскіе помѣщики подали свой голосъ въ большинствѣ случаевъ за отмѣну крѣпостныхъ отношеній, хотя нѣкоторые изъ нихъ и предложили сравнительно тяжелыя условія. Впрочемъ, мнѣнія и условія были различны.

Помѣщикъ Асташевъ соглашался уступить своимъ крестьянамъ (ихъ было 89 мужчинъ и 82 женщины) занимаемая ими усадьбы въ Каинскомъ округѣ, Томской губерніи, въ вѣчное полное владѣніе безвозмездно, а всю остальную землю предоставлялъ въ ихъ вѣчное пользованіе, сохраняя за собой право собственности. Единственное обязательство, какимъ онъ обусловливалъ свой даръ, заключалось въ томъ, что крестьяне должны были вносить въ приказъ общественнаго призрѣнія по три рубля серебромъ съ каждаго тягла, для образованія особаго капитала, который, по истеченіи 12 лѣтъ, могъ бы быть употребляемъ на удовлетвореніе общественныхъ надобностей крестьянъ этого имѣнія.

Помѣщица Жилина выразила желаніе, чтобы ея крестьяне Тобольской губерніи и округа, 67 душъ мужескаго и 75 женскаго пола, на которыхъ она давно уже составила отпускныя, воспользовались свободой послѣ ея смерти, а при жизни остались бы къ ней въ прежнихъ отношеніяхъ. При этомъ она согласилась отдать своимъ крестьянамъ Тобольскаго округа безвозмездно всѣ состоящія въ ихъ пользованіи усадьбы и земли, а крестьянъ Курганскаго округа обязывалась надѣлить, сверхъ занимаемыхъ усадебъ, еще достаточнымъ количествомъ угодій.

Помѣщица Пономарева оказалась далеко не такъ великодушной. Она соглашалась дать своимъ крестьянамъ Тобольскаго и Тюменскаго округовъ въ числѣ 341 д. мужескаго и 338 женскаго пола, сверхъ усадебъ, стоящихъ по ея расчету отъ 40 до 100 рублей каждая, пахатной, сѣнокосной и выгонной земли по двѣ десятины и по одной десятинѣ лѣса, всего по три десятины на душу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы крестьяне платили ей по 20 рублей съ души оброка. Она находила, что уплата такого высокаго оброка для ея крестьянъ не будетъ обременительной, особенно, если правительству угодно будетъ обезпечить дѣйствіе на-

ходящагося при ея имѣніи винокуреннаго завода, назначеніемъ ежегодной окурки на ономъ отъ 80 до 100 т. ведеръ вина“.

Помѣщикъ Карбышевъ, оцѣнивая усадьбы, находящіяся въ пользованіи его крестьянъ (Тобольской губ., Омскаго округа, 58 душъ мужескаго и 66 женскаго пола), отъ 100 до 350 рублей каждую, предлагалъ обязать крестьянъ выкупить ихъ втеченіе 12 лѣтъ, уплатою ежегодно по 6% съ оцѣночной суммы; за предоставленную же въ ихъ пользованіе землю, по 8 десятинъ на тягло, обложить ихъ оброкомъ по 23 рубля въ годъ съ тягла и, кромѣ того, по 300 рублей въ годъ со всего общества за уступаемую имъ въ надѣль часть рыболовнаго озера.

Владѣлецъ 63 душъ (24 мужчинъ и 39 женщинъ), помѣщикъ Розингъ, уступалъ своимъ крестьянамъ, въ Курганскомъ округѣ, по двѣ десятины на ревизскую душу, но такъ какъ этого количества, по его соображеніямъ, было недостаточно для обезпеченія нуждъ крестьянъ, то онъ предлагалъ взять ихъ въ казну и переселить ихъ на казенныя земли, съ тѣмъ, чтобы ему, для облегченія перехода отъ обязательнаго труда къ вольному, была выдана ссуда подъ залогъ его земли, причемъ размѣръ ссуды онъ не опредѣлилъ. Кстати нужно замѣтить, что кредитнымъ учрежденіямъ въ то время запрещалось брать въ залогъ населенныя мѣста въ Сибири, почему ни одно изъ нихъ не было заложено.

Помѣщикъ Краснопольскій, владѣвшій вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками въ Томскомъ округѣ 21 душой мужескаго пола и 26 женскаго, полагалъ выкупъ крестьянами усадебъ, стоимость которыхъ, по его разсчету, равнялась 1,450 рублямъ серебромъ, разложить на 12 лѣтъ, по равнымъ частямъ и надѣлить ихъ землею по 12¹/₂ десятинъ на тягло, съ обязательствомъ уплаты третьей части чистаго дохода, котораго, по разсчетамъ его, можетъ быть получаемо съ 12¹/₂ десятинъ до 65 рублей въ годъ.

Помѣщикъ Тобольскаго округа Кривоновъ, уступая своимъ крестьянамъ, въ числѣ 23 душъ мужескаго пола и 26 женскаго, усадьбы за 50 рублей каждую, соглашался еще отрѣзать имъ по 8 десятинъ на тягло, въ составъ которыхъ должны были входить 2¹/₂ десятины лѣса; но уступку свою онъ дѣлалъ за довольно высокую цѣну въ Сибири, а именно по 16 рублей за десятину.

Помѣщица Антонова, опекунша надъ имѣніемъ своей дочери, въ Курганскомъ округѣ, въ своихъ отвѣтахъ правительству, просила взять всѣхъ ея крестьянъ, которыхъ считалось 22 д. м. и

23 ж. п., обязываясь при этомъ надѣлать ихъ скотомъ и всѣмъ необходимымъ для домашняго хозяйства, но съ тѣмъ, чтобы вся земля и находящіяся на ней усадебныя строенія остались во владѣніи ея дочери.

Наконецъ, помѣщица Оедорова, не находя возможнымъ надѣлать принадлежащихъ ей, вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками, крестьянъ своихъ, проживающихъ въ ея имѣніяхъ Курганскаго округа въ числѣ 28 д. м. и 26 ж. п., достаточнымъ для обезпеченія ихъ быта количествомъ земли, какъ того требовали Высочайшія грамоты, заявляла желаніе продать крестьянъ въ казну за опредѣленную закономъ плату.

Остальные помѣщики изъявили свое согласіе подчиниться безусловно всѣмъ распоряженіямъ, какія будутъ приняты правительствомъ въ видахъ устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ, но при этомъ необходимо замѣтить, что отъ многихъ помѣщиковъ, не проживающихъ на мѣстѣ, а частью и неизвѣстно гдѣ находящихся, отвѣтовъ не было получено.

Таковы были отзывы гг. помѣщиковъ, которые, какъ видно, не сожалея о крѣпостномъ правѣ, предполагали только воспользоваться удобнымъ случаемъ для полученія особыхъ выгодъ, но, къ прискорбію, надо сказать, что, не смотря на сравнительную благопріятность отзывовъ, сама западно-сибирская администрація, особенно въ лицѣ тогдашняго генераль-губернатора Гасфорта, отнеслась къ дѣлу консервативно и бюрократически.

Мнѣнія тобольскаго и томскаго губернскихъ совѣтовъ сводились въ главныхъ чертахъ къ слѣдующимъ предположеніямъ: они предлагали всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, освободивши отъ крѣпостной зависимости, сравнить по личнымъ и имущественнымъ правамъ съ казенными крестьянами. „Срочно-обязанные“ крестьяне, какъ предполагали назвать бывшихъ крѣпостныхъ, должны были „быть крѣпки землѣ“ въ продолженіе 12 лѣтъ и не имѣли права переходить въ другія сословія; временныя же отлучки по билетамъ допускались лишь съ согласія помѣщиковъ, которые о выдачѣ таковыхъ билетовъ должны были извѣщать каждый разъ мѣстныя волостныя правленія. Право собственности на землю остается за помѣщиками, усадьбы остаются въ пользованіи крестьянъ, съ правомъ выкупа ихъ у помѣщиковъ, по обоюдному съ ними соглашенію, въ продолженіе 12 лѣтъ. Впрочемъ, при опредѣленіи цѣнности усадебъ губернскіе совѣты, особенно томскій, рушили надежды помѣщиковъ, цѣнившихъ ихъ въ среднемъ вы-

водѣ по 71 рублю за каждую, съ чѣмъ были и солидарны гг. исправники, въ особыхъ своихъ мнѣніяхъ; но томскій совѣтъ, надо предполагать, зная мнѣніе по этому предмету тогдашняго генералъ-губернатора Гасфорта, назвавшаго оцѣнку въ 200 рублей „несоразмѣрно высокой“, оцѣнили усадьбы не свыше 1½ рубля за десятину, т. е., принимая во вниманіе, что усадьбы рѣдко когда превышали 1 десятинный размѣръ, онъ назначалъ плату за каждую усадьбу не болѣе 1 р. 50 к., что составить цѣнность въ 50 разъ меньшую противъ цифръ, заявленныхъ помѣщиками.

Что касается до пахатной земли и другихъ угодій, то томскій совѣтъ предлагалъ въ этомъ случаѣ руководиться правилами, установленными для надѣла государственныхъ крестьянъ, тобольскій же полагалъ оставить за ними земли, находившіяся при крѣпостномъ правѣ въ ихъ пользованіи, не менѣе, однако, 8 десятинъ, съ уплатою за пользованіе землею оброка деньгами или работою, которымъ и ограничиваются всѣ повинности срочно-обязанныхъ крестьянъ въ пользу помѣщика. Уплата оброка обеспечивается круговою порукой. Что касается до количества его, то двое изъ помѣщиковъ Тобольской губерніи, участвовавшихъ въ губернскомъ совѣтѣ, предлагали назначить, при надѣлѣ въ 8 десятинъ по 14 рублей съ тягла, томскій же губернский совѣтъ находилъ достаточнымъ брать отъ 5 до 7 рублей съ тягла.

Въ общемъ мнѣніи губернскихъ совѣтовъ ясно доказали, что члены ихъ, не смотря на ничтожное количество крѣпостныхъ крестьянъ, законность владѣнія которыми къ тому же въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежала спору, были одержимы тою же боязливостью, какою отличались и многіе губернскіе комитеты въ Россіи, опасавшіеся сильнаго возбужденія въ средѣ крестьянскаго населенія. Сибирскіе совѣты оставляли вотчинную полицію за помѣщиками; удерживали дворовыхъ людей, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, домамъ и капиталамъ, втеченіе еще 12 лѣтъ, во владѣніи тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежали, причемъ тобольскій совѣтъ предлагалъ въ продолженіе всего этого срока обязать владѣльцевъ выдавать мужчинамъ по 2—3 рубля въ мѣсяцъ, а женщинамъ отъ 1 до 2 руб.; по мнѣнію же томскаго совѣта, плату слѣдовало выдавать только въ продолженіе послѣднихъ 6 лѣтъ. Но какъ тотъ, такъ и другой комитетъ, не довѣряя способности дворовыхъ благоразумно пользоваться деньгами, одинаково требовали, чтобы помѣщики часть жалованья сохраняли „для обезпеченія быта сихъ людей, по окончаніи ихъ обязательной службы“, а то-

больскій совѣтъ возлагалъ на помѣщика обязанность снабжать въ *счетъ жалованья* дворовыхъ одеждою и обувью. Въ случаяхъ непослушанія, нетрезвой и порочной жизни, помѣщикамъ предоставлялось право подвергать дворовыхъ, „при содѣйствіи мѣстной полиціи, законнымъ мѣрамъ исправленія“, переводить на пашню и проч.

Отзывы помѣщиковъ и мнѣнія губернскихъ совѣтовъ въ консервативномъ отношеніи нашли энергичную поддержку въ тогдѣшнемъ генераль-губернаторѣ Западной Сибири, генералѣ Гасфортѣ, человѣкѣ, не расположенномъ къ идеѣ эмансипаціи крестьянъ и на канунѣ ея пытавшемся создать крупный землевладѣльческій классъ въ Сибири хищнической продажей такъ называемыхъ „дворянскихъ земледѣльческихъ участковъ“. Этотъ администраторъ, находя совершенно справедливымъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права, по незначительности крѣпостнаго населенія и обилію земель, не имѣющихъ цѣны, въ Сибири не представляетъ тѣхъ затрудненій, съ какими оно сопряжено въ европейскихъ губерніяхъ, однако жъ, придавъ особое значеніе тому специально сибирскому обстоятельству, что „повсемѣстный избытокъ земель, при несоразмѣрно маломъ числѣ рабочихъ рукъ, даетъ неоспоримое преимущество обязательному труду предъ свободнымъ, такъ что, если помѣщичьимъ крестьянамъ не будетъ преграждена возможность, которою они пользуются нынѣ, обрабатывать по найму свободныя земли казенныхъ и государственныхъ крестьянъ, то помѣщики могутъ быть поставлены въ затруднительное положеніе“.

Генераль Гасфортъ на столько употреблялъ усилій провести реформу въ пользу помѣщиковъ, что даже предлагалъ „рѣшительно воспретить государственнымъ крестьянамъ допускать къ распаханью ихъ полей крестьянъ помѣщичьихъ“, т. е., другими словами, запретить ихъ въ предѣлахъ имѣній и тѣмъ заставить обрабатывать помѣщичьи земли, такъ что вся реформа сводилась бы къ замѣнѣ одного вида обязательнаго труда (прикрѣпленія къ личности) другимъ (прикрѣпленіемъ къ землѣ). Намъ не понятно, что самъ генераль-губернаторъ, находившій въ принципѣ желательнымъ слитіе ничтожной горсти бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными, не отыскалъ, однако жъ, „удобнаго и безобиднаго для владѣльцевъ средства къ прекращенію нынѣ же (въ концѣ 50-хъ годовъ) всѣхъ обязательныхъ отношеній“ и составилъ проектъ, создававшій еще болѣе тяжелыя условія для выхода на волю, чѣмъ тѣ, какихъ требовали помѣ-

щики и губернскіе совѣты. Въ основныхъ чертахъ проектъ генераль-губернатора сходилъ съ только что изложенными мнѣніями губернскихъ совѣтовъ, но при этомъ предъявлялъ и такія мнѣнія, какихъ не было заявлено совѣтами, напримѣръ, для увольненія срочно-обязаннаго крестьянина требуется, кромѣ выкупа земель, еще выполненіе слѣдующихъ требованій: 1) чтобы семейство не было на рекрутской очереди, 2) чтобы остающіеся въ прежнемъ обществѣ члены его семьи, если они находились на его попеченіи, были обезпечены въ средствахъ къ существованію, и 3) чтобы несовершеннолѣтніе не были увольняемы безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ.

Затѣмъ губернскіе совѣты и сами помѣщики, присутствовавшіе на засѣданіяхъ, какъ уже нами приведено ранѣе, предлагали надѣлить по 8 десятинъ на тягло. Генераль-губернаторъ и здѣсь счелъ долгомъ приложить свою руку, такъ онъ рекомендовалъ поставить опредѣленія надѣловъ въ зависимость отъ добровольнаго соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, предлагая давать крестьянамъ не менѣе 5 и не болѣе 8 десятинъ на тягло, не включая сюда усадебной земли, которая выкупается по особой оцѣнкѣ на ссуду изъ казны, выплачиваемую крестьянами изъ 3% въ 24 года. Коммиссіи, которымъ была ввѣрена оцѣнка усадебъ, должны были опредѣлить доходность надѣловъ; причемъ извѣстная часть этого дохода, не болѣе впрочемъ $\frac{1}{3}$, предназначалась въ пользу помѣщиковъ, какъ плата за пользованіе землею. Періодъ срочно-обязанныхъ отношеній для крестьянъ и дворовыхъ долженъ продолжаться, по проекту генераль-губернатора, согласно съ мнѣніемъ совѣтовъ, 12 лѣтъ. Относительно тѣхъ 5 помѣщиковъ, которые изъявили желаніе продать своихъ крестьянъ въ казну, генераль-губернаторъ находилъ возможнымъ удовлетворить ихъ желаніе на условіяхъ, предложенныхъ ими. Крестьянъ же, продаваемыхъ безъ усадебъ и надѣльной земли, западно-сибирская администрація предполагала перечислить въ разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Генераль-губернаторъ Восточной Сибири, извѣстный графъ Муравьевъ-Амурскій, отказался, въ виду незначительнаго числа крѣпостныхъ людей, составлять соображенія объ устройствѣ ихъ быта, „полагая, что въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ Сибири будетъ самою полезною мѣрою примѣнить къ нимъ тѣ правила, какія будутъ постановлены правительствомъ для внутреннихъ губерній имперіи“; относительно же дворовыхъ людей онъ предлагалъ дать имъ „совершенную свободу отъ крѣпостнаго состоянія“.

Проектъ генерала Гасфорта, какъ пропитанный возможными привилегіями въ пользу крѣпостниковъ-помѣщиковъ, весьма понятно, не могъ удовлетворить бывшаго въ то время министра С. С. Ланскаго, извѣстнаго своимъ горячимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Министръ находилъ предложенный надѣлъ въ 8 десятинъ, тамъ, гдѣ для государственныхъ крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ существовалъ 15-десятинный надѣлъ, крайне недостаточнымъ; по его мнѣнію, „надѣленіе крестьянъ значительнымъ количествомъ земли въ большей части мѣстностей Сибири безусловно необходимо“. Свое рѣшеніе онъ мотивировалъ совершенно справедливо особыми условіями Сибирскаго края, гдѣ короткое лѣто, недостатокъ рукъ, необходимость скотоводческаго хозяйства обуславливали требованія на большіе надѣлы. Но при этомъ С. С. Ланской шелъ далѣе. Онъ настаивалъ на немедленномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Сибири, не дожидаясь освобожденія крестьянъ въ Европейской Россіи. По его мнѣнію, слѣдовало бы: 1) Помѣщикамъ, желающимъ отпустить крестьянъ съ землею безвозмездно или съ нѣкоторыми срочными и не обременительными обязательствами, предоставить заключить съ ними условіе на основаніи закона о государственныхъ крестьянахъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ. 2) У остальныхъ помѣщиковъ скупить имѣнія на счетъ казны, по соглашенію или по оцѣнкѣ, принявъ за основаніе надѣла существующее пользованіе усадьбами, а въ основаніе оцѣнки капитализацію оброка; въ тѣхъ же имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне никакихъ повинностей не несутъ, положить какую либо цѣну за десятину земли. По приблизительнымъ расчетамъ, Ланской полагалъ, что на 100 т. можно скупить всѣ имѣнія Западной Сибири. 3) Крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые бы не пожелали продать землю, перевести въ ближайшія волости государственныхъ крестьянъ. 4) Оброкъ, которымъ крестьяне будутъ обложены наравнѣ съ государственными крестьянами, могъ бы поступить въ государственное казначейство въ видѣ процентовъ на употребленный капиталъ. При этомъ доброжелательный министръ предлагалъ крестьянамъ, переселеннымъ на казенныя земли, оказывать пособіе и предоставить льготы отъ платежа податей на основаніи общихъ правилъ для государственныхъ крестьянъ.

Министръ остался недоволенъ и отвѣтомъ графа Муравьева-Амурскаго; онъ писалъ, что „крестьянскій вопросъ въ Сибирскомъ краѣ не можетъ разрѣшиться примѣненіемъ общаго узаконенія,

которое будетъ издано для европейскихъ губерній; ибо, при обнаруженіи положенія о крестьянахъ, даже прежде сего предполагается во внутреннихъ губерніяхъ преобразовать полицію и открыть новыя судебныя учрежденія, какъ необходимыя средства къ приведенію въ исполненіе и къ охраненію на будущее время новаго устройства быта крестьянъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ. Предположенія эти къ Сибири, вслѣдствіе незначительнаго числа крѣпостныхъ людей, примѣнены быть не могутъ и вообще, вслѣдствіе этой малочисленности помѣщичьихъ крестьянъ, желательно было бы не учреждать изъ нихъ отдѣльнаго сословія“.

Замѣчанія эти заставили графа Муравьева-Амурскаго измѣнить свое мнѣніе и онъ не замедлилъ увѣдомить министра, что при малочисленности крѣпостныхъ крестьянъ въ Восточной Сибири было бы и странно, и бесполезно, и неудобно сдѣлать изъ нихъ, по освобожденіи, отдѣльное сословіе и поставить ихъ тогда подъ особое полицейское управленіе, что онъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе министра, полагаетъ, что „крѣпостныхъ Восточной Сибири, по перемѣнѣ ихъ быта, желательно было бы отнести къ сословію государственныхъ крестьянъ, причемъ переводъ этотъ могъ бы быть совершенъ сразу, безъ всякаго переходнаго состоянія“.

Относительно же вознагражденія помѣщиковъ генераль-губернаторъ, указывая на разницу между Родюковымъ, владѣвшимъ помѣстьемъ на законномъ основаніи, и Коноваловымъ, „который, имѣя въ виду только личную пользу, рѣшился преступить постановленія закона и, такъ сказать, своевольно и противозаконно владѣлъ населеннымъ имѣніемъ въ Восточной Сибири, и котораго, по его мнѣнію, необходимо предать суду, освободивъ крестьянъ на общемъ основаніи съ дворовыми *)“,—просилъ первому помѣщику выдать 15,000 руб. изъ хозяйственнаго капитала Енисейской губерніи, а крестьянъ со всѣми землями, ими собственно обрабатываемыми, домами, усадьбами и другими угодьями обратить въ государственные крестьяне и зачислить въ ближайшую волость. Министръ съ особенной симпатіей отнесся къ этому представленію и тотчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ о немедленномъ освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ Восточной Сибири и о приобрѣте-

*) Дѣло о противозаконныхъ поступкахъ Коновалова начато было по распоряженію совѣта главнаго управленія В. С. еще въ 1852 г. и въ 1854 г. оно находилось на разсмотрѣніи красноярскаго окружнаго суда. Чѣмъ кончилось оно, неизвѣстно, но интересно то, что при сборѣ свѣдѣній, предъ реформой, крѣпостные Коновалова были отнесены въ разрядъ дворовыхъ.

ни въ казну имѣнія Родюкова. Но этому прекрасному предположенію, ставившему вопросъ на совершенно правильную почву общегосударственнаго, а не сословнаго дѣла, какъ замѣчаетъ авторъ цитированнаго нами ранѣе очерка „О крѣпостныхъ крестьянахъ въ Сибири“, не суждено было состояться.

Ланской въ лицѣ министра государственныхъ имуществъ гр. М. Н. Муравьева встрѣтилъ противника представленнаго проекта. Муравьевъ возразилъ, что „въ выкупѣ казною земли для помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири не представляется существенной надобности, и мѣра эта повела бы къ *безполезнымъ расходамъ*, тѣмъ болѣе, что вообще не представляется уваженій, по которымъ можно было бы желать устройства на особыхъ началахъ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири, прежде постановленія по сему предмету въ великороссійскихъ губерніяхъ положительныхъ правилъ, тогда какъ примѣненіемъ въ свое время сихъ правилъ въ Сибири дѣло это могло бы само собою разрѣшиться“. Ланской энергично возражалъ. „Помѣщичьи крестьяне въ Сибири,—писалъ онъ,—*находясь среди свободныхъ людей въ незначительномъ числѣ*, видя, что даже *ссылно-поселенцы пользуются лучшею участіемъ*, чѣмъ они, замѣчая, что для нихъ только однихъ недоступно безпрепятственное пользованіе общимъ изобиліемъ мѣстныхъ удобствъ, и въ настоящее время *едва сносятъ крѣпостную зависимость*“. Эти слова служили вѣскимъ доказательствомъ, какъ ясно понималъ Ланской положеніе крѣпостнаго права въ Сибири, и дѣйствительно изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ мы видали, что изъ общаго числа 29 имѣній Западной Сибири въ 4-хъ крестьяне жили въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, а въ 13-ти имѣніяхъ не отправляли въ пользу помѣщика никакихъ повинностей. Въ виду этихъ фактовъ, Ланской находилъ весьма вѣроятнымъ, что „та слабая зависимость, которая поддерживается въ остальныхъ имѣніяхъ, съ обнародованіемъ общаго положенія о крестьянахъ, совершенно прекратится сама собою, безъ переходныхъ мѣръ, предполагаемыхъ для крестьянъ внутреннихъ губерній. Нѣкоторые помѣщики чувствовали это и добровольными уступками хотѣли заблаговременно прекратить крѣпостныя отношенія. Министръ Ланской, пропагандируя о необходимости помощи со стороны правительства, еще разъ указалъ, что по особымъ мѣстнымъ условіямъ нельзя оставлять сибирскихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ тягостномъ положеніи до изданія общаго положенія. „По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ,—писалъ онъ въ заключеніи,—

я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. министра государственныхъ имуществъ, что предполагаемая мною мѣра повела бы къ бесполезнымъ расходамъ. Я не могу признать бесполезнымъ расходомъ затрату незначительной для государства суммы въ 100 тысячъ рублей *для уничтоженія всѣхъ признаковъ крѣпостной зависимости въ огромной странѣ, какова Сибирь, для обезпеченія быта крестьянъ, въ числѣ 3 тысячъ душъ обоюго пола.* Я не могу, наконецъ, считать эту трату бесполезной потому, что затраченная сумма будетъ приносить проценты въ видѣ оброка съ крестьянъ и можетъ быть возвращена посредствомъ погашенія, если сіе послѣднее будетъ признано необходимымъ“.

Этотъ горячій протестъ былъ писанъ въ маѣ 1859 года, но онъ не имѣлъ успѣха, и сибирскіе крѣпостные получили свободу одновременно съ русскими. Въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу большинство, очевидно, присоединилось ко мнѣнію министра государственныхъ имуществъ, но голосъ Ланскаго не прошелъ также безслѣдно, что можно заключить изъ того, что земельный надѣлъ былъ признанъ отъ 8 до 15 десятинъ на душу, т. е. далеко большій, чѣмъ проектировала мѣстная администрація во главѣ съ генераломъ Гасфортомъ.

Таковы были данныя къ знаменательному дню крѣпостничества въ Сибири; надо кстати замѣтить, что они не вполне сходятся съ данными X-ой ревизіи, что весьма понятно, такъ какъ нѣкоторые владѣли крестьянами незаконно и показывали ихъ въ другихъ рубрикахъ. Ко времени X-ой народной переписи по даннымъ этой ревизіи считалось во всей Сибири 36 помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями, и 70 безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ одними только дворовыми людьми *). Общее число крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибири не превышало 3,701 душ. мужескаго и женскаго пола, въ числѣ которыхъ было 900 человекъ дворовыхъ.

Изъ такихъ общихъ цифръ на долю Восточной Сибири приходится только 2 помѣщика съ имѣніями и 9 безпомѣстныхъ дворянъ, а всѣхъ крѣпостныхъ людей 297 человекъ, въ числѣ которыхъ было 146 дворовыхъ. Затѣмъ все остальное число помѣщиковъ и крѣпостныхъ находилось въ Западной Сибири и распределялось по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

*) Историческій очеркъ Западной Сибири въ царствованіе Александра II. Памятная книжка Западной Сибири на 1882 годъ.

	Въ губерніяхъ: Тобольской, Томской.	Вообще въ За- падной Сибири.
Помѣщиковъ	28	6
Безпомѣстныхъ дворянъ, вла- дѣвшихъ дворовыми	40	21
Итого	68	27
Крѣпостныхъ крестьянъ обо- его пола	2,384	266
Дворовыхъ людей	616	138
Всѣхъ крѣпостныхъ людей	3,000	404
		3,404

Изъ означеннаго числа дворовыхъ, говоритъ полковникъ Усовъ, авторъ статьи, изъ которой мы цитируемъ приведенныя цифры, показывались приписанными къ населеннымъ имѣніямъ 585 душъ обоого пола, а остальные къ домамъ собственныхъ и постороннихъ владѣльцевъ. Изъ всѣхъ 34 имѣній большая часть принадлежала къ мелко и малопомѣстнымъ, такъ 19 имѣній заключали менѣе 20 душъ мужескаго пола, въ 12 помѣстьяхъ было отъ 20 до 100 душъ и только въ 3-хъ имѣніяхъ считалось отъ 100 до 150 душъ. Подъ всѣми помѣстьями *de facto* было занято 43,777 десятинъ удобной земли и 13,000 десятинъ неудобной. Самое большее по количеству имѣніе, состоявшее изъ двухъ деревень въ Туринскомъ округѣ, принадлежало роду бывшаго туринскаго воеводы Панаева; въ немъ считалось 37,000 десятинъ пожалованной земли, но большинство помѣщиковъ имѣли земли гораздо меньше.

Во время, предшествовавшее освобожденію крестьянъ, только въ двухъ помѣстьяхъ жили сами помѣщики, тремя имѣніями управляли особые уполномоченныя помѣщиками лица, остальные же имѣнія находились подъ управленіемъ старостъ, которые иногда даже не знали о мѣстопребываніи своихъ господъ. Г. Усовъ подтверждаетъ и ту мысль, что отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ въ Сибири имѣли иной характеръ, нежели въ Европейской Россіи: въ этой послѣдней крестьянинъ находился въ экономической зависимости отъ помѣщика, такъ какъ дорожилъ землею, которою отъ него пользовался, видя въ ней главный источникъ своего обезпеченія. Въ Сибири же, при ея многоземеліи, крестьяне всегда готовы были покинуть помѣщичьи земли и переселиться на свободныя мѣста, а потому связь между крестьянами и помѣщиками держалась лишь на одной личной зависимости,

но и этого рода зависимость была въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ только номинальной, по отсутствію и безвѣстному нахожденію помѣщиковъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ крестьяне не отбывали въ пользу своихъ господъ даже никакихъ повинностей, однако жъ въ большинствѣ помѣстій крестьяне, сверхъ подушной подати и другихъ казенныхъ платежей, платили помѣщикамъ ежегодно отъ 3 до 23 рублей оброка съ каждой ревизской души мужескаго пола; незамужнія ихъ дочери тоже облагались оброкомъ отъ 3 до 10 рублей на душу; между тѣмъ всѣ казенные и земскіе платежи смежныхъ государственныхъ крестьянъ не превышали 7 рублей въ годъ съ ревизской души. Мы говорили уже ранѣе, что въ однихъ имѣніяхъ крестьянамъ было отведено опредѣленное количество земли, въ другихъ они пользовались всею помѣщичьей землею, въ третьихъ, по неудобству и недостатку ея, должны были арендовать мѣста у сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ и даже совсѣмъ поселялись въ ихъ деревняхъ. По общему свидѣтельству, помѣщичьи крестьяне въ отношеніи благосостоянія рѣзко уступали сосѣднимъ государственнымъ и были менѣе рачительны къ хозяйству.

V.

Наступилъ 1861 годъ, когда магическое слово свободы изъ области мечтаній перешло въ дѣйствительность. Согласно положенію 19-го февраля 1861 года, всѣ крестьяне помѣщичьихъ имѣній были тогда же приписаны къ тѣмъ волостямъ государственныхъ крестьянъ, въ чертѣ которыхъ эти имѣнія находились. Помѣщиками сохранялось право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязывались уступить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость и указное количество полевой земли отъ 8 до 15 дес. на каждую ревизскую душу; причемъ денежный годовой оброкъ съ крестьянъ за таковою надѣлъ опредѣленъ по 8 рублей. Дворовымъ людямъ предоставлено чрезъ два года, послѣ изданія манифеста, полное освобожденіе, а до того времени они обязывались уплачивать своимъ помѣщикамъ по одному рублю съ души оброка. При составленіи уставныхъ грамотъ почти всѣ помѣщичьи крестьяне выказали желаніе лучше переселиться на казенныя земли, нежели оставаться во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Въ 1863 году крестьянское дѣло было приведено къ оконча-

нію, причемъ только по семи имѣніямъ введены обязательныя отношенія по уставнымъ грамотамъ; во всѣхъ же остальныхъ имѣніяхъ крестьяне уволены отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, на основаніи правилъ о дворовыхъ людяхъ и о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, причемъ имъ было предоставлено право избрать родъ жизни или переселиться на свободныя казенныя земли.

Такова страница изъ исторіи 19-го февраля въ Сибири, но къ ней надо присоединить страницу 8-го марта, имѣвшую для Сибири далеко большее значеніе. Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ 8-го марта, на алтайскихъ приписныхъ крестьянъ и на заводскихъ мастеровъ алтайскихъ и нерчинско-заводскихъ распространены были права свободныхъ сельскихъ обывателей личныя, по имуществу и по состоянію. При этомъ, впредь до размежеванія Алтайскаго горнаго округа, крестьянамъ предоставлено пользоваться всѣми земельными угодьями въ прежнихъ размѣрахъ. За эти земли, взаимѣнъ прежней издѣльной повинности на заводахъ, они обложены денежнымъ оброкомъ по 6 руб. съ души, изъ которыхъ 4 р. 50 к. поступаютъ въ доходъ кабинета, а 1 р. 50 к. въ казну. Увольненіе мастеровыхъ и рабочихъ повелѣвалось окончить не позже двухъ лѣтъ, т. е. къ 1863 году. Тотчасъ по полученіи указа 8-го марта 1861 года были уволены прослужившіе 15 лѣтъ, а затѣмъ всѣ остальные. Вмѣстѣ съ отцами были освобождены всѣ малолѣтки и подростки, еще не поступившіе въ полныя работники. Имѣвшимъ осѣдлость мастеровымъ и рабочимъ оставлены въ собственность безвозмездно ихъ усадьбы и выдѣлено въ пользованіе по одной десятинѣ покосовъ на ревизскую душу, за поземельную оброчную плату въ пользу заводовъ. Имѣвшіе пахатныя участки сохранили ихъ также за собою за оброчную плату.

Съ окончаніемъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, изъ сословія бывшихъ мастеровыхъ и рабочихъ было образовано 12 горнозаводскихъ волостей, а изъ приписанныхъ 39, въ которыхъ тогда же было введено положеніе 19-го февраля, взаимѣнъ прежняго самоуправства горныхъ управителей. Затѣмъ въ Алтайскомъ округѣ было учреждено 8 должностей мировыхъ посредниковъ.

Какъ воспріялъ народъ вѣсть объ освобожденіи, не представляется возможности подробно разсказать. Единственный, частный, издававшіся въ то время на далекой окраинѣ органъ „Амуръ“ передаетъ двѣ корреспонденціи по этому знаменательному дѣлу: одна объ объявленіи манифеста въ Тальцинской посессионной фаб-

рикѣ, другая—въ Нерчинскихъ заводахъ *). Съ содержаніемъ этихъ корреспонденцій я и позволю, въ заключеніе, познакомить моихъ читателей, какъ съ единственными имѣющимися современными свидѣтельствами. Освобожденіе жителей Тальцинской посессионной фабрики отъ обязательнаго труда свершилось *de facto* 30-го августа 1861 года. Ранѣе сдѣлать это помѣшала столь обыкновенная здѣсь чиновничья переписка. Ко дню свободы на фабрикѣ считалось 470 д. обоого пола, составляющихъ крѣпостную собственность фабрики. Этому населенію, потомкамъ закрѣпощенныхъ въ 1814 году ссыльныхъ, было объявлено наконецъ слово свободы, котораго они такъ тщетно до сего времени добивались. Для объявленія манифеста и для опредѣленія правъ освобожденныхъ людей былъ посланъ особый чиновникъ, который и исполнилъ возложенную на него миссію съ великою торжественностью. „Наканунѣ 30-го августа, — говоритъ корреспондентъ, — въ церкви Тальцинской фабрики была совершена всенощная, а на завтра литургія съ коѣлюпопреклоненіемъ, при большомъ стеченіи народа. Протоіерей ясно и вразумительно прочелъ указъ. Послѣ обѣдни всѣ крестьяне, по собственному побужденію, собрались около церкви издѣсь были поздравлены съ милостью, причемъ имъ было рекомендовано „ждать покойно и терпѣливо устройства своего будущаго быта, не нарушая настоящаго порядка и отношеній своихъ къ фабричному управленію“. Затѣмъ послѣдовалъ для нихъ обѣдъ у директора фабрики Молодыхъ, а затѣмъ „крестьяне продолжали праздновать свою свободу, скромно и тихо, съ сознаніемъ важности совершившагося событія,“ — такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе житель Тальцинской фабрики. Почти то же самое пишетъ и житель Нерчинскаго завода о днѣ 15-го апрѣля, когда въ заводъ, а затѣмъ въ рудники явился чиновникъ Мордвиновъ, съ радостною вѣстью. Народъ молился, ликовалъ, но къ прискорбію откупщиковъ не пьянствовалъ, и откупъ, — замѣчаетъ корреспондентъ, — рассчитывавшій, что „обычная, по его понятію, деморализація нашего простонародія доставитъ ему огромную выручку, обманулся въ своей надеждѣ“.

Всѣхъ уволенныхъ по положенію 8-го марта горнозаводскихъ людей считалось въ Нерчинскомъ горномъ округѣ 5,610 человекъ обоого пола. Сказавъ о празднествѣ, авторъ корреспонденціи считаетъ умѣстнымъ поставить вопросъ, чему они радовались. Отвѣтъ на

*) «Амуръ», 1881 г., №№ 74 и 69.

это, кажется, всё въ общемъ извѣстень, но многое скрыто отъ потомства, и только когда нибудь кропотливый историкъ повѣдаетъ міру яркія страницы людской неволи. Правда, дарованіе воли за- стало въ нерчинскихъ заводахъ начальникомъ гуманнаго О. А. Дейхмана, но не надо забывать, что незадолго передъ нимъ былъ въ числѣ горныхъ чиновниковъ безчеловѣчный Разгильдѣевъ.

«Какъ въ недавнихъ годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ,
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильевичъ Грозный,
Инженеръ-отъ былъ онъ горный,
Разгильдѣевъ самъ!»...

Этому горному инженеру были подчинены и горнозаводское на- селеніе, и каторжные. По преданію и по рассказамъ очевидцевъ, онъ забилъ плетью и розгами въ одинъ годъ до 2,000 человѣкъ... Хотя его неистовства больше падали на долю ссыльныхъ, но не были имъ милованы и горнозаводскіе обыватели. Дадимъ и здѣсь повѣдать очевидцу, чѣмъ былъ радостень день объявленія свободы. Отвѣчая на свой вопросъ, авторъ сопоставляетъ по- ложеніе каторжнаго и горнорабочаго и отдаетъ предпочтеніе пер- вому. Ссылный, по прошествіи срока работъ, maximum 17 лѣтъ, поступалъ на поселеніе и дѣлался свободнымъ отъ обязательныхъ работъ; горный же служитель, пользуясь только номинально „чест- нымъ званіемъ“, на дѣлѣ несъ ту же работу, наравнѣ съ ссыль- ными—этого мало: срокъ его работы долженъ продолжаться mini- mum до 35 лѣтъ, т. е. болѣе чѣмъ вдвое противъ срока работъ ссыльнаго, поэтому мѣстная уголовная хроника представляетъ та- кіе разительные факты, которые при другихъ обстоятельствахъ никогда не могли бы случиться. Были случаи, что горнозаводскіе люди нарочно дѣлали преступленія, подвергаящія ихъ недолгой каторжной работѣ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока этой работы перейти на поселеніе и сдѣлаться свободными...

Такъ было чему радоваться, хотя въ экономическомъ отноше- ніи благосостояніе свое они брали съ бою, положеніе не давало имъ особыхъ привилегій, но мѣстныя условія страны, „гдѣ была земельная ширь и гладь и Божья благодать“,—шли на помощь ему. Населеніе это за 25 лѣтъ неузнаваемо измѣнилось къ лучшему.

Весьма понятно, съ какою величайшей радостью было встрѣчено слово свободы и на Алтаѣ, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ докумен- товъ, которыми могли бы подѣлиться съ нашими читателями. Въ

общемъ реформа прошла не безъ курьезовъ, присущихъ сибирскому чиновничьему міру. Такъ для завѣдыванія освобожденными крестьянами были назначены на Алтаѣ мировые посредники, которые съ горемъ пополамъ кое-что дѣлали, но въ Нерчинскозаводскомъ округѣ крестьяне отданы были въ полное вѣдѣніе земской полиціи, которая приняла на себя всѣ функціи крестьянскихъ чиновниковъ и учреждений, но, увы!... забыла о своимъ обязанностяхъ, такъ какъ, кажется, втеченіе 25 лѣтъ не было ни одного засѣданія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Земельныя отношенія между кабинетомъ Его Величества и крестьянскимъ населеніемъ до сихъ поръ не опредѣлены.

Безспорно нѣтъ мѣста, нѣтъ сравненія этимъ малымъ страницамъ прошлаго Сибири рядомъ съ исторіей всего русскаго крестьянства. Но такъ или иначе сибирское крестьянство испытало значеніе крѣпостничества, и если оно не вполне несло на своихъ плечахъ крѣпостное право, то крѣпостныя стремленія и традиции жили тамъ въ самой администраціи и были чувствительны для народа. Сибирская пресса не разъ указывала, что идеи опеки, регламентаціи, безусловнаго повиновенія власти, всегда были присущи правамъ чиновничества, а дѣйствія его не были легче дѣйствій крѣпостныхъ баръ. И они проводятся въ разнообразныхъ мѣрахъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Такъ регламентировались десятинная пашня, „чтобъ въ Сибири хлѣбопашество завести до совершеннаго ему градуса“ *), расселенія и колонизаціи по указаніямъ администраціи, приказанія сѣять хлѣбъ, цѣлыя массы наставленій временъ чичеринскихъ приказовъ, звучащихъ угрозою стараго опекуна „барина“. Десятинная пашня, особый видъ государственнаго закрѣпощенія, проводимаго въ жизнь такими людьми, какъ губернаторъ Соймоновъ **), заявившій въ Высочайшемъ докладѣ, что, „дабы въ Сибирской губерніи хлѣбопашество размножить, тамошніе хлѣбопашцы непременно принуждены быть должны“, тяжело отзывалась на населеніи. Сибирь становится страной опеки и регламентаціи. Были указы не отлу-

*) 1763 г., П. С. З., въ № 11,860. Высочайшія резолюціи на докладъ Соймонова и Чичерина.

**) Соймоновъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, за участіе въ дѣлѣ Волынскаго былъ сосланъ въ каторжную работу. Елисавета Петровна возвратила ему свободу, но онъ, всетаки, жилъ еще послѣ того 16 лѣтъ въ Сибири, изслѣдовалъ фарватеръ Шилки и пути по Амуру, а въ 1757 году сдѣланъ былъ сибирскимъ губернаторомъ.

чаться крестьянамъ на ночь изъ домовъ; были такіе губернаторы, какъ Трескинъ, и вѣрные помощники ихъ, какъ исправникъ Лоскутовъ, слѣдившіе за посѣвами, сборами хлѣба, за квашнями бабъ и даже за знаніемъ молитвъ.

Дисциплинированье крестьянъ всегда было излюбленнымъ дѣломъ администраціи, причемъ употреблялись суровыя мѣры и наказанія, о которыхъ осталась только память въ преданіяхъ. Губернаторъ Чичеринъ съ гусарской командой выѣзжалъ на пашни съѣчь крестьянъ, у которыхъ, по его мнѣнію, было мало усердія въ работѣ. Лоскутовъ дралъ со словами: „исправь, Господи, нечестивца“. Авторитетъ былъ утвержденъ, и мѣстная земская полицейская власть, въ лицѣ засѣдателя и исправника, получала названіе „барина“, барина, всецѣло царившаго надъ его жизнью.

Но здоровая жизнь сибирскаго крестьянства, вѣрная крѣпкимъ вѣковымъ общиннымъ устоямъ русскаго народа, перенесла и переноситъ невзгоды, ожидая лучшаго будущаго.

К. Михайловъ.

АМУРСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(По разсказамъ очевидца).

Открытіе Калифорніи на китайской сторонѣ, близъ Игнашиной, недавно обратило на себя особое вниманіе даже европейской печати. Объ открытіи богатѣйшихъ приисковъ, не уступающихъ Калифорнійскимъ и привлечшихъ массу русскихъ и китайцевъ, возвѣщено было телеграфомъ. Исторія этихъ приисковъ возбудила живое вниманіе не однимъ только тѣмъ, что здѣсь открыты были богатства, но и самой оригинальной исторіей возникновенія золотопромышленной колоніи. Какъ извѣстно, сюда стеклось самое разнообразное населеніе, создавшее свою организацію, нравы, установившее извѣстные правила. Это была золотопромышленная колонія, соединившая болѣе 10,000 народа на незанятой землѣ, внѣ русскихъ владѣній. Словомъ, это была международная Калифорнія, соединившая ороченоевъ, китайцевъ, русскихъ и, наконецъ, привлекавшая авантюристовъ всякихъ другихъ племенъ. Въ числѣ разныхъ лицъ, появившихся въ Калифорніи, находились отставные чиновники, бывшіе исправники, и все это соединилось съ массой рабочихъ, бѣглыхъ каторжниковъ и т. п. Открытыя богатства вызвали сильный притокъ туда русскаго населенія, что угрожало принять еще большіе размѣры, если бы не положили предѣла этому русскія власти, а также вмѣшательство китайскихъ властей, получившихъ свѣдѣнія объ открытіи Калифорніи черезъ насъ. Китайцы, пославъ войска, раззорили нынѣ эту Калифорнію, русскіе рабочіе удалились, съ китайцами учинена расправа и казни. Но быстрое возникновеніе Калифорніи и жизнь ея въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представила столько оригинальнаго, что мы искали случая собрать о ней свѣдѣнія.

Одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ въ основаніи этой колоніи, игравшій въ своеобразной администраціи Калифорніи важную роль, доставилъ намъ любопытный разсказъ объ обстоятельствахъ,

сопровождавшихъ открытіе золота, а нашъ корреспондентъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ ея.

Какъ проявленіе колонизаціонныхъ стремленій русскихъ, это явленіе заслуживаетъ вниманія. Недавно разсказъ о Желтугинской Калифорніи появился уже въ „Revue française de l'étranger et des colonies“. Русский журналъ, печатающій извлеченіе изъ этого изданія, сожалѣетъ, что русская печать, занятая болѣе замыслами Бисмарка и князя Баттенберга, чрезвычайно мало обратила вниманія на дѣятельность своихъ русскихъ людей на окраинѣ. Мы постараемся настоящей статьей пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что во французское сообщеніе вкрались большія неточности и невѣрности.

Въ 1883 году, раннею весною, въ станицу Игнашину, на Амурѣ, верстѣ на 70 ниже сліянія Шилки и Аргуни и на 730 выше Благовѣщенска явился къ мѣстному купцу и мелкому золотопромышленнику Середкину инородецъ-орочень, извѣстный подъ именемъ Ваньки. Этотъ орочень бродитъ съ незапамятныхъ временъ по лѣсамъ Хинганскаго хребта, расположеннаго въ предѣлахъ Китайской имперіи, на правомъ берегу Амура, и заходитъ отъ времени до времени въ Игнашину, Покровку и другія близъ лежащія станицы за покупкой необходимыхъ припасовъ или для обмѣна ихъ на добытыя имъ звѣриныя шкуры. Явившись въ Игнашину, Ванька сообщилъ Середкину, что нѣсколько дней тому назадъ онъ хоронилъ свою мать и, выкапывая ей могилу, совершенно случайно наткнулся на нѣсколько самородковъ золота, которое сейчасъ же и показалъ, добавивъ, что за незначительное вознагражденіе укажетъ это мѣсто, съ условіемъ, чтобы трупъ его матери, похороненной тамъ, оставался въ совершенномъ покоѣ. Середкинъ имѣлъ въ это время на русской сторонѣ, близъ Игнашиной, заявленный и отведенный въ его собственность пріискъ, который нѣкоторое время работался, но, за неимѣніемъ средствъ и незначительнымъ содержаніемъ въ немъ золота, работы на немъ были прекращены; этимъ-то пріискомъ, надо полагать, онъ задумалъ воспользоваться, чтобы имѣть возможность, если только золото на китайской сторонѣ окажется дѣйствительнымъ, записывать его по своимъ пріисковымъ журналамъ и сдавать какъ бы добываемое на своемъ прежнемъ пріискѣ, на русской сторонѣ. Для этого онъ, условясь окончательно съ ороченомъ Ванькою, посылаетъ съ нимъ довѣреннаго своего Лебедкина и рабочихъ. Ле-

бедкинъ, прійдя на указанное ему проводникомъ мѣсто, выбиваетъ первый шурфъ, въ которомъ на 23 четверти получаетъ прекрасную пробу; съ этой пробой онъ является обратно и чрезъ нѣсколько дней, запасшись необходимыми припасами и инструментами, пускается снова въ тайгу уже для производства работъ. Много ли онъ намыль золота, — никто не знаетъ, но извѣстно только то, что чрезъ нѣкоторое время Лебедкина увезли чуть живаго на русскую сторону (онъ пилъ запоемъ), а часть взятыхъ имъ припасовъ и инструментовъ была возвращена Середкину, часть же расхищена рабочими, оставшимися тамъ продолжать работы на собственный счетъ. Понятно, что открытіе прииска не было секретомъ для окрестныхъ казаковъ, являвшихся туда для покупки и сбыта золота. Увлеченіе легкою наживою со стороны молодыхъ казаковъ встревожило старыхъ казаковъ-хлѣбопашцевъ, и они рѣшили постановить этому преграды. Былъ собранъ сходъ, на которомъ рѣшили воспретить всѣмъ безъ исключенія казакамъ станицы Игнашиной промыслять на китайскомъ приискѣ, но позволить имъ заниматься доставкой и продажей припасовъ находящемуся тамъ рабочему люду. Изъ этого мудраго постановленія вышло, что и волки были сыты, и овцы остались цѣлы, такъ какъ доставкой припасовъ могъ заниматься каждый казакъ, безъ различія лѣтъ, имѣвшій лошадей, которыхъ здѣсь, какъ и во всѣхъ амурскихъ станицахъ, не знающихъ недостатка въ сѣнѣ, было достаточно. То же самое сдѣлала и станица Покровка съ Амазаромъ. Оставалось еще только одно — привлечь, какъ можно скорѣе, побольше рабочаго люда и этимъ самымъ приобрести потребителей на припасы и людей, нуждающихся въ передвижной силѣ. Наступило лѣто, а съ нимъ и усиленное движеніе разнаго народа изъ одного конца въ другой: переселенцевъ, бѣглыхъ каторжныхъ, наконецъ, массы пробирающагося изъ Иркутской и Забайкальской областей свободнаго люда, желающаго продать свой трудъ за большое вознагражденіе. Вся эта движущаяся толпа, проходя черезъ Игнашину и Покровку, слышала рассказы казаковъ объ открытіи невиданнаго еще по богатству золота, и многіе изъ нихъ отправлялись сейчасъ же по указанному имъ пути, а нѣкоторые, болѣе недовѣрчивые, пробираясь далѣе вверхъ и внизъ по Амуру, разглашали всюду и вездѣ объ открытомъ богатствѣ, такъ что въ іюнѣ и въ іюлѣ слухи о существованіи китайскихъ приисковъ распространились уже по всему Амуру и Забайкальской области, да еще съ такими грандіозными преувеличеніями о богатствѣ ихъ, что каждому такъ и грезилось, что стоило, будто

бы, только взять на лопату песку, промыть его, и стапливецъ уже получалъ чуть ли не съ $1\frac{1}{2}$ фунта золота. Вслѣдствіе этого всякій, имѣвшій хотя какую нибудь возможность отправиться, стремился въ „золотую“ землю. Къ тому же въ Благовѣщенскъ возвратилось оттуда нѣсколько рабочихъ „удачниковъ“, которые рассказывали, по всей вѣроятности, хвастовства ради, о богатствѣ, о легкости добычи. Прошло еще недѣли двѣ, и нѣсколько такихъ слуховъ, подлившихъ только масла въ огонь, побудили массу ремесленниковъ и служащаго люда бросить мастерскія и занятія и ѣхать туда, гдѣ ихъ ждало счастье; въ сентябрѣ съ послѣдними пароходами появилась въ Благовѣщенскъ и команда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ находящихся здѣсь золотопромышленныхъ компаній Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и другихъ. Этотъ пріисковой людъ, услышавъ объ открытіи, поторопился поскорѣе пропить заработанные тяжелымъ трудомъ гроши и, очистивъ карманы, пустился въ Игнашину. Такимъ образомъ, въ самое короткое время число рабочихъ возросло до нѣсколькихъ тысячъ. Вслѣдъ за этой тысячной толпой потянулся мелкій торговый людъ. Забравъ съ собою сухарей, мяса, хлѣба, водки, спирта и необходимыхъ инструментовъ, они открыли свою дѣятельность. Для примѣра сообщу цѣны на нѣкоторые предметы, по которымъ надѣялись явившіеся благодѣтели рабочихъ: мясо, бывшее въ продажѣ въ Благовѣщенскѣ не дороже 4 рублей, продавалось 12 руб. Сухари, стоившіе 3 р. 20 к., продавались 10 и 11 руб. Топоръ, вмѣсто 5 р., продавался за 10 руб., лопата 10 руб., листъ кровельнаго желѣза, стоившій 1 р. 10 к., продавался за 10 р., буторнаго (котельнаго) 80 р., бочка изъ-подъ вина, для возки воды, 20 рублей, бутылка Ланинской шипучей воды, носившей названіе „шампанскаго“, 12 руб., свѣчи доходили до 4 р. за фунтъ; бутылка водки 1 р. 50 к. и не ниже 1 рубля; за коньякъ, хересь, мадеру и другія вина (большей частью, амурскаго производства фирмы Хлѣбникова) брали кто сколько могъ, но не менѣе 5 рублей; при этомъ надо еще принять во вниманіе, что расчетъ производился золотомъ, а не кредитными рублями, которыхъ у насъ не было; принималось же это золото за товаръ въ большинствѣ случаевъ, въ первое время, не дороже 3 р. 50 к. за золотникъ, тогда какъ сами кулаки продавали его на Сахалинѣ (маньчурская деревня противъ Благовѣщенска) не дешевле 4 рублей, такъ что, кромѣ неслыханнаго процента на товаръ, они еще получали, по меньшей мѣрѣ, коммисіонныхъ по 50 коп. за размѣнъ золотника.

Въ это прекрасное время я, грѣшный человѣкъ, одержимый получившей значеніе эпидеміи въ Восточной Сибири золотою лихорадкою, увлекся и поплылъ вмѣстѣ съ житейской волной туда, гдѣ, какъ говорили, не сѣютъ, не жнутъ, а только жатву собираютъ. Приѣхавъ въ Игнашину, я прежде всего удивился тому необыкновенному движенію и разгулу, которымъ была полна эта въ прежнее время скромная станица. Улицы были полны разношерстного народа, снующаго съ гармоніями въ рукахъ изъ одного кабака въ другой. Въ кабакахъ здѣсь недостатка не было. Квартиръ свободныхъ въ станицѣ совершенно не оказывалось; даже уголь какой нибудь, гдѣ бы можно было переночевать, приходилось съ трудомъ выпрашивать за небывалую цѣну. На слѣдующій день я познакомился съ начальникомъ телеграфной станціи, который въ свое время игралъ видную роль въ калифорнійскихъ дѣлахъ. При открытіи Калифорніи, когда находившіеся тамъ хищники больше боялись распоряженія русскихъ властей, нежели китайскихъ, они заискивали въ расположеніи у этого начальника телеграфной станціи, зная, что всякое приключеніе, касающееся ихъ, не будетъ секретомъ для телеграфа. Это-то заискиваніе дало поводъ начальнику станціи назвать себя горнымъ исправникомъ вольнаго прииска. Впрочемъ, въ мой приѣздъ этотъ „горный исправникъ“ былъ въ опалѣ и вслѣдствіе этого лишенъ своего „званія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права являться на приискъ. Причиной этой немилости были, какъ мнѣ говорили, поборы, которые онъ учинялъ въ средѣ команды, на золотую печать и блюдо для поднесенія „кому-то“. Злые языки болтали, что золота собралъ онъ порядочно, хотя печать съ блюдомъ, въ силу какой-то случайности, не вышла; за эту-то случайность онъ и попалъ въ немилость. Получивъ отъ него нужныя мнѣ свѣдѣнія, я въ тотъ же день нанялъ за 15 руб. верховую лошадь и отправился изъ Игнашиной. Переправившись чрезъ Амуръ, мнѣ пришлось проѣхать верстъ пять лугомъ, а затѣмъ тропинка пошла долиною, поросшей густымъ лѣсомъ, по которой бѣжала небольшая рѣка. Путь продолжать надо было шагомъ, потому что конь то и дѣло спотыкался о валежники и пни погорѣвшаго или вырубленнаго лѣса или же вязнулъ въ болотѣ и съ трудомъ вытаскивалъ свои ноги.

Мнѣ привелось въ первый разъ одному очутиться среди этого дѣвственнаго, взлелѣяннаго вѣками, лѣса, и, правду говоря, меня обуялъ почему-то страхъ, я ѣхалъ въ какомъ-то забытьѣ, не давая себѣ отчета въ своемъ предпріятіи. Проѣхавъ еще нѣсколько

версть, я услышал издалека разносимый эхомъ крикъ и по-
нуканіе лошадей въючнаго транспорта, вышедшаго изъ Игна-
шиной много раньше меня. Нагнавъ его, я увидѣлъ, что со-
стоявшіе при немъ ямщики всѣ очень хорошо вооружены. Это-
то обстоятельство волей не волей напомнило мнѣ, что мы на-
ходимся здѣсь не въ безопасномъ положеніи, и что каждый пришед-
шій сюда долженъ беречь свою собственную голову, такъ какъ здѣсь
одинъ только законъ—законъ сильного. Послѣ этого транспорта
мнѣ пришлось уже всю дорогу встрѣчать много разнаго люда съ
котомками на плечахъ. Но временный страхъ проходилъ, когда я съ
удивленіемъ видѣлъ какое-то единеніе, равенство, которое было
такъ ясно замѣтно въ средѣ этой разношерстной толпы. Здѣсь не
было различія каторжнаго отъ правоспособнаго гражданина, здѣсь
все смѣшивалось во что-то общее, нераздѣльное, а веселые разго-
воры и шутки, вертящіяся всѣ на одномъ и томъ же интересѣ,
такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

По пріѣздѣ на пріискъ, я остановился у одного моего знако-
маго, который и повѣдалъ мнѣ о житѣ-бытѣ пріискателей. На-
селеніе на пріискъ въ это время достигло приблизительно до трехъ
тысячъ душъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, тысяча—бѣжав-
шіе ссыльно-каторжные. Работы на пріискъ производятся на пра-
вахъ отчасти артельной и отчасти индивидуальной собственности.
Каждому вступающему въ артель вмѣняется въ обязанность произ-
водить работу со всѣми прочими членами наравнѣ. Капиталь для по-
купки жилища, инструментовъ, коня и прочихъ принадлежностей
вноситъ каждый поступающій въ товарищество на паяхъ поровну, за
что и получаетъ изъ имѣющаго добываться золота ежедневно причи-
тающуюся часть, за вычетомъ расходовъ на его содержаніе. Вновь
вступающій членъ можетъ быть принятъ только съ согласія всей
артели. Каждый изъ членовъ артели, пожелавшій по законнымъ
причинамъ не явиться на работу, обязанъ ранѣе, за день до своего
отсутствія, нанять за себя, на свой счетъ, поденщика. Если на-
нятый поденщикъ окажется неспособнымъ работникомъ, то членъ
товарищества, нанявшій его, лишается въ этотъ день своего пая,
а товарищество уплачиваетъ ему только за поденщика. Каждый
членъ, пожелавшій по какимъ либо причинамъ оставить участіе въ
товариществѣ, обязанъ прежде всего предложить свой пай ар-
тели, которая, уплативъ ему его стоимость, нанимаетъ за свой
счетъ поденщика и прибыль дѣлитъ между собой. Если же това-
рищество не пожелаетъ купить продаваемый пай, то обладателю

его предоставляется полное право продать его кому либо за цѣну произвольную, и товарищество не имѣетъ права отказаться отъ принятія въ свою среду новаго владѣльца. Собственникамъ предоставляется право имѣть неограниченное число рабочихъ, которымъ они обязаны дать, кромѣ всѣхъ инструментовъ, какіе понадобятся для работы, жилище и полное содержаніе, жалованье же обязаны имъ платить по условленной нормѣ. Часть рабочихъ называлась „половинщиками“, такъ какъ получала обыкновенно половину добываемаго золота. На прискѣ существуетъ трое старостъ, несущихъ на себѣ эту обязанность, какъ общественную повинность, безъ жалованья. Служба такихъ старостъ продолжается не болѣе двухъ недѣль, ибо къ концу этого срока они обыкновенно попадаютъ въ какомъ либо воровствѣ и бѣгутъ съ приска, или же, если не успѣютъ бѣжать, подвергаются тѣлесному наказанію, послѣ чего выбирается другой до перваго такого же случая. Промывка золота на прискѣ производится двоякимъ способомъ: или на ручныхъ бутарахъ, или же на лоткахъ.

Разсказъ моего пріятеля долго длился, немного было веселаго въ немъ, такъ что мной уже начиналъ овладѣвать страхъ за будущее. Назавтра, когда я вышелъ изъ зимовья, мнѣ представилась крайне оригинальная картина. Въ долинѣ между двухъ высокихъ горъ, по направленію отъ ю.-з. къ с.-в., тянулась небольшая рѣчка, носящая названіе у ороченъ „Желта“ и переименованная русскими рабочими, вслѣдствіе того, что въ ней найдено золото, въ „Желтугу“. Рѣчка эта, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ находящагося верстъ на 7 выше неособенно крутаго хребта, а потому и теченіе ея можно назвать почти что тихимъ. Длина ея достигаетъ до 16 верстъ, глубина на мѣстѣ работъ до $\frac{1}{2}$ аршина. Вливается она въ такую же небольшую рѣчку, извѣстную подъ именемъ Малой Албазики, составляющей притокъ Большой Албазики. На одномъ изъ уступовъ, по склону лѣвой горы, на довольно высокомъ мѣстѣ, было построено въ два ряда, улицую, около 60 зимовьевъ и около 20 разбросанныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, на противоположномъ склонѣ. Зимовье—это обыкновенный срубъ изъ бревенъ, закопаченный со всѣхъ сторонъ мхомъ; для сохраненія теплоты сверху насыпаютъ на бревна, замѣняющія собою крышу, достаточное количество земли; полъ же, большею частью, земляной и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ сдѣланъ изъ бревенъ, слегка стесанныхъ съ верхней стороны и на столько плотно уложенныхъ, на сколько это позволяетъ ихъ первобытная правильность. Постройка такого жилища въ 4 саж.

шир. и длины и 3 ар. выш. стоила здѣсь до 200 руб. Мѣсто, гдѣ стояли эти въ улицу выстроенныя зимовья, считалось главнымъ станомъ и носило названіе „Орлово поле“, вслѣдствіе того, что при самомъ возникновеніи Калифорніи здѣсь былъ выстроенъ кабакъ, у котораго собирался праздный людъ, и тутъ же происходила извѣстная между рабочими игра въ „орлянку“. Съ Орлова поля прекрасно видѣнь весь разрѣзъ (т. е. мѣсто работъ) и работающіе, которые, за дальностію разстоянія, кажутся какой-то движущейся разношерстной лентой. Нѣсколько ниже этого мѣста были расположены, на подобіе фанзъ, зимовья работавшихъ здѣсь китайцевъ, у которыхъ былъ свой староста и свои законы.

Народу на улицѣ Орлова поля была тѣма. Крикъ, пѣсни, ругань пьяные—все это смѣшивалось вмѣстѣ и представляло картину, не виданную мною еще до сего времени. Опустившись внизъ къ разрѣзу, я обошелъ пространство въ два конца по обѣ стороны рѣки, около шести верстъ, гдѣ было выбито, по крайней мѣрѣ, до 400 ямъ на 6-саженномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ онѣ были почти одной глубины, отъ 24-хъ до 30-ти четвертей, и тянулись по руслу рѣки и отчасти по ея берегамъ, занимая мѣсто шириною до 20-ти сажень. Работа велась здѣсь ортами, т. е. подземной системой, а не открытымъ разрѣзомъ, и обыкновенно каждый рудокопъ считалъ свою яму только тогда выработанной, когда онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ встрѣчался корридорами со своими сосѣдями. Въ этомъ случаѣ собственникъ или артель брались за другую имъ принадлежащую и подготовленную къ работѣ яму. Подобныхъ ямъ у собственниковъ, а также и у артелей, было по нѣскольку, и такая система вредно отзывалась на общей массѣ, потому что у иныхъ счастливыхъ было по шести ямъ съ богатымъ содержаніемъ, а у иныхъ при такомъ же количествѣ, а иногда даже и большемъ, не было ни одной съ содержаніемъ даже ниже бѣднаго. Если при этомъ принять во вниманіе, что срокъ пребыванія на китайской сторонѣ не былъ опредѣленъ, то обезпечивать себя на продолжительное время выгодными работами не представлялось надобности, тѣмъ болѣе, что на глазахъ у насъ раззорялись сотни бѣдняковъ въ поискахъ за золотомъ, тогда какъ другіе счастливыцы продавали собственникамъ свои излишнія богатые ямы за довольно значительную цѣну; такъ, напримѣръ, шурфъ, или пространство около 4 кв. саж., продавался за 2,000 и 2,500 руб. По совѣту одного удачника и съ общаго одобренія, я рѣшился купить продававшійся случайно за 400 руб. китайскій шурфъ, сулившій много богатства, причемъ

сдѣлать условіе съ однимъ изъ промышленниковъ, въ силу котораго онъ давалъ мнѣ сколько понадобится человѣкъ изъ числа своихъ рабочихъ, помѣщеніе у себя и необходимые инструменты. Заплативъ 400 руб. китайцамъ, я лихорадочно принялся за работу, но, увы, на 22 четверти въ основаніи этого шурфа оказался громадный утесъ, который мнѣ не удалось преодолѣть. Мое положеніе было подобно положенію многихъ другихъ неудачниковъ. Оставалось одно средство—искать новую яму, но только уже не путемъ покупки, а, найдя свободное мѣсто, выбить на счастье шурфъ, и это нужно было торопиться дѣлать, ибо Амуръ покрылся льдомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и эмиграція принимала все болѣе серьезные размѣры. На протяженіи всего тракта отъ Иркутска, эмигранты тинулись непрерывной лентой, при чемъ только счастливымъ удавалось дѣлать иногда по 40 верстъ въ сутки на почтовыхъ лошадяхъ, ибо таковыхъ, за сильною гоньбою, совершенно загнали, и ямщики, вслѣдствіе этого, отказывались возить. На каждой изъ почтовыхъ станцій вы могли встрѣтить по 40 человѣкъ, жившихъ тутъ отъ трехъ до пяти сутокъ, въ ожиданіи очередныхъ лошадей; вольные же ямщики, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ проѣзжающихъ, брали по 15 руб. за станокъ, а эту цѣну не каждый могъ заплатить. Почтовая администрація, осаждаемая массой требованій такихъ торопящихся проѣзжающихъ, не имѣя возможности удовлетворить ихъ за ограниченностью передвижныхъ силъ, должна была обратиться за разрѣшеніемъ этого безвыходнаго положенія къ высшему начальству, отъ котораго послѣдовало приказаніе не выдавать лошадей имѣющимъ подорожныя до Покровки и Игнашиной, а вмѣстѣ съ этимъ власти распорядились вывѣсить на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ объявленія, которыя гласили, что каждому отправляющемуся на китайскій пріискъ предлагается возвратиться обратно, ибо на конечныхъ пунктахъ этого странствованія онъ будетъ задержанъ поставленными отъ войскъ кордонами и препровожденъ на мѣсто жительства. Это распоряженіе не привело, понятно, къ желаемому результату, а только нѣсколько уменьшило эмиграцію путемъ почтоваго передвиженія, такъ какъ болѣе догадливые стали брать подорожныя до ближайшихъ городовъ, а не до Покровки и Игнашиной, что стоило только нѣсколькими рублями дороже; съ такими подорожными они получали опять право на почтовыхъ лошадей, и уличить ихъ въ желаніи пробраться на китайскій пріискъ почтовая администрація не имѣла возможности; тѣ же, кто былъ попроще и имѣлъ средства, складывались

по нѣсколько человѣкъ и, купивъ лошадь, отправлялись на ней; немѣющіе же средствъ пробирались образомъ пѣшаго хожденія, результатомъ чего было ежедневное появленіе на приискѣ отъ 100 до 150 человѣкъ новыхъ промышленниковъ, ибо военныхъ кордоновъ, о которыхъ говорилось въ объявленіяхъ, на самомъ дѣлѣ на конечныхъ пунктахъ не было. Населеніе прииска къ декабрю возросло такимъ образомъ до 5,000 человѣкъ. Зимовья росли какъ грибы. Въ это время ихъ было болѣе 400 штукъ. Строились они правильной улицею, въ два ряда, у самого разрѣза. Впослѣдствіи эта улица получила названіе „Милліонной“, такъ какъ это мѣсто работъ оказалось однимъ если не изъ самыхъ богатыхъ, то по крайней мѣрѣ самыхъ выгодныхъ, потому что золото на этомъ пространствѣ около двухъ верстъ, тянулось правильной розсыпью, почему и шурфы, находившіеся здѣсь, были почти одинаковаго богатства, а этимъ достаткомъ низовье у Орлова поля не обладало: тамъ было видно присутствіе только гнѣздоваго золота. Явились сотни бѣглыхъ карійцевъ и цѣлая фаланга разнаго темнаго люда. Съ появленіемъ этихъ аферистовъ, игроковъ, шулеровъ и вообще всякаго пошиба туристовъ, пришедшихъ сюда ловить рыбу въ мутной водѣ, у насъ начали быстро строиться и необходимыя для ихъ операций учрежденія, какъ-то: гостинницы, кабаки, игорные дома; появился звѣринецъ и цѣлая труппа жонглеровъ, фокусниковъ, гимнастовъ, наѣздниковъ, два оркестра музыки и нѣсколько органовъ. Въ чемъ намъ могли позавидовать нѣкоторые, такъ это въ томъ, что у насъ существовало „официально“ маленькое Монте-Карло, которое, впрочемъ, попросту носило названіе „Читы“. Это было одно изъ обширнѣйшихъ и не въ примѣръ прочимъ приличное зданіе, въ которомъ находилось три комнаты. Въ первой изъ нихъ былъ буфетъ съ яствами и оркестръ, во второй — столовая для желающихъ поужинать (здѣсь задавали ужины по цѣнѣ, которой и самъ Борель позавидовалъ бы); третья же, которая была болѣе двухъ первыхъ комнатъ, представляла изъ себя арену, гдѣ состязались игроки. Въ этой комнатѣ игра производилась на двухъ столахъ; на одномъ изъ нихъ царствовалъ самъ „штось“, а на другомъ прекрасная рулетка. Однажды, подойдя къ первому изъ нихъ, я увидѣлъ, что по срединѣ него лежало, на подобіе небольшой пирамиды, фунтовъ около 30-ти золота, а вокругъ него весьма симметрично разложены были кредитные билеты, достоинствомъ отъ 100 и до 10 руб.; у стола помѣщалось человѣкъ пять банкометовъ съ картами въ рукахъ, всегда готовыхъ къ

услугамъ желающихъ сорвать этотъ завидный банкъ. На второмъ столѣ картина та же, только съ прибавленіемъ рулетки. Въ этомъ „Монте-Карло“ проигрывались большія деньги, и мнѣ самому приходилось видѣть, когда простой крестьянинъ ставилъ по 4,000 руб. на карту и, ничуть не смущаясь, проигрывалъ эту сумму, въ дѣйствительности представлявшую для него цѣлое богатство, на которое онъ могъ прекрасно обставить свое сельское хозяйство и прожить безбѣдно всю жизнь. Подъ неумолкаемую музыку, подъ вѣчный пиръ многіе, бросившіеся безотчетно въ этотъ омутъ разгульной, полной безразсудства жизни, забывали здѣсь все то, что было когда-то дорого и свято. Здѣсь каждый зналъ себя и думалъ только о себѣ. А между тѣмъ народъ все прибывалъ, пріискъ все больше населялся. Цѣны на необходимые предметы еще болѣе повысились, вслѣдствіе того, что спросъ съ каждымъ днемъ все усиливался, а предложеніе оставалось то же. Каждый день на пріискѣ совершались сперва кражи, затѣмъ появлялся грабежъ съ насиліемъ, наконецъ и убійства. Многіе несчастные, имѣвшіе всего по нѣскольку золотниковъ золота, покончили съ жизнію тамъ, гдѣ думали приобрести средства къ упроченію своего благосостоянія. Много такихъ труповъ, о которыхъ только смутно ходили слухи по пріиску, лежало по близости въ лѣсахъ, куда ихъ сносили и гдѣ они по долгому времени ждали появленія вѣчнаго жителя этихъ непроходимыхъ дебрей, звѣря, который по частямъ убиралъ эти непогребенныя тѣла. Пока не грянетъ громъ, до тѣхъ поръ и не перекрестится мужикъ. То же случилось и съ нами, калифорнійцами. Въ декабрѣ былъ убитъ, уже на самомъ пріискѣ, поваръ артели бѣжавшихъ ссыльно-каторжныхъ карійцевъ. Убійство, какъ видно изъ обстоятельствъ, было совершено съ цѣлью грабежа, такъ какъ у повара имѣлось около 50-ти золотниковъ золота, которыхъ при немъ не оказалось. Преступникъ покончилъ со своею жертвою небольшимъ 4-хъ фунтовымъ молоткомъ, найденнымъ тутъ же, у мѣста преступленія, и, какъ видно было по совершенно обезображенной головѣ убитаго, послѣдній долженъ былъ получить не менѣе 40 ударовъ этимъ инструментомъ, ибо вся голова была какъ бы вдавлена вовнутрь, а черепъ былъ разломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ такъ сильно, что изъ трещинъ его сочился мозгъ. Этотъ-то случай заставилъ придумать не только болѣе степенныхъ, но даже и тѣхъ, которые, увлекаясь разгульной жизнью, не имѣли возможности размышлять надъ печальными послѣдствіями царствовавшего произвола. Вѣсть объ этомъ звѣрскомъ престу-

плении быстро разнеслась по прииску, и почти каждый калифорниец шелъ туда, гдѣ лежало тѣло убитого, чтобы во-очію убѣдиться въ происшедшемъ и поговорить о мѣрахъ предупрежденія такихъ случаевъ. Въ это время на приискѣ было междуцарствіе, такъ какъ служившіе тогда старостами, поселенецъ Шадринъ и отставной солдатъ Оедоровъ, сбѣжали на русскую сторону, ибо были уличены въ лихоимствѣ по нѣкоторымъ дѣламъ. Въ виду этого произвести дознаніе по дѣлу убійства никто не рѣшался, потому что команда вся была въ такомъ наэлектризованномъ состояніи, что малѣйшая оплошность слѣдователя могла принести ему Богъ знаетъ какія неприятели. По этимъ-то причинамъ тѣло пролежало дней шесть, и въ это время команда рѣшила выбрать на приискѣ одно какое нибудь извѣстное лице, которое могло бы самостоятельно ввести дисциплину и порядокъ. Рѣшено было предоставить выбранному полную власть надъ всѣми, какъ находящимися въ Калифорніи, такъ и тѣми, которые будутъ находиться въ мѣстахъ, лежащихъ на китайской сторонѣ и примыкающихъ къ Желтугинскому прииску. Былъ назначенъ день, въ который собрались довѣренные отъ всей команды, и, послѣ многихъ преній, большинствомъ голосовъ былъ выбранъ я. На другой день депутаты, посланные отъ команды, явились ко мнѣ съ хлѣбомъ-солью и поздравленіемъ по случаю избранія моего въ первые правители Желтугинской, какъ они называли, республики. Не смотря на все нежеланіе мое принять на себя эту обязанность, я положительно не имѣлъ возможности представить имъ законной причины, на основаніи которой я могъ бы уклониться отъ этого званія, такъ какъ команда заранее соглашалась на всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ мною введены на приискѣ для охраненія спокойствія и порядка, обѣщая во всѣхъ случаяхъ оказывать полное содѣйствіе, въ отношеніи выполненія приказанія, какъ мнѣ, такъ и тѣмъ, которые будутъ признаны мною за достойныхъ помощниковъ. Выборъ помощниковъ я предоставилъ также всей командѣ и старался уговорить калифорнийцевъ сдѣлать общественную службу для избираемыхъ лицъ, въ матеріальномъ смыслѣ, нѣсколько интересною, назначивъ для этого помощникамъ жалованье. Я зналъ, что нужны будутъ средства, но сразу установить какіе либо налоги съ рабочаго на первое время мнѣ казалось рискованнымъ. Матеріальныя же средства, для введенія на приискѣ порядка, необходимы были въ значительныхъ размѣрахъ, а такъ какъ денежная поддержка со сто-

роны рабочихъ представляла много затрудненій, то мнѣ пришлось, по общему совѣту, за таковой обратиться исключительно къ торгующему элементу, при помощи котораго можно было достигнуть желаемаго результата простѣйшимъ способомъ. Только-что возникшему управленію выгоды и безопасности было имѣть дѣло съ лицами купеческаго сословія и при ихъ поддержкѣ существованіе здѣсь нашего новаго управленія было съ матеріальной стороны обезпечено. Затѣмъ осталось еще только одно — это укрѣпить имѣющее учредиться управленіе со стороны чисто формальной, т. е. заставить команду присягою и подписями признать существованіе и власть надъ собою какъ людей, ими выбранныхъ, такъ и правила, которыя будутъ этими людьми вводимы. Для того, чтобы успѣшнѣе совершить это, мы пришли къ заключенію, что составленный нами законъ не долженъ носить на себѣ по своей редакціи формально-сухой, канцелярскій характеръ. На этомъ-то основаніи законъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи носилъ на себѣ своеобразный, по контрасту съ исполнявшими его, характеръ. Онъ былъ исключительно основанъ „на добромъ словѣ“, которое многимъ калифорнійцамъ развѣ только памятно изъ воспоминаній ихъ дѣтства, проведеннаго въ колыбели, быть можетъ, на глазахъ любящихъ матерей, во всю же ихъ долгую послѣдующую жизнь, по разнымъ острогамъ и рудникамъ, этимъ несчастнымъ, кромѣ ругани тюремнаго смѣрителя и пицковъ конвойныхъ, не приходилось ничего слышать, вслѣдствіе чего, при введеніи такимъ образомъ составленнаго закона, мы рассчитывали достигнуть лучшихъ результатовъ. Прежде всего мы раздѣлили приискъ по числу зимовьевъ на пять участковъ (получившихъ впослѣдствіи названіе штатовъ), и предложили каждому участку, по обоюдному согласію находящихся въ немъ жителей, выбрать изъ своей среды на 4-хъ-мѣсячное служеніе двухъ старшинъ, предупредивъ при этомъ избравшихъ, что выборы должны быть совершены съ крайнею осторожностію, ибо каждый выбранный старшина станетъ въ будущемъ самостоятельно рѣшать всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ произойти между жителями выбравшаго его участка, и поэтому только люди извѣстные своею справедливостію и честностію имѣютъ право на положеніе, дающее имъ власть и возможность быть защитниками слабыхъ и поборниками правды. Для этого въ каждый участокъ была послана бумага, въ которой было написано приблизительно слѣдующее: „Мы, люди разныхъ званій,

поселившіеся самовольно на китайской сторонѣ для добычи золота, общимъ сходомъ отъ такого-то числа рѣшили установить на пріискѣ нашемъ, въ обезпеченіе безопасности, порядокъ и дисциплину, для чего и выбрали, на томъ сходѣ, большинствомъ голосовъ въ правители такого-то, отдавъ ему полную власть на расправу съ тѣми изъ среды нашей, которые за проступки свои заслужаютъ какое бы то ни было наказаніе. Такой-то участокъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, подтверждая своими подписями означенный выборъ, проситъ не отказаться принять эту обязанность и признать предъявителей сего такихъ-то на 4-хъ-мѣсячную общественную службу нашими старшинами“. Чрезъ нѣсколько дней пять такихъ экземпляровъ были возвращены мнѣ подписанными, а съ ними явились и помощники въ числѣ 10 человекъ (по два изъ участка), изъ которыхъ двое были китайцы, выбранные жившими на пріискѣ китайцами, образовавшими особые участки. Такъ сформировался совѣтъ правленія Амурской Калифорніи — изъ десяти человекъ старшинъ и одного правителя. Точно сообщить написанный законъ я не имѣю возможности, такъ какъ копіи у меня не сохранилось, и за внезапностью отъѣзда я не успѣлъ переписать его, а потому ограничусь сообщеніемъ только того, что еще сохранилось въ памяти. „Такого-то года, мѣсяца и числа, — говорилось въ желтугинскомъ статутѣ, — мы, артели и собственники вольныхъ промысловъ въ Амурской Калифорніи, памятуя слово, заповѣданное намъ нашимъ великимъ учителемъ Сыномъ Божиимъ и Господомъ Богомъ: „Люби ближняго своего, какъ самого себя,“ и слѣдуя этому христіанскому ученію, оставленному намъ въ святомъ Евангеліи, ведущемъ насъ къ миру и благостямъ жизни земной, спасенію и вѣчности въ царствіи небесномъ, дерзаемъ помощью Всевышняго, неотступно трудиться на пользу ближняго нашего, дабы совратившихся наставить на путь истинный и устранить этимъ самымъ негодныя Богу дѣла, совершаемыя многими, изъ среды нашей, заблудившимися во мракѣ прегрѣшеній и забывшихъ слова заповѣдей: „не убей“ и „не укради“. Обратившись съ теплою молитвой къ Господу нашему о неоставленіи насъ слабыхъ на трудномъ пути, предначертанномъ намъ, мы безпрекословно вѣримъ и отдаемся въ руки не какъ властолюбивымъ начальникамъ, а какъ достойнѣйшимъ изъ среды нашей и помнящимъ слово Божіе, учившее насъ правдѣ и справедливости, нашимъ выбраннымъ, что мы

подписями и мысленно присягой подтвердили, такіе-то". Затѣмъ написанное слѣдовало по пунктамъ.

1) Команда рѣшила выбранному правителю положить жалованье въ размѣрѣ такомъ-то, предоставивъ ему при этомъ право назначать по своему личному усмотрѣнію wybranнымъ старшинамъ ежемѣсячное вознагражденіе по степени ихъ заслугъ; средства же на пополненіе этихъ и прочихъ могущихъ быть расходовъ должны взиматься съ находящихся на приискѣ купцовъ, трактиросодержателей и кабатчиковъ въ размѣрѣ, который управленіе найдетъ нужнымъ установить.

2) Каждый, нанявшійся какъ на казенные, такъ и на частные промыслы, обязанъ озаботиться о своевременной явкѣ на нихъ, и тѣ изъ артелей и собственниковъ, у которыхъ такіа лица проживаютъ, должны не позже 1-го марта заявить объ этомъ участковому старшинѣ для высылки означенныхъ лицъ съ прииска и для препровожденія ихъ на мѣста службы.

3) Въ средѣ пришедшихъ сюда съ желаніемъ честно трудиться, чтобы имѣть возможность обезпечить въ будущемъ безбѣдное существованіе какъ самого себя, такъ и оставленной на родинѣ семьи, на приискѣ появилось много лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, скитающихся по кабакамъ и трактирамъ, ведущихъ постоянно нетрезвую жизнь и занимающихся нечестно игрою въ карты, что вредно отзывается по пагубному примѣру своему на общей массѣ рабочаго люда, а вслѣдствіе этого команда обязана для собственной пользы и спокойствія указывать управленію означенныхъ лицъ для высылки ихъ съ прииска.

4) Игра въ карты на одежду, инструментъ и припасы первой необходимости, а также приемъ означенныхъ предметовъ подъ залогъ, безусловно на приискѣ воспрещается подъ строгою отвѣтственностью, ибо многіе вслѣдствіе этого лишаются необходимаго и впадаютъ въ положеніе, заставляющее ихъ совершать преступленія.

5) Каждый, имѣющій на приискѣ какую либо торговлю, обязанъ вывѣсить у себя надъ зимовьемъ, по подписаніи сего чрезъ три дня, флагъ; тѣ же изъ торгующихъ, кои не сдѣлаютъ этого, будутъ оштрафованы въ пользу нуждъ желтугинской команды отъ 25-ти до 100 рублей.

6) При взиманіи пошлинъ за право торговли каждый торгующій обязанъ требовать отъ лица, уполномоченнаго на сборъ управленіемъ, квитанцію изъ имѣющейся у него для этого кви-

танціонной книжки за печатью управленія и подписью правителя, въ полученіи съ него пошлины; эта квитанція должна быть прибита на видномъ мѣстѣ принадлежащей ему лавки или вообще торговаго заведенія.

7) Каждая артель имѣетъ право подъ работы въ новомъ мѣстѣ выбить шурфъ, занимающій не болѣе одной квадратной сажени, съ тѣмъ, однако, чтобы къ борту этого шурфа можно было прирѣзать по $1\frac{1}{2}$ сажени съ каждой его стороны, если же разстояніе между работающими уже ямами не будетъ соответствовать этой мѣрѣ, то въ такомъ случаѣ закладка какой бы то ни было работы въ означенныхъ мѣстахъ на приискѣ строго воспрещается.

8) Въ виду того, что многіе прибывающіе сюда, не имѣя возможности подыскать себѣ, въ силу разныхъ причинъ, труда, находятся въ настоящее время въ крайне бѣдственномъ положеніи, управленіе, напоминая объ этихъ несчастныхъ командѣ, сообщаетъ, что имѣющіеся у нѣкоторыхъ артелей въ неопредѣленномъ количествѣ ямы, а также и пріямки, находящіяся по сіе время безъ производства на нихъ какихъ либо работъ, за неимѣніемъ у владѣльцевъ таковыхъ рабочей силы, а также и денежныхъ средствъ,—будутъ отданы для разработки пришедшимъ сюда честнымъ и трезвымъ труженикамъ, которые могли бы этимъ самымъ пріобрѣсти насущный кусокъ хлѣба и лишній грошъ для возвращенія обратно на родину. Объявляя объ этомъ командѣ и надѣясь на человеколюбіе русскаго человѣка, всегда сочувственно относившагося къ нуждамъ ближняго своего, управленіе начнетъ раздачу этихъ мѣстъ чрезъ 7 дней по подписаніи сего, а потому до этого срока предоставляется право всѣмъ артелямъ и собственникамъ, принадлежащимъ къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ неопредѣленное количество ямъ и пріямковъ, оставить за собою только тѣ мѣста, гдѣ уже производится работа: на девять человѣкъ двѣ запасныя ямы, на 18 человѣкъ четыре и на 27 шесть ямъ; всѣ же излишніе будутъ считаться общественнымъ достояніемъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ и будутъ раздаваться по мѣрѣ нужды разнымъ лицамъ.

9) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ вмѣняется въ обязанность явиться въ управленіе для прочтенія и подписанія означеннаго закона. Тѣ же изъ нихъ, которые по истеченіи трехъ дней со дня прибытія ихъ въ территорію Калифорніи, считающейся съ мѣста праваго берега Амура, лежащаго противъ русской станицы Покровки и внизъ по теченію до станицы Игнаши-

ной, не явятся для подписанія его, будутъ обвиняемы какъ нежелающіе подчиниться закону желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи.

10) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ воспрещается устанавливать на мѣстахъ, гдѣ производятся работы, всякія приспособленія, требующіяся для промывки золота, а указываются имъ для установки означенныхъ предметовъ свободныя мѣста, находящіяся у борта разрѣза производящихся работъ, потому что съ наступленіемъ тепла подработанное пространство, не выдержавъ тяжести наваленнаго на него промытаго песка, лежащаго у бутаръ и лоточныхъ тазовъ, должно будетъ завалиться, и вслѣдствіе этого, кромѣ матеріальнаго ущерба, принесетъ и несчастіе тѣмъ, которые будутъ находиться въ это время работающими въ шурфахъ.

11) Управление считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ находящіяся при немъ лица, отправляющія общественную службу, будутъ носить, какъ особо установленный знакъ, на лѣвомъ рукавѣ верхняго платья бляху съ вырѣзанными на ней буквами, указывающими: „старшина Амурской Калифорніи такого-то участка“, и что поэтому требованія каждаго явившагося безъ такого знака должны считаться недѣйствительными.

12) Заниматься продажей спиртныхъ напитковъ всѣмъ пріѣзжающимъ для временной торговли на присковой базаръ безусловно воспрещается подѣ отвѣтственности наложенія на означенный предметъ тройной пошлины или же, въ случаѣ несостоятельности, конфискаціи его. За продажу спиртныхъ напитковъ кѣмъ либо изъ постоянно торгующихъ на прискѣ безъ особо установленнаго разрѣшенія на то, виновный подвергается за каждую проданную бутылку водки въ первый разъ штрафу въ 25 руб., во второй—50 и въ 3-й—100 рублей.

13) Каждый собственникъ, а также и артель, обязаны во всякое время дня и ночи, по первому требованію явившагося старшины, дать ему въ помощь для возстановленія на прискѣ порядка и спокойствія столько человекъ, сколько потребуютъ обстоятельства. При наказаніи кого либо изъ совершившихъ преступленіе каждый житель Калифорніи обязанъ, въ видѣ общественной повинности, привести въ исполненіе приговоръ совѣта управленія или старшины надѣ обвиняемымъ, а также во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ управленіе найдетъ нужнымъ отдать кого либо изъ заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленія подѣ присмотръ какой либо артели или

собственника, съ соблюденіемъ при этомъ извѣстной очереди, они, не имѣя права отказаться отъ принятія подъ свое наблюденіе находящагося подъ слѣдствіемъ, отвѣчаютъ за побѣгъ его всею артелью подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Управление же съ своей стороны уплачиваетъ посуточно за содержаніе арестованнаго по одному рублю тѣмъ лицамъ, на отвѣтственность которыхъ онъ будетъ сданъ.

14) За всякое преступленіе, совершенное кѣмъ либо на территоріи Амурской Калифорніи, виновные подвергаются, какъ самому легкому наказанію, высылкѣ съ пріиска безъ права возвращенія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, смотря по крѣпости здоровья обвиненнаго, тѣлесному наказанію, однако, не свыше 500 ударовъ розгами. Убіиство же всякое будетъ наказываемо по закону Моисееву, то-есть „око-за-око“, и виновный въ этомъ случаѣ подвергается смертной казни тѣмъ путемъ, который былъ имъ приимѣненъ къ своей жертвѣ.

15) Каждый старшина, во всѣхъ могущихъ произойти случаяхъ въ выбравшемъ его участкѣ, полновластно распоряжается и присуждаетъ, безъ участія совѣта и правленія, наказаніе, не превышающее 100 ударовъ и обязанъ во всѣхъ такихъ случаяхъ сообщать правителю ежедневно въ часы доклада объ общемъ спокойствіи и благополучіи на пріискѣ. Всякое присужденное наказаніе приводится въ исполненіе немедленно и не позже какъ чрезъ 24 часа съ момента приговора.

16) Закону желтугинскихъ вольныхъ промышленниковъ подчиняются всѣ, безъ изыятія сословій, національностей и подданства, пришедшіе въ Амурскую Калифорнію, и исключеніе въ отношеніи наказаній, примѣнимыхъ къ нимъ, представляютъ только лица, несущія общественную службу по выбору, которыя за противозаконныя проступки будутъ подлежать суду совѣта правленія, и отрѣшенные уже отъ носимаго званія предаются вновь суду на общемъ основаніи со всѣми его примѣненіями.

17) До свѣдѣнія каждого доводится, что за продажу фальшиваго золота, за ношеніе на себѣ, безъ законнаго на то права, установленнаго для служащихъ правленія знака и за вымогательство при этомъ, какъ бы отъ лица правленія, какихъ либо пошлинъ, недоимокъ и т. п. виновные подвергаются тѣлесному наказанію въ размѣрѣ 500 ударовъ терновникомъ.

18) Въ виду того, что въ послѣднее время нѣкоторые изъ промышленниковъ позволяютъ себѣ производить на пріискѣ стрѣльбу изъ имѣющагося у нихъ оружія, что можетъ повести за собою

случайныя несчастія, правленіе объявляетъ, что стрѣльба, во всякое время дня и ночи, безъ законныхъ причинъ, строго воспрещается, а также за ношеніе при себѣ какого либо оружія въ нетрезвомъ видѣ виновный будетъ строго наказанъ.

19) Мы, такіе-то, принося искреннюю благодарность командѣ за оказанное намъ довѣріе, принимаемъ на себя возложенныя по ея волѣ обязанности и клянемся именемъ Бога исполнять ихъ по чистой совѣсти и правдѣ.

20) Что означенные здѣсь правители и старшины выбраны нами по нашей доброй волѣ и собственному желанію, въ томъ мы ниже подписями удостовѣряемъ и обязуемся относиться къ нимъ съ почетомъ, а тѣ изъ насъ, которые не сдержатъ этого слова, должны будутъ, какъ нарушители порядка и обидчики тѣхъ лицъ, которымъ команда довѣрилась, какъ честнымъ и справедливымъ охранителямъ ея безопасности и спокойствія на пріискѣ, строго наказаны.

Законъ этотъ былъ написанъ въ пяти экземплярахъ и розданъ на руки старшинамъ, изъ которыхъ каждый, собравъ въ своемъ участкѣ довѣренныхъ отъ артелей и собственниковъ, прочитывалъ его имъ; послѣ этого уставъ утверждался подписями, а по подписаніи былъ возвращенъ въ правленіе и скрѣпленъ печатью, какъ получившій право примѣненія въ территоріи Амурской Калифорніи.

Съ первыхъ же дней утвержденія совѣта правленія многими думавшимъ, что съ нимъ можно будетъ шутить, пришлось плохо, и можно сказать, что первые двѣ недѣли могли бы по справедливости назваться временемъ страшной порки непокорныхъ калифорнійцевъ. Не было дня, въ который бы не происходило нѣсколькихъ примѣровъ тѣлеснаго наказанія. Масса кражъ и мелкихъ преступленій, проходившихъ до сего времени незамѣтно, стали выплывать сами по себѣ наружу. Сѣкли ежедневно и за воровство, и за мужеложство, и за половое сношеніе съ нѣкоторыми домашними животными, принадлежащими къ женскому роду, словомъ, сѣкли съ утра и до вечера за всякій проступокъ, и только послѣ такого воздѣйствія со стороны старшинъ втеченіе почти двухъ недѣль на любителей до чужой собственности и до сильныхъ ощущеній, они нѣсколько уgomонились. Вѣсть о строгомъ наказаніи за каждый проступокъ быстро разнеслась по Амурской, Забайкальской и Иркутской областямъ, а вслѣдствіе этого и торговое сословіе, видя нѣкоторое обезпеченіе въ отношеніи без-

опасности, стало, подталкиваемое желаніем легкой наживы, появляться на приискѣ, и втеченіе самаго короткаго времени число постоянныхъ торговцевъ дошло до 300 человекъ, да, кромѣ того, ежедневно появлялось на приисковой базарѣ множество временныхъ торговцевъ, привозившихъ изъ Забайкалья мясо и изъ ближайшихъ станицъ и селеній разные предметы.

Особенно оживленную и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальную картину представлялъ нашъ базаръ въ дни привоза, что было всегда по субботамъ. Обширная ледяная площадь разукрашивалась всевозможными флагами, запруженная густою толпою разношерстнаго люда, снующаго отъ воза къ возу, отъ палатки къ палаткѣ; шумъ, говоръ, играніе нѣсколькихъ шарманокъ, воспроизводившихъ безостановочно какія-то допотопныя аріи, подъ звукъ которыхъ показывались въ балаганѣ, тутъ же устроенномъ, фокусы; недалеко отъ этого мѣста, оградивъ канатомъ небольшое пространство, какой-то татаринъ, на сѣрой лошади, показывалъ зрителямъ высшую школу верховой ѣзды; около него же пріютилась довольно солидная по объему желѣзная клѣтка на колесахъ, въ которой помѣщалась пойманная въ Приморской области тигрица, завезенная сюда по дорогѣ въ Россію; тутъ же расположилась на коврѣ, подъ открытымъ небомъ, труппа странствующихъ гимнастовъ, которые, не смотря на сильные морозы, продѣлывали разныя эволюціи; одѣтые въ легкое трико, они только во время антрактовъ позволяли себѣ закутываться въ бараньи шубы. Кромѣ этихъ увеселительныхъ зрѣлищъ, на базарѣ находилось еще нѣсколько балагановъ, гдѣ производился розыгрышъ разныхъ предметовъ. Прибавимъ для полноты картины еще присутствіе среди этой толпы нѣсколькихъ десятковъ верблюдовъ, привезшихъ сюда мясо и расхаживающихъ по базару на свободѣ, въ ожиданіи, когда хозяева ихъ распродадутъ привезенный товаръ.

Торгующій элементъ несъ пошлину въ размѣрѣ 10% на всѣ товары, за исключеніемъ мяса и сухарей; съ торгующихъ же спиртными напитками оптомъ взималось 25%; трактирные же содержатели, кабатчики, а также и всѣ торгующіе этимъ предметомъ въ розницу, совмѣстно съ увеселительными заведеніями, платили 20% съ общей валовой ежемѣсячной торговли. Въ самомъ началѣ было учреждено правильное полученіе въ Калифорніи съ русской стороны корреспонденціи. Затѣмъ, управленіемъ былъ учрежденъ лазаретъ, который, въ виду появившагося на приискѣ значительнаго числа больныхъ, былъ крайне необходимъ.

Лазаретъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи представлялъ изъ себя обширное зданіе, не отличавшееся ничѣмъ особеннымъ по скромной виѣшности своей отъ цѣлой массы окружавшихъ его зимовьевъ. Все зданіе внутри было раздѣлено на четыре отдѣленія довольно толстыми и плотными бревенчатыми перегородками, возведенными до потолка. Обширнѣйшее изъ нихъ представляло изъ себя палату для больныхъ, въ которой помѣщалось 15 деревянныхъ неподвижныхъ коекъ, на которыхъ былъ, вмѣсто матрацовъ, мягкій войлокъ, сложенный въ два ряда, накрывавшійся бѣлой простыней, парусинныя подушки, набитыя соломой, на которыя одѣвались ситцевыя чехлы, и байковое одѣяло. Изъ трехъ остальныхъ отдѣленій, одно представляло изъ себя аптеку, другое было предназначено для приѣма приходящихъ за совѣтами больныхъ, наконецъ послѣднее отдѣленіе помѣщало въ себѣ больничную прислугу и кухню. Больные, поступавшіе въ лазаретъ, пользовались безвозмездно, на общественный счетъ, присмотромъ за ними лазаретнаго врача, принадлежащую госпиталю аптекою, уходомъ и попеченіемъ больничной прислуги и, съ разрѣшенія врача, полнымъ продовольствіемъ, состоящимъ изъ утренняго чая, завтрака, обѣда, не болѣе какъ изъ трехъ блюдъ, и вечерняго чая (къ чаю полагался бѣлый хлѣбъ). Такое содержаніе каждаго больного пансіонера обходилось лазарету въ сложности до 5 рублей въ день, что при полномъ комплектѣ на 15 человекъ (а онъ былъ съ перваго дня открытія полнымъ) составляло въ мѣсяцъ 2,250 рублей. Если принять во вниманіе, что расходъ, производимый на содержаніе лазарета, былъ только однимъ изъ многихъ, дѣлаемыхъ ежемѣсячно управленіемъ, то весьма естественно, что увеличить это благое учрежденіе и этимъ самымъ сдѣлать его еще болѣе удовлетворяющимъ нуждамъ всего населенія, не было возможности, а потому имѣвшіяся въ немъ 15 пансіонерскихъ коекъ были розданы наиболѣе нужнымъ и наитяжелѣйшимъ больнымъ. Къ послѣднимъ относились тѣ изъ калифорнійцевъ, которые были одержимы цынгою и тифомъ. Въ особенности была распространена цынга.

Такъ открыла свою дѣятельность выбранная администрація, и въ самомъ началѣ случилось одно обстоятельство, которое укрѣпило за нею еще большую компетентность. Китайское правительство прекрасно знало о нашемъ пребываніи на его территории. Для него не была также секретомъ и цѣль присутствія этихъ непрошенныхъ гостей. Айгунскій амбанъ не разъ обращался къ амурскому губернатору съ официальными бумагами,

которыя носили въ себѣ характеръ просьбы на счетъ того, чтобы, въ виду дружескихъ отношеній, существующихъ между двумя имперіями, ему, амбаню, было оказано содѣйствіе въ той степени, въ какой оно ему понадобится, для выселенія русскихъ подданныхъ, явившихся самовольно на китайскую сторону. По полученіи отвѣта на эту бумагу, онъ увидѣлъ, что амурскій губернаторъ ровно ничего не знаетъ о пребываніи русскихъ подданныхъ на китайской сторонѣ и что какое нибудь вмѣшательство въ это дѣло русскихъ властей онъ считаетъ для себя неудобнымъ и даже невозможнымъ, какъ не соответствующее заключенному трактату, добавивъ при томъ, что всѣ, если таковыя имѣются, перешедшіе безъ разрѣшенія властей границу, вполнѣ подлежатъ отвѣтственности по закону той страны, гдѣ они находятся, а потому и китайскому правительству въ этомъ случаѣ предоставляется полная самостоятельность по выселенію этихъ дезертировъ тѣмъ способомъ, который оно найдетъ для себя необходимымъ. По полученіи такого неожиданнаго отвѣта, айгунскій амбанъ попалъ въ очень затруднительное положеніе: самостоятельность дѣйствій, предоставленная ему амурскимъ губернаторомъ въ отношеніи насъ, ставила этого правителя въ крайне безвыходное и смѣшное положеніе, такъ какъ, обращаясь съ вышесказанной просьбой къ русскимъ властямъ, онъ прекрасно сознавалъ свое безсиліе въ дѣлѣ защиты принадлежащей его правительству границы. Безвыходность обстоятельствъ китайскаго правителя происходила главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: Амурскую Калифорнію отдѣляетъ отъ Айгуна 500-верстный густой лѣсъ (тайга), по которому нѣтъ возможности предположить передвиженіе какого нибудь даже незначительнаго отряда, въ лѣтнее время по непроходимости болотъ, а въ зимнее по глубинѣ снѣга. Такимъ образомъ, если бы китайское правительство и имѣло возможность немедленно отправить значительный по численности отрядъ, могущій противостоять толпѣ, дошедшей до солидныхъ размѣровъ 7,000, то и тогда указанныя мною выше обстоятельства сдѣлали бы его совершенно бесполезнымъ, по крайней мѣрѣ, до открытія амурской навигаціи, когда передвиженіе оказалось бы возможнымъ на лодкахъ. Чтобы избавиться отъ неудобнаго положенія и устранить отъ себя могущую явиться отвѣтственность за послѣдствія, амбанъ послалъ къ намъ чиновника-топографа, пріѣхавшаго въ станицу Игнашину по русской подорожной. Топографъ этотъ, при помощи данныхъ ему 2-хъ рабочихъ изъ китайской команды,

опредѣлили мѣстоположеніе пріиска; снялъ съ него планъ, выпилъ власть и, взявъ въ знакъ признательности 2 фунта золота, по окончаніи возложеннаго на него порученія, въ хорошемъ расположеніи духа и добромъ здравіи, отправился обратно на русскую сторону. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что мѣсто, нами занятое, оказалось по съемкѣ принадлежащимъ вѣдѣнію не айгунскаго амбана, а совершенно другого, резиденція котораго находилась верстъ на 300 южнѣе Калифорніи, въ „большомъ городѣ“, лежащемъ по китайскому тракту, тянущемуся отъ Цици-Кара-Цурухутуя на Аргунь, а потому объ этой оказіи дано было знать сему губернатору.

Амбанъ „большаго города“, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, узнавъ о нашемъ присутствіи на территоріи, находящейся подъ его вѣдѣніемъ, послѣ долгихъ размышленій, отправилъ къ намъ отрядъ манегровъ, состоявшій изъ 36 человекъ всадниковъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями. Прибытіе этого-то отряда, расположившагося по берегу Амура напротивъ Игнашиной, и заставило калифорнійцевъ претерпѣвать нѣкотораго рода безпокойство, ибо численность его передавалась въ крайне преувеличенномъ видѣ, и если вспомнить, что у страха глаза велики, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на пріискѣ являлись въ первый же день такіе молодцы, которые, по ихъ словамъ, проѣздомъ изъ Игнашиной на пріискъ замѣтили, что въ пришедшемъ отрядѣ будетъ, пожалуй, болѣе за 1,000 человекъ. Командиръ китайскаго отряда, узнавъ, что на пріискѣ есть правитель, обратился въ Игнашинѣ къ нѣкоторымъ съ просьбою устроить ему свиданіе со мной, для чего и былъ на пріискѣ посланъ нарочный при запискѣ, гдѣ говорилось о желаніи китайскаго полковника. По полученіи приглашенія, я сталъ немедленно собираться къ отъѣзду, а старшинамъ поручилъ дѣйствовать на команду успокоительно, увѣривъ ее, что худаго намъ ничего не сдѣлаютъ. Увѣщеваніе это было тѣмъ болѣе необходимо ужъ потому, что многіе, напуганные появленіемъ китайскаго отряда, старались продавать за безцѣнокъ имущество и поскорѣе уѣзжать въ Игнашину; въ общемъ же можно было замѣтить, что масса была въ воинственномъ настроеніи, и помѣряться силою съ китайцами, въ случаѣ какого либо сопротивленія, охотниковъ было бы немало.

По пріѣздѣ въ станицу, я засталъ китайскаго командира въ одной изъ казачьихъ избъ. При немъ находились личный адъютантъ и переводчикъ, а также человекъ 10 нижнихъ чиновъ. Переговоры, послѣ представленія и первыхъ привѣтствій, начались съ

того, что онъ предложилъ мнѣ дать росписку въ томъ, что я выйду къ условленному сроку съ китайской границы, мотивируя при этомъ свое желаніе тѣмъ, что, по его мнѣнію, съ моимъ отъѣздомъ, какъ начальника поселившихся, они должны будутъ также немедленно перекочевать за мною на русскую сторону. Послѣ долгихъ увѣреній, что подобная росписка не будетъ имѣть силы въ виду того, что начальство мое не пожизненное, а потому я могу быть завтра же смѣненъ, и въ этомъ случаѣ выѣздъ мой изъ китайской границы не будетъ имѣть того значенія, какое г. полковникъ хотѣлъ бы ему приписать, я убѣдилъ его отказаться отъ этого желанія за бесполезностью его. Затѣмъ на вопросы: много ли на приискѣ населенія? сколько какого оружія?—я отвѣтилъ для пущей остроты, что населеніе возрасло до 11,000 человекъ и оружія на приискѣ имѣется 6,000 берданокъ, 1,000 охотничьихъ ружей да 3,000 револьверовъ и масса холоднаго оружія.

Свѣдѣнія эти, преувеличенныя мною до невѣроятности, были, какъ я замѣтилъ, сейчасъ же записаны въ книжку китайскимъ адъютантомъ, вѣроятно, для доклада кому слѣдуетъ. Послѣ этого сообщенія полковникъ спросилъ тономъ, болѣе рѣзкимъ, чѣмъ онъ говорилъ со мною ранѣе, не найду ли я удобнымъ дать ему возможность осмотрѣть самое мѣсто работъ, и, получивъ на это мое согласіе, спросилъ, можетъ ли онъ ѣхать со всею свитою. Увѣривъ его, что появленіе всего отряда и тѣмъ болѣе вооруженнаго можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на массу, я убѣдилъ китайскихъ представителей положиться на меня и ѣхать, не боясь ничего, безъ оружія, ибо мы всѣ до того времени, пока китайскія власти не сдѣлаютъ намъ ничего дурнаго, только скромные работники. По приѣздѣ на приискъ, китайскій полковникъ не пожелалъ отправиться осматривать мѣсто работъ и, удовольствовавшись обзорѣніемъ всего прииска съ возвышенности, на другой день уѣхалъ обратно въ лагерь и сталъ собираться въ обратный путь. Въ это время въ Игнашиной былъ проѣздомъ изъ Хабаровки забайкальскій губернаторъ Барабашъ, съ которымъ китайскіе чиновники хотѣли повидаться, но не были послѣднимъ приняты, а потому и поѣхали на родину съ нерадостными вѣстями. Этотъ-то благополучный исходъ нѣсколько ободрилъ все населеніе прииска, которое, хотя и смутно, но, всетаки, начало сознать полное безсиліе китайскихъ властей. Дѣло наше, по своему счастливому положенію, стало принимать характеръ недавняго прошлаго, когда былъ отрѣзанъ Муравьевымъ и самый Амуръ, а потому мы не

могли отказаться от надежды сделаться первыми русскими колонизаторами могущей прирваться территории, и для скорейшаго осуществления такой мысли мы рѣшили придать нашему пребыванію на Желтугѣ характеръ утвердившейся осѣдлости. Въ виду этого управленіе предполагало послать на общественный счетъ поисковую партію для изслѣдованія падей, прилежащихъ со всѣхъ сторонъ къ прииску, и по нахожденіи золота послать въ каждую изъ такихъ мѣстностей по двѣ тысячи человѣкъ, для того, чтобы такимъ образомъ занять какъ можно большее пространство. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ было объявлено приисковымъ капиталистамъ, что если они захотятъ на свой собственный счетъ и рискъ отправить, помимо партій отъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, еще и свои собственные, и если таковыми партіями будутъ найдены золотосодержащія россыпи, то открывателямъ таковыхъ предоставляется временное право на владѣніе поземельной собственностію, что дастъ имъ возможность начать работы правильнымъ открытымъ разрѣзомъ, для скорѣйшаго возвращенія тѣхъ расходовъ, которые они понесутъ при сооруженіи партіи. При этомъ было поставлено на видъ, что какъ мѣста, открытыя партіями вольныхъ промышленниковъ, такъ и тѣ, которыя будутъ найдены партіями добровольцевъ, подчиняются всѣ безъ исключенія утвержденному такого-то числа, мѣсяца и года, вольными промышленниками на рѣчкѣ Желтугѣ, закону Амурской Калифорніи со всѣми его послѣдствіями и будутъ находиться подъ вѣдѣніемъ одного правителя, чрезъ посредство особыхъ намѣстниковъ, выбранныхъ большинствомъ голосовъ изъ среды населенія вновь образовавшагося стана, путемъ тѣхъ условій, которыя примѣнялись въ этомъ случаѣ при выборѣ главнаго правителя и состава перваго совѣта управленія, отъ котораго и будутъ исходить распоряженія, могущія встрѣтиться во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся пространства, нами занятаго и безъ исключенія причисленнаго къ Амурской Калифорніи. Въ это время въ Хабаровкѣ на съѣздѣ представителей власти разсматривался, между прочими вопросами, касающимися края, и вопросъ о полезности или бесполезности нашего золотопромышленнаго дѣла и тѣхъ началъ, на которыхъ оно существуетъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ о результатѣ переговоровъ между правителями трехъ областей и его помощниками,—были слѣдующія: существованіе Калифорніи рѣшено въ смыслѣ одобрительномъ, какъ средство, возвышающее матеріальное благосостояніе населенія, а потому и золото, добы-

ваемое на томъ же пріискѣ и вывезенное на русскую сторону, не будетъ конфисковаться, какъ хищническое, которое добывается за границую, и, кромѣ того, въ виду слуховъ, что золото продается нами, за недостаткомъ покупателей, по крайне убыточной для насъ цѣнѣ, т. е. по 3 руб. за золотникъ, и что вслѣдствіе этого мы чувствуемъ большую нужду въ кредитномъ рублѣ, рѣшено было назначить въ Игнашину, для ознакомленія съ нашимъ дѣломъ, одного представителя власти, которому поручено было предпринять мѣры, могущія избавить насъ отъ этого критическаго положенія, путемъ покупки золота по установленной цѣнѣ. На сколько всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія были вѣрны, я не могу поручиться, но мы имъ довѣрялись, а потому и не могли не радоваться тому положенію, которое принимало наше дѣло отъ благосклоннаго на него взгляда людей, имѣвшихъ, по своему положенію, для него значеніе. Такъ или иначе, но послѣ сказаннаго мною выше рѣшенія, мы, всетаки, избавились отъ того несчастія, которому многіе вышедшіе на русскую сторону для сбыта накопленныхъ крохъ подвергались, попадаясь такимъ субъектамъ, какъ бывший читинскій полицеймейстеръ Мельниковъ, который имѣлъ на пріискѣ приближеннаго человѣка, доносившаго исправно о каждомъ слѣдовавшемъ чрезъ Читую вольномъ промышленникѣ. Къ несчастію, этотъ приближенный человѣкъ успѣлъ во время избѣгнуть того строгаго наказанія, которому онъ подвергся бы за шпіонство. Мельниковъ, какъ передавали потерпѣвшіе, напавъ на свою жертву, поступалъ такимъ образомъ. Обыскавъ проѣзжающаго чрезъ Читую вольнаго промышленника и отнявъ все имѣющееся у него золото, онъ отправлялся къ себѣ на квартиру, взвѣшивалъ его тамъ и составлялъ протоколъ по поводу этого событія. Когда же таковой преподносился для подписанія промышленнику, то тотъ съ ужасомъ замѣчалъ, что въ протоколѣ Мельниковъ краснорѣчиво ратуетъ о конфискаціи въ пользу правительства, вмѣсто отнятыхъ въ дѣйствительности 5-ти фунтовъ, только одного фунта, изъ котораго ему подлежитъ получить въ силу закона за рвеніе по 1½ руб. за каждый золотникъ. Прошло еще нѣсколько времени, которое мы, въ ожиданіи, „что вотъ пріѣдетъ баринъ,—баринъ насъ разсудитъ“, продолжали жить въ тѣхъ же грязныхъ, удупливыхъ зимовьяхъ. Пріѣхалъ баринъ, присмотрѣлся къ дѣлу, да и сталъ намъ въ обязанность вмѣнять такія условія: рѣшилъ, что мы обязаны ему отдавать золото по 3 р. 40 коп. за золотникъ, а для того, чтобы мы не могли обойти воли барина, начальство распорядилось по-

*

ставить гдѣ слѣдуетъ казачьи пикеты, указывавшіе намъ дорогу къ барскому сундуку. Такое вмѣшательство заставило калифорнійцевъ бросить золотопромышленность, и втеченіе самаго короткаго времени 7,000 толпа золотоискателей уменьшилась до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о сибирской Калифорніи мы въ свое время подѣлились съ читателями „Вост. Обзор.“ новыми, присланными нашимъ амурскимъ корреспондентомъ. Въ виду этого въ настоящее время мы передадимъ ихъ вкратцѣ, отсылая интересующихся подробностями лицъ къ № 11 „Вост. Обзор.“ По газетамъ всѣмъ было извѣстно, что китайскими войсками сожжены постройки въ Калифорніи и оттуда всѣ ушли; на самомъ же дѣлѣ движеніе туда никогда не останавливалось. Правда, осенью м. г., по окончаніи работъ, Калифорнія на половину опустѣла, но съ тѣмъ, чтобы вновь подняться зимой, когда замерзнуть рѣки и откроется сообщеніе. Оно такъ и случилось. Движеніе продолжается непрерывно втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Мѣсяцъ тому назадъ въ Калифорніи насчитывали до 5 тысячъ человѣкъ. Если движеніе такъ же будетъ продолжаться, какъ и теперь, то къ концу зимы тамъ будетъ гораздо больше. Хотя въ числѣ жаждущихъ золота немало русскихъ, но въ общемъ числѣ манджуръ ихъ незамѣтно. Шестіе послѣднихъ ради курьеза называютъ новымъ нашествіемъ монголовъ.

„По слухамъ, администрація Забайкальской области рѣшила не пропускать своихъ транспортовъ. Для Амурской области такое запрещеніе не имѣетъ силы, такъ какъ отсюда везти положительно нечего. Слѣдовательно, китайцамъ нетрудно будетъ выморить Калифорнію голодомъ, но дѣло въ томъ, что голодная толпа не пойдетъ обратно пустынной китайской стороною, а заселеннымъ русскимъ берегомъ. Въ Благовѣщенскѣ наплывъ современныхъ монголовъ былъ громаденъ. Само собою, усилились грабежи. Былъ убитъ и ограбленъ священникъ; много сдѣлано мелкихъ кражъ, и въ особенности поплатились наши хозяйки, которымъ волей-неволей приходилось дѣлиться съ неожиданными гостями разнаго рода припасами и снѣдью. Голодные „пріискатели“, понуждаемые отчаяніемъ, при случаѣ готовы на все. И сколько драмъ, сколько раздирающихъ душу сценъ дало это пресловутое движеніе въ Калифорнію, а начавшіеся морозы, какъ бы въ довершеніе картины, то тамъ, то сямъ бросаютъ трупы несчастныхъ въ укоръ живымъ.

„Не жажда наживы гонитъ теперь толпы рабочихъ въ Калифорнію, но малѣйшая возможность имѣть хлѣбъ и заглушить муки

голода. А народившіеся тучами кулаки потирають руки и предлагають сухари *только по 18 рублей за пудъ*.

„Осенью по всѣмъ пролегающимъ къ Калифорніи тропамъ образовалась охота на выходящихъ съ золотомъ. Большое число труповъ и пропавшихъ безъ вѣсти приводитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. По слухамъ, внутри самой Калифорніи держится порядокъ; тамъ образовалось свое управленіе и введенъ свой судъ и расправа противъ преступленій. Прошлымъ лѣтомъ судъ старшинъ приговорилъ 5 сахалинцевъ къ повѣшенію за убійство семейства пріискателей. На возвышенности былъ устроенъ эшафотъ, наскоро придѣланы петли. Двухъ повѣсили; перваго пришлось перевѣшивать по случаю обрыва петли. Остальныхъ простили; однако судъ приговорилъ дать имъ по 1,000 ударовъ розгами. Потомъ порѣшили сбавить, согласно просьбѣ зрителей наказанья, до 500. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Вѣроятно, не остались живы, потому что слава о розгахъ Калифорніи велика. Ходятъ слухи, что отъ команды „на ледъ“,—такъ формулировали пріискатели сѣченіе розгами,—не были избавлены и нѣкоторые изъ мѣстныхъ авантюристовъ, которыхъ увлекла въ Калифорнію страсть къ наживѣ. Рассказываютъ, что фотографъ Штейнъ снялъ фотографію въ то время, когда производилась экзекуція. У самой скамьи стоитъ одинъ изъ недавно уволенныхъ исправниковъ Забайкальской области (нѣкто Письменовъ, исключенный изъ службы барономъ Корфомъ; Письменовъ нашелъ мѣсто въ Желтугѣ въ качествѣ администратора изъ второстепенныхъ). Недалеко на холмѣ красуется висѣлица. Картина сугубо поучительная, не правда ли?

„На китайской сторонѣ поставлены пикеты пограничной китайской стражи. Китайская пограничная стража, или такъ называемые „манегри“, весьма быстро освоилась съ своими обязанностями и преисправно обираетъ своихъ собратьевъ за право прохода въ Калифорнію. Налогъ, впрочемъ, милостивый: по пятаку съ рыла. Осенью отборное войско изъ манегровъ отправилось въ лодкахъ въ Калифорнію, но изъ ихъ рвенія ничего не вышло. Имъ удалось сжечь три, четыре никому ненужныхъ зимовишекъ. Вообще, первый походъ не далъ лавръ побѣдителямъ. Теперь собирается второй, въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Черезъ Албазинъ идетъ до 200 конныхъ манегровъ. Но гораздо больше идетъ съ Аргуни. Всѣхъ китайскихъ войскъ, говорятъ, будетъ 1,000 человекъ.

„Станица Игнашина бойко торговала съ Желтугой. Флаги у гостинницъ, харчевень и частныхъ домовъ напоминали о чемъ-то не-

обыкновенномъ для захудалой станицы, по волѣ случая сдѣлавшейся станицей Желтуги. Всѣ ждали разрѣшенія подвоза провизіи въ Калифорнію и готовили запасы, надѣясь зашибить деньгу. Прошелъ слухъ объ открытіи новой Калифорніи на Аргуни въ пади, называемой Араканомъ, на сто верстъ выше Покровки. Слухъ оказался фактомъ. На Аргуни уже работаютъ до 800 человекъ. Золото оказалось богатое по содержанію, но низкопробное—80-й пробы, на видъ грязное, почти черное. Артель въ десять человекъ намываетъ до 250 золотниковъ въ день.

„Разрѣшеніе о подвозѣ продовольствія было получено въ Горбицѣ 16-го декабря. Съ этого времени движеніе транспортовъ шло непрерывно, и никто изъ торговцевъ не обращалъ никакого вниманія на дѣйствія китайцевъ, которые уже гнали рабочихъ съ Аракана.

„Числа пятого января въ Стрѣтенскѣ стали говорить, что Калифорніи конецъ. Ходила масса разсказовъ объ убійствахъ по дорогамъ и въ самой Желтугѣ. Ъхать по тракту считалось опаснымъ и совѣтовали обождать, пока поуляжется. Придерживаясь пословицы: „не всякому слуху вѣрь“, я отправился изъ Стрѣтенска на почтовыхъ въ тотъ же день, рассчитывая воспользоваться случаемъ проѣхать всѣмъ извѣстные „Грѣхи“ безъ задержки (7-ю смертными грѣхами называются 7 амурскихъ станцій). До станціи Соболиной не встрѣчалось ни одного желтугинца, но съ Соболиной стали попадаться группы русскихъ и отдѣльно—китайцы. Здѣсь я узналъ, что китайскія войска, выгнавъ всѣхъ съ Аргуни, предложили рабочимъ выйти изъ Калифорніи втеченіе 4 дней, потомъ срокъ былъ продолженъ до 6. Въ первые дни вышли наиболѣе благоразумные русскіе и китайцы. Китайцы не ждали пошады и бросились изъ Желтуги какъ угорѣлые. Одно напоминаніе о „кантами“ (кантами—отрубить голову) приводило ихъ въ бѣгство. Русскіе рабочіе, не зная ничего о намѣреніяхъ китайцевъ и опасаясь рѣзни въ одиночку, вышли толпой подъ предводительствомъ старшины. Впереди несли знамя съ надписью: „Мы, Александръ III“, которое сопровождали три горниста, игравшіе какой-то хитрый маршъ. Китайскіе рабочіе сначала тоже шли толпой съ знаменемъ, но потомъ разбѣжались по дорогамъ, горамъ и лѣсамъ. Такъ какъ русскіе вышли со стороны Амазара, а китайскія войска вошли въ Желтугу съ противоположной стороны, то встрѣчи не произошло. Когда аргунскій отрядъ китайскихъ войскъ присоединился къ желтугинскому, русскіе рабочіе и китайцы снова пошли работать на Аргунь. Теперь ихъ тамъ свыше 800. Вверхъ

по Шилкѣ бѣжали самые * безпомощные. Встрѣчавшіеся китайцы, гонимые паническимъ страхомъ, съ отмороженными до костей носами и щеками, вызывали сожалѣніе у самыхъ жестокихъ. Случайно пойманныхъ китайскіе солдаты убивали безпощадно, самымъ варварскимъ способомъ: кололи тупыми пиками, рубили тупыми шашками, топтали лошадьми, стрѣляли и пр. И все это безобразіе происходило безразлично — *какъ на русскомъ берегу, такъ и на китайскомъ*, пока русскіе рабочіе сами не положили предѣла варварству китайскихъ воиновъ, способныхъ рѣзать своихъ собратьевъ какъ барановъ. Наглость китайскихъ солдатъ простиралась до того, что они открыто гонялись за своими по улицамъ Амазара и Игнашиной, обыскивали обывательскія избы, лазали въ подполья и кололи несчастныхъ на глазахъ всѣхъ. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Увидѣвъ, что китайцы поймали трехъ своихъ желтугинцевъ и уже начали приступать къ варварской казни, русскіе рабочіе приняли ихъ въ колья и обратили въ бѣгство, а пріискателей спрятали.

„Одинъ казакъ ѣхалъ по Амуру съ пустыми санями и наѣхалъ на казнь. Недолго думая, схватилъ китайца за шиворотъ, бросилъ въ сани и драло. Двадцать манегри бросились въ погоню. Казакъ добѣжалъ до перваго зимовья, гдѣ стояли русскіе рабочіе, и втолкнулъ помертвѣвшаго отъ ужаса пріискателя. Манегри за нимъ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: русскіе съ крикомъ и гамомъ и съ голыми кулаками бросились на конницу и обратили ее въ постыдное бѣгство. Всѣ вышли положительно нищими, безъ всякой надежды на будущее. Нѣкоторые бросились на пріиски съ предложеніемъ взять ихъ только за харчи. Даже бѣжавшіе съ пріисковъ 6 лѣтъ тому назадъ должники — и тѣ явились съ предложеніемъ отработать долгъ.

— „Ну, паря, велика у тя харя, а ума ни на грошъ. Прежде въ Желтугѣ шампанское пили, а теперь мокай, паря, сухарь въ Шилку, — утѣшаль пріискатель своего товарища, тщетно проклинавшего судьбу.

„Большое число русскихъ рабочихъ осталось въ Игнашиной и въ Покровкѣ. Они думаютъ снова идти въ Калифорнію. Да, пожалуй, имъ и нѣтъ инаго выхода, такъ какъ нѣтъ ни хлѣба, ни одежды, и заработковъ никакихъ. Въ Покровкѣ и Игнашиной небывалая дешевизна хлѣба и мяса по случаю подвоза въ Желтугу, но жаль — покупать его не на что. Эту зиму въ Желтугѣ водки не пили, тоже потому, что денегъ нѣтъ и кабатчики въ плохихъ

душахъ. Корейцы и сахалинцы отступили за хребетъ на китайской сторонѣ и расположились лагеремъ въ ожиданіи ухода китайскихъ войскъ. Они ограбили торговцевъ, не успѣвшихъ вывезти своихъ товаровъ. Русскіе рабочіе предложили купцамъ оставить даромъ запасъ продовольствія для больныхъ русскихъ и китайцевъ, которые не въ состояніи выйти изъ Желтуги; тамъ осталось больныхъ: 20 китайцевъ и 30 русскихъ. Запасы были спрятаны на случай прихода войска. Въ Желтугѣ въ это время было 300 домовъ, *гостинный дворъ*, бани съ номерами, харчевни, склады и гостинницы.

„6-го или 7-го января отрядъ манегри отправился съ порученіемъ сжечь Желтугу, что и было исполнено въ точности. При этомъ двадцати китайцамъ были отрублены головы, *а нѣкоторыхъ русскихъ наказали ударами бамбука*. Сѣченіе головъ,—азбука китайскаго уголовного кодекса,—*надело панику по всей границѣ*. Дорогой я встрѣтилъ на льду Амура семь труповъ съ отрубленными головами и руками и поджаренныхъ на костръ. По Шилкѣ и Аргуни находятъ много труповъ замерзшихъ китайцевъ и русскихъ. Большинство китайцевъ идутъ внизъ по Амуру. Масса ихъ спряталась въ горахъ, около станицы Свербеевой, на нашей сторонѣ. Отсюда идутъ по одиночкѣ и питаются милостыней. Положеніе ихъ ужасно. Одинъ видъ ихъ доводитъ до слезъ. Никакіе нервы не выдержатъ, когда полузамерзшій китаецъ на колѣняхъ проситъ у васъ „кушая“ съ рыданіемъ, или, вѣрнѣе, съ дикимъ воплемъ вмѣсто словъ.

„Внутри самой Калифорніи относительный порядокъ никогда не нарушался. Грабежи и убійства, если и были, то только по прилегающимъ дорогамъ. Всѣ жители Калифорніи раздѣлялись въ послѣднее время на три квартала подъ управленіемъ трехъ старшинъ. У каторжныхъ былъ свой старшина, у китайцевъ—тоже. Желтуга, какъ случайный опытъ народнаго самоуправства,—явленіе чрезвычайно интересное, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ желтугинскіе законы, которые къ концу Калифорніи явились уже въ иномъ видѣ. Эти законы есть продуктъ двухлѣтней практики населенія Желтуги. Первоначально они были кратки и жестоки, затѣмъ дополнялись и смягчались, и наконецъ отъ нихъ повѣяло гражданскимъ благоустройствомъ“ *).

*) Мы получили послѣдніе желтугинскіе законы въ подлинникѣ и можемъ засвидѣтельствовать, что они дѣйствительно гуманнѣе первыхъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИТАЛЬЯНЦА СОМЬЕ ПО СИБИРИ.

Маршрутъ итальянца Сомье. — Тюмень и ея происхождение. — Тюменскіе татары. — Колоніи бухарцевъ. — Привиллегіи ихъ. — Туралінскіе татары. — Разногласіе этнографовъ о первобытныхъ обитателяхъ Сибири. — Чудь. — Древности Сибири и мнѣніе объ нихъ Сомье. — Остяки и вогулы. — Сношенія сибирскихъ племенъ съ Средней Азіей. — Завоеваніе Сибири и описаніе Искера. — Иртышъ, стирающій остатки городка. — Древніе предметы, находимые на Искерѣ. — Монгольскій черепъ, открытый въ раскопкахъ. — Административное значеніе Тобольска. — Его мостовыя и экипажи. — Общество Тобольска. — Мнѣніе Гмелина о тобольскомъ весельѣ. — Посѣщеніе татарскаго семейства. — Гостепріимство рыбопромышленниковъ. — Ссылные. — Описаніе Иртыша. — Путь до Самарова. — Флора близъ Самарова. — Лѣса. — Фауна. — Плодовитость бѣлки. — Ловушки. — Обь и ея берега. — Плаванье и комары какъ одно изъ мученій, достойное Дантова ада. — Жилища и одежды остяковъ. — Березовъ и его жители. — Климатъ сѣвера. — Зыряне. — Остяцкія жилища, остяцкій музыкальный инструментъ и пляска. — Танецъ медвѣдя. — Остяцкія представленія въ маскахъ. — Выѣздъ изъ Березова. — Пустозерскія юрты. — Посѣщеніе остяцкихъ кладбищъ. — Похищеніе череповъ. — Остяцкій чумъ. — Потребленіе сырой рыбы. — Обвинородчиваніе русскихъ на сѣверѣ. — Шоминскія юрты. — Посѣщеніе остяцкаго князя. — Угощеніе водкой. — Остяцкая откровенность. — Дальнѣйшее странствіе. — Дороги на сѣверѣ. — Измѣренія остяковъ. — Остяцкое святилище и идолы. — Взглядъ Сомье на вѣрованія остяковъ. — Мужевская гора. — Долина Оби. — Теорія о древесной растительности. — Попытка подняться по Войкару. — Древніе чудскіе городки. — Самоѣдское вліяніе. — Встрѣча съ баржей рыбопромышленниковъ. — Испорченная рыба. — Пріѣздъ въ Обдорскъ и привѣтствіе путника собаками.

Недавно вышло описаніе путешествія итальянца Стефана Сомье „Un estate in Sibiria fra Ostiacchi, Samoiedie, Tataři, Kirguisi et Baskiri. Roma. 1885“ (Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами, киргизами и башкирами. Римъ. 1885). Такъ какъ объемистая книга эта съ прекрасными иллюстраціями не доступна многимъ русскимъ читателямъ, а также не удастся ознакомиться съ нею и большинству сибиряковъ, то мы рѣшили въ извлеченіяхъ познакомить съ ея содержаніемъ. Что придаетъ особенный интересъ книгѣ Сомье, это—то, что авторъ принадлежитъ къ людямъ съ солиднымъ образованіемъ; будучи специалистомъ ботаникомъ, онъ обладаетъ этнографическими и антропологическими познаніями. Поэтому его замѣчанія носятъ пѣнный ученый харак-

теръ. Какъ видно, онъ ознакомился предварительно съ географической и этнографической ученой литературой о краѣ; поэтому страна возбуждаетъ въ немъ живой интересъ, и онъ умѣетъ уловить ея характерныя отличія. Начнемъ съ маршрута путешественника.

Стефанъ Сомье, выѣхавшій изъ Москвы 21—9 іюня 1880 года, на пути къ цѣли своего первоначальнаго путешествія—въ бассейнъ р. Оби, весьма ненадолго останавливался въ попадавшихся русскихъ городахъ, какъ Нижній, Пермь и др.,—поэтому его отзывы о нихъ отличаются краткостью. Путешествіе по той части Волги, гдѣ еще и теперь обитаютъ остатки, нѣкогда господствовавшихъ здѣсь, финскихъ племенъ, дало путешественнику поводъ къ нѣкоторымъ этнографическимъ замѣчаніямъ. Такъ онъ говоритъ о сліяніи финскихъ племенъ съ русскими, о чувашахъ, мордвѣ, черемисахъ, о населеніи татарскомъ и проч. Пребываніе въ Тагилѣ, гдѣ путешественникъ хотѣлъ найти переводчика, дало поводъ упомянуть о значительной степени вліянія на русское населеніе племени вогуловъ, живущаго недалеко отъ Тагила, которые, по мнѣнію Малліева (отч. о вогульск. экспед. 1873) и Альквиста (*Unter Vogulen und Ostjaken*, 1883), представляютъ большое сходство съ остяками по своимъ физическимъ свойствамъ, по сходству въ одеждѣ, жилищахъ, языкѣ и пр.

О Тюмени, первомъ, встрѣтившемся въ предѣлахъ Сибири, городѣ, Сомье распространяется уже подробности. Поэтому мы и начнемъ извлеченіе и передачу его путешествія съ этого пункта. Тюмень, находящаяся въ концѣ сѣти судоходныхъ рѣкъ, соединенныхъ между собой и обтекающихъ почти всю Западную Сибирь, занимаетъ видное торговое положеніе. Путешественникъ не преминулъ указать и на ея историческое значеніе. Извѣстно, что это былъ татарскій городъ Чинги-Тура. Слово Тюмень значитъ десять тысячъ. Городъ Тюмень, основанный въ XIII в., былъ столицей Сибирскаго царства до перенесенія послѣдней въ Искеръ. Въ 1586 году воевода Сукинъ положилъ основаніе русской Тюмени, недалеко отъ которой и теперь еще виднѣются остатки татарскихъ укрѣпленій. Въ первыя времена утвержденія русскихъ въ Сибири Тюмень была важнымъ военнымъ пунктомъ при частыхъ столкновеніяхъ съ инородцами. Еще во времена Гмелина она была укрѣплена и окружена деревянными палисадами. Татары, живущіе теперь въ окрестностяхъ Тюмени, называемые туралинскими, представляютъ одну изъ наиболѣе многочисленныхъ вѣтвей сибирскихъ татаръ. Хотя они частію крещены, но ихъ вѣро-

ванія представляютъ странную смѣсь христіанства съ магометанствомъ, такъ же, какъ ихъ языкъ—смѣсь тюрко-монгольскаго яз. съ русскимъ и вогульскимъ. Христіанство не пустило глубокихъ корней среди нихъ отчасти и вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ вводилось. Посреди татарскаго населенія встрѣчаются также колоніи бухарцевъ, не смѣшивавшіяся съ окружающими татарами до 1834 г., когда были уничтожены привилегіи, позволявшія имъ жить до того времени почти изолированной кастой. Татары тобольскіе — вѣтвь туралинскихъ—отличаются болѣею преданностью исламу. Въ настоящее время въ нихъ нѣтъ и слѣда прежнихъ воинственныхъ инстинктовъ; теперь они мирные земледѣльцы и пастухи, и въ особенности отличаются честностью. Упомянувъ въ 3-й главѣ о разногласіи, существующемъ между этнографами, относительно первобытныхъ обитателей Западной Сибири, Сомье говоритъ, что имя „чудь“, которое давалось этимъ древнимъ обитателямъ, имѣетъ, вѣроятно, собирательное, а не генерическое значеніе, и указываетъ на значительное сходство различныхъ бронзовыхъ предметовъ сибирскихъ кургановъ съ тѣми, которые находятъ въ древнихъ некрополяхъ сѣверной и центральной частей Европейской Россіи. Это показываетъ на родство или, по крайней мѣрѣ, на торговые сношенія, существовавшія между обоими народами. Говоря вообще, древнія могилы и крѣпости, приписываемыя чуди, вѣрнѣе всего принадлежатъ разнымъ племенамъ и даже разнымъ эпохамъ. За древнею чудью обитателями Западной Сибири являются остяки и вогулы. Невозможно рѣшить, были ли они выродившеюся чудью или какими нибудь новыми завоевателями. Изъ русскихъ лѣтописей видно, что пермяки и зыряне имѣли сношенія съ Зауральемъ еще до Ермака; предприимчивые волжскіе болгары тоже являлись сюда для торговли еще въ XIV в., какъ указываетъ арабскій географъ Бакуа. Бухарцы также посѣщали эти страны еще до Ермака. *) По всей вѣроятности, въ концѣ XIII в. вогулы и остяки (югра) были завоеваны татарами. Еще Plano Carpini упоминаетъ о первомъ движеніи татаръ на сѣверъ Сибири. Далѣе, упоминая кратко о сношеніяхъ Новгорода съ Югорской землей, авторъ рассказываетъ о завоеваніяхъ Ермака, о первыхъ

*) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Marco Polo видно, что въ XIII в. эти страны были извѣстны и въ тѣхъ восточныхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ. Страденбергъ говоритъ, что во время завоеванія у остяковъ было отнято много предметовъ, вывезенныхъ изъ странъ, въ которыхъ искусство и промышленность стояли, повидимому, на болѣе высокой степени.

дняхъ Тобольска и объ усиліяхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей хотя нѣсколько дисциплинировать въ первое время жизнь казаковъ, упоминаетъ о древнемъ Искерѣ, находящемся въ 19 в. отъ Тобольска, на правомъ берегу Иртыша. Мѣсто это теперь заросло кедровникомъ. М. С. Знаменскій, въ своемъ описаніи древняго Искера, говоритъ, что онъ нашелъ тамъ остатки превосходно обожженныхъ кирпичей, нѣкоторые съ разными украшеніями, и доказываетъ, что татарскія постройки не были въ это время такъ грубы, какъ это полагаютъ. О пространствѣ древняго Искера нельзя составить себѣ понятія, потому что Иртышъ унесъ уже значительную часть его. На основаніи карты, составленной 50 л. тому назадъ, видно, что Иртышъ отмылъ за эти 50 л. уже 30 метровъ берега. Теперь мѣсто, окруженное валомъ, простирается на 40 мет. отъ берега, и скоро исчезнуть и послѣдніе слѣды древняго города. Сомье, благодаря любезности г. Знаменскаго, познакомился съ различнымъ оружіемъ изъ кости и желѣза, найденнымъ послѣднимъ близъ древняго Искера; это оружіе можетъ дать понятіе о сопротивленіи, которое туземцы могли оказать казакамъ Ермака. Кромѣ желѣзныхъ, бронзовыхъ и костяныхъ стрѣлъ тутъ были другіе предметы: костяные топоры, кольца отъ кольчугъ, обломки глиняныхъ сосудовъ, шилья, частью костяныя, частью желѣзныя, костяныя ложки, обломки рыболовныхъ снарядовъ; кромѣ того, разные остатки ѣды: лошадиныя, оленьи, птичьи и рыбы кости. Г. Знаменскій полагаетъ даже, что онъ нашелъ шашки для шахматной игры, занесенныя, очевидно, съ востока. Даже встрѣчаются стрѣлы изъ отесаннаго камня. Также г. Знаменскій подарилъ Сомье черепъ, найденный имъ на этомъ мѣстѣ и представляющій рѣзкія монгольскія черты. Это показываетъ, что между тогдашними татарами были чистые монголы. О современномъ Тобольскѣ Сомье говоритъ довольно много и прилагаетъ даже 3 прекрасные вида города. Сообщивъ краткую административную исторію города и замѣтивъ, что его значеніе, въ торговомъ и въ административномъ отношеніи, упало и еще, навѣрное, болѣе упадетъ въ будущемъ, упоминаетъ о ссыльныхъ шведахъ и полякахъ, сдѣлавшихъ немало хорошаго для города (особенно замѣчательны Stralenberg, Bernh. Müller), упоминаетъ далѣе о тобольской грязи, скверныхъ мостовыхъ, удивляется, какъ искусно извозчики привыкли дѣлать зигзаги, объѣзжая ужасныя дыры на деревянныхъ мостовыхъ, даже ночью, при царствующемъ повсюду глубокомъ мракѣ; цѣлыхъ полстраницы посвящаетъ описанію „странныхъ“ тобольскихъ извозчи-

чьих экипажей. „Неприятное чувство недовѣрія“ возбудила въ немъ масса тобольскаго населенія, состоящая изъ уголовного ссыльнаго элемента. Говоря объ общихъ условіяхъ жизни въ Тобольскѣ, авторъ замѣчаетъ: „изъ совокупности всѣхъ условій этого города слѣдуетъ заключить, что жизнь въ немъ не должна быть очень пріятной“. Но, всетаки, тамъ есть общество, состоящее изъ чиновниковъ, купцовъ, политическихъ ссыльныхъ, есть клубъ, есть публичный садъ, гдѣ авторъ слышалъ „убійственную“ (scellerata) музыку, гимназія, при ней бібліотека—„все это дѣлаетъ изъ него одно изъ наиболѣе приспособленныхъ мѣстъ для житія въ Сибири“,— замѣчаетъ авторъ, знакомый послѣ Тобольска только съ такими захолустными пунктами, какъ Березовъ, Обдорскъ и т. п. Гмелинъ, еще 150 лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ, какъ плясали, играли, пили и ѣли въ этомъ веселомъ городѣ, такъ что „тому, кто находитъ свое лучшее удовольствіе *inter rosula*, было бы здѣсь лучше, чѣмъ въ какомъ угодно другомъ мѣстѣ земнаго шара“. Благодаря исправнику, авторъ проникъ въ Тобольскѣ даже въ „святое святыхъ“ одного татарскаго дома; при этомъ очень забавно описано положеніе хозяина, не желающаго показывать своихъ женъ, но при томъ боящагося исправника. Въ Тобольскѣ авторъ запасся различными дешевыми вещами, особенно любимыми инородцами, но водки не взялъ; отъ тобольскаго губернатора (по распоряженію министра) получилъ открытый листъ ко всѣмъ властямъ Тобольской губерніи. И всѣ эти власти дѣйствительно являлись ему въ полной формѣ и предлагали свои услуги.

„Эта вѣжливость властей относительно иностранцевъ,—замѣчаетъ Сомѣ,—засвидѣтельствована всѣми, путешествовавшими въ отдаленныхъ частяхъ имперіи“. Къ сожалѣнію, Сомѣ не испыталъ вдобавокъ „блестящаго гостепріимства богатыхъ сибирскихъ купцовъ“; зато впослѣдствіи онъ почти ежедневно пользовался гостепріимствомъ обскихъ рыбопромышленниковъ, „и почти всегда находилъ среди нихъ сердечный пріемъ, сопровождаемый той любовью и тѣмъ неизмѣннымъ добродушіемъ, которое свойственно русскимъ всѣхъ классовъ и которое дѣлаетъ изъ нихъ одинъ изъ наиболѣе общительныхъ и пріятныхъ народовъ, какіе только существуютъ“.

Изъ Тобольска Сомѣ отправился 16—4 іюля на сѣверъ.

О ссыльныхъ путешественникъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Сибиряки,—говоритъ авторъ,—не питаютъ къ ссыльнымъ недовѣрія и презрѣнія, но обращаются съ ними „братски, какъ я самъ могъ

въ этомъ убѣдиться“. Но ему знакомо и противоположное мнѣніе (Niemojowsky, *Siberian pictures*, Лондонъ, 1883); онъ объясняетъ „суровое мнѣніе о сибирякахъ“ тѣмъ, что Немойовскому лично пришлось много потерпѣть въ Восточной Сибири; Сомѣ же на Оби не встрѣчалъ ничего подобнаго. „Сибирь велика,—заключаетъ онъ,—и то, что справеливо для одного округа (*didtretto*), можетъ не быть таковымъ для другаго“. Говоря затѣмъ объ Иртышѣ, Сомѣ приводитъ сначала чрезвычайно граціозное описаніе его, принадлежащее Кастрену; но на него самого Иртышъ вовсе не произвелъ подобнаго впечатлѣнія. „Нужно сознаться,—говоритъ онъ,—что Кастрень написалъ эту страницу въ день оптимистическаго настроенія (*in un giorno di ottimismo*)“, и объясняетъ это тѣмъ, что Кастрень писалъ это въ самомъ началѣ своего путешествія, „когда и историческія воспоминанія, и новизна, и оригинальность пути въ остояцкой лодкѣ придавали большую прелесть этой рѣкѣ въ его глазахъ“. „Человѣкъ видитъ всегда вѣншній міръ сквозь призму своихъ собственныхъ чувствъ“. Что касается меня,—говоритъ далѣе Сомѣ,—„то я не нашелъ ничего въ Иртышѣ, даже той импозантной массы воды, которая оправдывала бы энтузіазмъ Кастрена“. Плаваніе на пароходѣ отъ Тобольска до Самарова, лежащаго недалеко отъ слиянія Иртыша съ Обью, продолжалось два дня и одну ночь. На всемъ протяженіи берега почти постоянно представляютъ одинъ и тотъ же однообразный видъ и мало интересны; они напоминали Сомѣ Волгу; по нимъ тянулись лѣса, дѣвственные, но мало грандіозные. „Стволы деревъ, вырванныхъ водой, опрокинулись въ воду; мало пастбищъ и обработанныхъ полей. Когда приближаешься къ берегу, видишь подъ елями, соснами, березами, ивами, среди высокой травы большое количество растений съ большими, розовыми, синими и желтыми цвѣтами. Встрѣчается немного селеній на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго, одни съ мечетями, другія съ русскими церквями“. Обращаясь къ своимъ спутникамъ на пароходѣ, Сомѣ замѣчаетъ, что русскіе плохо оправдываютъ сложившуюся о нихъ въ Европѣ репутацію людей, знающихъ всѣ языки. Въ Сибири не только богатые купцы, но даже высшіе чиновники, не знаютъ ни одного иностраннаго языка. Здѣсь онъ, кстати, упоминаетъ о затрудненіи, бывшемъ у него при разговорѣ (безъ переводчика) съ тобольскимъ губернаторомъ. „Если ужъ губернаторъ,—говоритъ онъ,—не знаетъ иныхъ языковъ, кромѣ русскаго, то ужъ простые-то исправники и подавно“. Впрочемъ, на пароходѣ онъ встрѣтилъ

людей, говорящих по-французски. Далѣ, онъ вкратцѣ упоминаетъ объ исторіи Демьянска, о весеннихъ разливахъ Оби, о Самаровѣ, гдѣ его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ, выручилъ В. Т. Земцевъ, обязательно предложивъ ему довольно удобную лодку для плаванія по Оби. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Земцевъ оказалъ много услугъ экспедиціи Финша, за что и получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена бременскаго географическаго общества, которымъ онъ очень гордится. Лично Сомье онъ очень понравился. Хотя Сомье весьма торопился, но по причинѣ сильнаго вѣтра не могъ въ тотъ же день оставить Самарова и отъ нечего дѣлать отправился ботанизировать по окрестностямъ; встрѣтилъ обыкновенныя сибирскія хвойныя деревья; сибирская пихта отличается, по его мнѣнію, отъ итальянской меньшей длиной вѣтвей и поэтому имѣетъ болѣе правильный видъ.

Растительность измѣняется мало по всему теченію Оби, до самаго устья; только немногія растенія исчезаютъ къ сѣверу, еще меньше появляется новыхъ. Тропинокъ въ окрестностяхъ Самарова очень мало, и онѣ идутъ очень недалеко внутрь страны. Обь и зимой и лѣтомъ служитъ единственной большой дорогой. Окрестныя лѣса совершенно непроходимы, и во внутренности ихъ еще никогда не бывала нога европейца. Лѣса эти обитаемы обыкновенной фауной сѣверной Сибири—лѣсными оленями, медвѣдями и др.; есть много сѣрой бѣлки, разновидности обыкновенной европейской бѣлки, извѣстной подъ именемъ *petit-gris*. Шкурки этой бѣлки инородцы употребляютъ какъ монету*). Въ окрестныхъ лѣсахъ встрѣчается множество самыхъ примитивныхъ ловушекъ и капкановъ для разныхъ звѣрей и птицъ. Эти ловушки одинаковы по всему теченію Оби и одинаково употребляются какъ остяками и самоѣдами, такъ и русскими. Главный промыселъ жителей Самарова — рыбная ловля. Мѣстные рыбаки обращаютъ вниманіе только на тѣ породы рыбъ, свойства и цѣнность которыхъ имъ хорошо извѣстны, и бросаютъ тѣ, съ которыми они не познако-

*) Вогулы словомъ *lin* обозначаютъ и бѣлку, и копѣйку, такъ что 100 *lin* (съ прибавленіемъ слова «денегъ») означаетъ одинъ рубль, такъ какъ стоимость бѣлки теперь не выше одной копѣйки. Въ 1847 году, какъ говоритъ Гофманъ, бѣлка стоила 5 или 6 коп., по Финшу 10—15 коп. Бѣлка размножается весьма быстро: каждый мѣсяцъ она приноситъ 10—15 дѣтенышей, которые черезъ мѣсяцъ сами уже могутъ приносить. Баръ вычислилъ, что одна пара въ десять лѣтъ можетъ принести 3,486,784,400 паръ.

мились путемъ традиціи. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, многія породы остаются совершенно неизвѣстны изслѣдователямъ, такъ какъ они получаютъ свои указанія отъ рыбаковъ. Такъ онъ самъ встрѣчалъ одну рыбу очень странной формы, которая совсѣмъ не указана у Финша; это была *Cottus* или *C. dobio* или *C. Duadricorius*. Перваго Гоффманъ нашелъ въ одной рѣкѣ сѣвернаго Урала, а втораго Шмидтъ въ Енисеѣ. Въ Оби Соме нашелъ какую-то рыбу *lobai*, которой тоже нѣтъ у Финша; можетъ быть—*labagi* Финша. Далѣе авторъ упоминаетъ о породахъ рыбъ, встрѣчающихся обыкновенно въ Оби, о сезонѣ ловли, о „мертвой водѣ“, дѣлаетъ замѣчаніе о размѣрахъ поверхности Оби (3,445,000 квадратныхъ километровъ), объ общей длинѣ ея и притоковъ, удобныхъ для судоходства (15,000 квадр. километровъ). Замѣчательно, что окрестная низменность только на нѣсколько футовъ выше поверхности рѣки, и что вообще вся эта часть страны очень невысока надъ уровнемъ моря, такъ что легкаго повышенія уровня воды въ океанѣ достаточно для затопленія всей этой обширной равнины. Извѣстно, что отъ праваго берега сибирскихъ рѣкъ вода ежегодно отмываетъ нѣкоторую часть, на которой обыкновенно растутъ деревья, которыя частью уносятся въ океанъ, часть остаются у противоположнаго низменнаго берега или образуютъ острова; эти отложенія (*depositi*), называемыя туземцами ноевщиной (*legno i Noé*), иногда очень удалены отъ дѣйствительныхъ береговъ; по нимъ иногда можно указать, гдѣ протекала рѣка въ древнѣйшее время. Это показываетъ, съ одной стороны, что дѣло разрушенія, производимое сибирскими рѣками, продолжается съ очень отдаленнаго времени; съ другой—что сибирскій континентъ медленно повышается.

На стр. 143-й Соме перечисляетъ всѣхъ путешественниковъ по нижнему теченію Оби. Здѣсь мы видимъ имена такихъ лицъ, какъ Зуевъ, Эрманъ, Гофманъ, Даль, Финшъ, Поляковъ, Кастрень, Альквистъ и друг., что показываетъ, какъ тщательно Соме изучилъ литературу путешествій на сѣверѣ.

Главнѣйшею цѣлью нашего путешественника было изученіе флоры и туземцевъ. Зуевъ собиралъ растенія только въ тундрѣ на широтѣ Обдорска; ботаническій матеріалъ, собранный экспедиціей Финша, неполонъ и не можетъ дать понятія о флорѣ береговъ нижней Оби. Другихъ свѣдѣній о флорѣ этихъ мѣстностей не имѣется. Этотъ-то пробѣлъ между флорой уральской и болѣе извѣстной енисейской предстоитъ восполнить. Что касается туземцевъ,

Бр. Янфюевы.

Самоѣдка (рис. М. С. Знаменскаго).
Donna Samoida (изъ соч. Сомье).

то если о самоѣдахъ имѣются хотя скудныя свѣдѣнія, зато надѣ остяками не сдѣлано никакихъ антропологическихъ наблюдений: Альквистъ, Кастренъ и др. занимались болѣе языкомъ, обычаями и религіей *). Существующія карты этихъ странъ очень несовершенны и неточны. У Соме была карта, изданная русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1848 г., другая, имѣ же изданная въ 1880 г., специальная карта низовьевъ Оби Вальдбурга-Цейля и карта сѣверныхъ береговъ Сибири, изданная въ 1876 году гидрографическимъ департаментомъ морскаго министерства. „Проѣзжая по этимъ странамъ, легко отмѣтить большія неточности въ каждой изъ этихъ картъ“,—говоритъ путешественникъ. Сдѣлавъ это отступленіе, авторъ продолжаетъ описывать свое путешествіе изъ Самарова до Кондинскаго монастыря. На этомъ пространствѣ находится 5 селъ и 8 деревушекъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ юртъ **).

Во время плаванія комары, о которыхъ итальянскіе комары „не могутъ дать никакого понятія“, составляли для Соме положительно бичъ Божій; немало мѣста посвящаетъ онъ описанію страданій, которыя они причиняли ему: никакъ нельзя было отъ нихъ скрыться: неумолимый врагъ всегда находилъ какое нибудь проникаемое мѣсто на всякихъ покрывалахъ, чтобы достигнуть своимъ жаломъ до самой кожи. „Навѣрно, замѣчаетъ путешественникъ, если бы Данте путешествовалъ по Сибири, то изъ комаровъ онъ сдѣлалъ бы новую казнь для своихъ преступниковъ.“ Комары сильно препятствовали ботаническимъ экскурсіямъ: отъ нихъ онъ выпадалъ „въ какое-то бѣшенство и болѣе ничего не видѣлъ и не понималъ“ и стремглавъ бѣжалъ къ лодкѣ. Всѣ путешественники единодушны въ жалобахъ на этихъ насѣкомыхъ. Кромѣ комаровъ (*Culet pipens*), въ этихъ мѣстахъ водятся еще мошки (*Bibio sanguinarius*), укушеніе коихъ не менѣе непріятно. Другихъ же насѣкомыхъ почти совсѣмъ не видно на Оби; есть только поденки (до Березова). „Вообще насѣкомыя представляютъ въ этихъ странахъ ту же характерную черту, какъ и высшія живот-

*) Авторъ обѣщаетъ дать подробный отчетъ о своихъ антропологическихъ наблюденіяхъ, который долженъ появиться въ Archivio per l'Antropologia e la Etnologia профессора Mantegazza.

**) Слово «юрта» татарскаго происхожденія; остяки называютъ подобныя жилища kort или kurt, откуда, по словамъ доктора Альквиста, слово юрта. Кромѣ того, на низовьяхъ Оби остяки называютъ юрту rokol. Kort же, по видимому, происходитъ отъ зырянскаго gort.

ныя и растенія: число индивидовъ громадно, но количество разновидностей совершенно ничтожно“. До Сухоруковскихъ юртъ ни одна изъ посѣщенныхъ авторомъ деревушекъ не была остяцкой; только эта послѣдняя оказалась вполне инородческой. Деревушка всего въ нѣсколько юртъ, состоящихъ изъ единственной небольшой квадратной комнаты со стѣнками и потолкомъ изъ березовой коры; въ срединѣ четырехугольное пространство, окруженное досчечками, служитъ очагомъ; отверстіе въ срединѣ потолка назначено для выхода дыма. Вдоль стѣнъ идутъ доски, немного приподнятыя надъ поломъ, въ видѣ скамей, какъ въ новѣйшихъ татарскихъ и финскихъ домахъ и какъ бывало также въ домахъ древнихъ финновъ. Эти доски, на которыхъ постланы покрывала отъ комаровъ, служатъ кроватями для всего семейства. Окна этихъ домиковъ нельзя открывать, такъ что внутри царствуетъ отвратительный запахъ. Нельзя сказать, чтобы это былъ специальный остяцкій запахъ: онъ находится въ равной степени во многихъ подобныхъ домахъ русскихъ рыбаковъ. Подлѣ юртъ въ остяцкихъ деревняхъ есть пристройки, состоящія изъ четырехъ кольевъ съ горизонтальной крышкою изъ вѣтвей, высотой въ ростъ человѣка; такія же строенія авторъ встрѣчалъ у лопарей. Какъ у этихъ послѣднихъ, такъ и у остяковъ, они служатъ защитой отъ непогоды для коровъ, лошадей, а также для храненія сухой рыбы. Въ Сухоруковскихъ юртахъ авторъ въ первый разъ увидѣлъ характерные остяцкіе костюмы. Остячки носятъ рубашку изъ грубой ткани, приготовленной изъ волоконъ крапивы. Прямой воротникъ этой рубашки и двѣ широкія полосы вдоль разрѣза ворота на груди вышиты разноцвѣтнымъ бисеромъ и украшены металлическими пуговицами. На подолѣ, какъ и на рукавахъ, нашиты ярко-цвѣтныя полосы, желтыя, синія, красныя. Поверхъ этой рубахи иногда надѣвають другую изъ европейской бумажной ткани, тоже яркихъ цвѣтовъ. Подъ рубашкой кожаный поясъ называемый *voğır* въ родѣ *vingulum pudicitiae*, опоясывающій бедра; къ нему пришита полоса, проходящая между ногами. На шеѣ остячки носятъ стеклянныя ожерелья и рядъ мѣдныхъ колецъ, пуговицъ, изображеній святыхъ и другіе блестящіе и яркіе предметы. Наиболѣе характерную часть женскаго костюма составляютъ прически: волосы заплетены на затылкѣ въ двѣ косы, въ которыя вплетена красная льняная лента. Но это преимущественно встрѣчается на нижнемъ теченіи Оби; повидимому, остяки смотрятъ на длинные волосы, какъ на украшенія прекраснаго пола. Къ

этимъ косамъ иногда привязываютъ другія, такъ что иногда косы доходятъ до полу. На нихъ навязаны бисерныя нити, кольца, пуговицы и проч., такъ что, особенно между самоѣдами, у которыхъ та же мода, эти косы представляютъ цѣлый музей. Одежда мужчинъ менѣе оригинальна: они носятъ рубахи и короткіе штаны; сверху, когда не жарко, надѣваютъ суконный кафтанъ, перетянутый поясомъ, на которомъ виситъ ножъ. Мужчины и женщины носятъ одну и ту же обувь, но лѣтомъ ходятъ босикомъ, а ребятишки совсѣмъ нагіе. Женщины носятъ на головѣ платокъ, охшанъ, спадающій сзади до ногъ, а спереди закрывающій почти все лицо. Это дѣлается не ради защиты отъ комаровъ, какъ сначала полагалъ авторъ, а ради стыдливости, или, вѣрнѣе, изъ суевѣрія. Остачка закрываетъ лицо отъ близкихъ родственниковъ, но не закрываетъ отъ иностранцевъ. Обычай закрывать лицо, быть можетъ, заимствованъ отъ мусульманъ-татаръ. Точно также и многое изъ одежды остячки заимствовано отъ татаръ. Сомѣ замѣчаетъ, что у остяковъ вовсе не зеленые глаза и рыжіе волосы, какъ говорилось о нихъ въ одномъ новѣйшемъ антропологическомъ трактатѣ, и что, когда, на основаніи физическихъ признаковъ, стараются доказать ихъ тѣсное родство съ финнами (филологи это считаютъ догматомъ), то приходятъ къ неожиданнымъ результатамъ: самое сходство весьма незначительно, а различій наоборотъ весьма много *). Въ Каримкарскихъ юртахъ нашъ авторъ впервые увидѣлъ остяцкое кладбище съ надгробными памятниками въ видѣ деревянныхъ ящичковъ. Разрывать могилы ради череповъ онъ, однако, здѣсь не рѣшилъ. Възмѣнивъ того, онъ постоянно измѣрялъ головы инородцевъ, такъ что во время пути, безъ потери времени, онъ частью измѣрялъ головы гребцовъ, частью деревенскихъ жителей; измѣрены и собраны образчики волосъ 137 остяковъ, 102 самоѣдовъ и 50 зырянъ. Эти измѣренія происходили безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны, хотя Финшъ и говоритъ, что туземцы уклонялись отъ него, связывая это почему-то съ отбываніемъ рекрутчины; но нашъ авторъ утверждаетъ, что не только инородцы, но даже и русскіе, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, не имѣютъ никакого понятія

*) Замѣтимъ, что Вамбери въ своемъ ученomъ изслѣдованіи о происхожденіи мадяровъ приписываетъ имъ тюркское, а не финское происхожденіе. Вамбери хотя ставитъ остяковъ въ число великой финской семьи, однако, признаетъ, что даже филологически они весьма различны отъ западныхъ финновъ.

о воинской повинности. ^{21/9} июня Сомье приѣхалъ въ Кондинскъ, въ которомъ около двухъ десятковъ русскихъ домовъ, нѣсколько юртъ и церковь при монастырѣ, основанномъ съ цѣлю распространенія христіанства между инородцами. Дѣйствительно, почти всѣ окрестные инородцы сдѣлались христіанами, но, увы! христіанами только по имени. Въ монастырѣ воспитывается ^{1/2} дюжины остяцкихъ и самоѣдскихъ мальчиковъ, которые учатся тамъ очень немногому. Авторъ въ окрестностяхъ Кондинска ботанизировалъ, но его ботаническія изслѣдованія здѣсь были не особенно успѣшны, вслѣдствіе слуховъ о появившихся медвѣдяхъ. Въ окрестностяхъ преобладаютъ *Abies obovata*, а общій характеръ флоры тотъ же, что и по всей Оби съ Самарова. ^{24/12} іюля Сомье прибылъ въ Березовъ, расположенный на лѣвомъ высокомъ берегу Сосвы, при сліяніи ея съ Вигулкой. Березовъ издали произвелъ на путешественника впечатлѣніе города, внутри же со всѣмъ иное: деревянные, маленькіе и низенькіе дома, грязныя улицы; только домъ доктора, полиціи и нѣсколько другихъ домовъ въ два этажа. Остановились путешественники у одного полицейскаго чиновника, и это одно изъ лучшихъ деревянныхъ жилищъ показалась ужаснымъ. Въ Березовѣ Сомье былъ въ банѣ, описанію которой онъ посвящаетъ цѣлую страницу и называетъ ее *bagno finno-russo* (финно-русская баня). Это обыкновенная черная баня, знакомая всѣмъ, бывавшимъ въ русскихъ деревняхъ. При взглядѣ на эту баню автора поразило ея крайнее сходство съ лопарскими банями. Бани у финновъ существовали еще во времена глубокой древности, такъ о нихъ упоминается въ Калевалѣ, происхожденіе которой относится къ V или VIII вѣкамъ. Тамъ описана баня, совершенно похожая на бани, еще и теперь встрѣчающіяся въ Финляндіи. Весьма вѣроятно, что русскіе познакомились съ банями отъ финновъ и усвоили ихъ себѣ. Хотя для понятія баня не существуетъ чисто финскаго слова, но Сомье кажется не достаточно доказаннымъ, что современное слово *sauna*, означающее теперь баню, въ древности единственно обозначало жилище, и очень возможно полагать, что въ древности оно означало также и баню. Финны не заимствовали баню отъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, а также и не отъ славянъ. Одно мѣсто изъ Нестора (о путешествіи Св. Андрея въ Россію) доказываетъ, что въ южной Россіи она не была извѣстна, а извѣстна въ сѣверо-восточной, гдѣ славяне жили въ сосѣдствѣ съ финнами. О торговлѣ Березова авторъ говоритъ, что этотъ городъ

и Обдорскъ составляютъ центръ, куда зимой, для продажи рыбы и мѣховъ, сходятся и вогулы съ Урала, остяки, самоѣды съ сѣвера Европейской Россіи, съ Печоры; иногда привозятъ даже шкуры бѣлыхъ медвѣдей съ береговъ Карскаго моря и Новой Земли. Главное мѣсто занимаютъ бѣлки (*petits-gris*), продаютъ также шкуры полярныхъ волковъ, соболей, обыкновенныхъ волговъ, зайцевъ, медвѣдей и др. Еще во времена Палласа бобры часто встрѣчались на Оби. Въ 1848 году Гофманъ ужъ считаетъ очень рѣдкимъ фактомъ, что за 30 лѣтъ до него былъ убитъ одинъ бобръ на устьяхъ Сосвы. Поляковъ, однако, передаетъ слухъ, что они еще есть на Кондѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Обскаго бассейна. Но, вообще, несомнѣнно, говоритъ Сомье, что животныя съ дорогами мѣхами уже исчезаютъ; ему самому едва удалось увидѣть нѣсколько шкурокъ соболей и горностаевъ. Кромѣ торговли мѣхами, существуетъ еще торговля лебедями, гагарами и утиными перьями. Березовъ, кромѣ того, важенъ какъ передаточный пунктъ для хлѣба, привозимаго на баркахъ изъ средней и южной Сибири и отправляемаго потомъ къ Печорѣ, частію рѣками, частію сухимъ путемъ. Перевозкой хлѣба сухимъ путемъ занимаются главнымъ образомъ зыряне. О будущемъ Березова авторъ самаго неутѣшительнаго мнѣнія: онъ говоритъ, что значительная часть и того торговаго значенія, которое онъ имѣетъ теперь, исчезнетъ по истребленіи дорогихъ звѣрей; справедливо замѣчаетъ, что вслѣдствіе примитивныхъ способовъ соленія и копченія рыбъ, превосходная обская рыба не имѣетъ надлежащей извѣстности, и кто знаетъ, когда будетъ введено здѣсь раціональное соленіе; что отъ березовской почвы нельзя ожидать никакого прока для земледѣлія; что скотоводство тоже не совсѣмъ удобно, вслѣдствіе незначительнаго количества удобныхъ поемныхъ луговъ. Основательно березовскаго климата онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

Средняя годовая температура	— 4,2	Цельсія
„ декабрь, январь, февраль	— 2,4	„
„ іюнь, іюль, августъ	+14,5	„
„ наиболѣе холоднаго мѣс. (январь)	—23,9	„
„ наиболѣе жаркаго мѣс. (іюль)	+18,9	„
Наибольшее повышеніе	+34,4	„
Наибольшее пониженіе	—56,2	„

Термометръ падаетъ на 25° и ниже 55 дней въ году. Изъ этихъ цифръ можно заключить, что Березовъ, находящійся подъ 64° сѣверной широты, не обладаетъ пріятнымъ климатомъ. Пал-

лась говорить, что первые морозы начинаются тамъ въ концѣ августа, а рѣки никогда не вскрываются раньше конца мая. Гофманъ находитъ тамъ въ началѣ іюня на глубинѣ 2 и 3 футовъ (смотря по характеру почвы) заледенѣлую землю. Нѣкоторые овощи могутъ поспѣвать здѣсь только въ томъ случаѣ, если земля зимой сохранялась въ ящикахъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Населеніе Березова, простирающееся, по свидѣтельству г. Знаменскаго, до 1,828 человекъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ русскихъ, частію казаковъ и потомковъ первыхъ колонистовъ въ этомъ городѣ, частію изъ торгующаго класса и небольшого количества ссыльных; кромѣ того, живутъ вогулы, зыряне и остяки. Авторъ очень много говоритъ о зырянахъ, о ихъ историческомъ прошломъ, о современныхъ зырянахъ; изъ всего этого мы приводимъ здѣсь только особенно важныя черты. Зыряне народъ чисто-финскій. Они происходятъ отъ древнихъ пермяковъ или біармійцевъ, занимавшихъ сѣверъ Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря до Урала, отъ того самаго народа, о которомъ упоминаетъ Отеръ въ своемъ путешествіи къ Бѣлому морю. Имя „Зыряне“ не особенно древне: Sjögren (въ *Gesammte Schriften*, Спб., 1861.,—*Die Syrjänen*) говоритъ, что оно впервые встрѣчается только въ XV в.; онъ полагаетъ, что это слово происходитъ отъ *Syrjä*—„край, граница“, и значитъ „расположились у границъ“. Обитателями древней Перми или Біарміи были зыряне, говоритъ авторъ, упоминая объ ихъ важномъ значеніи въ новгородской торговлѣ, о довольно значительномъ развитіи культуры у нихъ въ древнія времена, приводитъ мнѣніе Sjögren'a, что значительная часть земель, занятыхъ теперь остяками, принадлежала нѣкогда біармійцамъ, и что разные историческіе остатки, приписываемые миѣической чуди, на самомъ дѣлѣ принадлежать имъ, доказывая это, между прочимъ, тѣмъ, что многія рѣки и селенія этихъ странъ носятъ зырянскія названія: напримѣръ, многія рѣки оканчиваются на *Ua*, а деревни на *Kar*. Главное мѣстожительство зырянъ находится къ западу отъ Урала, между 60° сѣверной широты и полярнымъ кругомъ. Но и въ земляхъ самоѣдовъ и остяковъ есть много зырянскихъ колоній и отдѣльных семействъ. Современные зыряне достойны своихъ предковъ по своей дѣятельности и предприимчивому характеру. По уму они стоятъ выше остяковъ и самоѣдовъ, и въ результатѣ оказывается, что они мало-по-малу монополизировали торговлю и сдѣлались хозяевами оленьихъ стадъ, главнаго богатства этихъ странъ. „Они даже,—говоритъ Сомье,—закабалютъ себѣ инород-

цевъ, опутывая ихъ неоплатными долгами; но, впрочемъ, и русскіе рыбопромышленники въ этомъ отношеніи не отстаютъ отъ зырянъ, — прибавляетъ онъ: подобное явленіе неизбѣжно всякій разъ, какъ приходятъ въ соприкосновеніе два народа неодинаковыхъ умственныхъ способностей (*d'intelligenza diversa*).“

Зыряне обогащаются скорѣе русскихъ, потому что они не кичатся, какъ русскіе, своимъ превосходствомъ надъ туземцами, живутъ въ большемъ общеніи съ остяками и самоѣдами, проникаютъ въ ихъ стойбища, въ тундры. Сомье сравниваетъ вліяніе зырянъ на остяковъ и самоѣдовъ съ вліяніемъ квеновъ на лопарей: это вліяніе дѣйствуетъ развивающимъ и даже трансформирующимъ образомъ, благодаря скрещиванію (*un azione tendente ad incivilire e al tempo stesso a trasformare per incrociamiento*). Зыряне сами говорили ему, что они охотно вступаютъ въ бракъ съ русскими и самоѣдами; только къ остякамъ показываютъ большое презрѣніе, называя ихъ нечистыми язычниками. „Въ семействахъ, происшедшихъ отъ смѣшенія браковъ зырянъ съ русскими, говорятъ на зырянскомъ языкѣ. Это также напоминаетъ аналогичный фактъ, встрѣчающійся въ Финнмаркенѣ, гдѣ въ семьяхъ, происходящихъ отъ норвежцевъ и квеновъ преобладаетъ финскій языкъ“ (200). Относительно характера зырянъ Сомье говоритъ, что русскіе называютъ ихъ упрямыми, мстительными и хитрыми; къ нему лично они были внимательны и гостепріимны, но и имъ замѣчены ихъ скрытность и хитрость. Альквистъ, Кастрень, Гоффманъ, считаютъ ихъ умными и дѣятельными, но слишкомъ безцеремонными въ сношеніяхъ съ остяками и самоѣдами; Шренкъ, долго жившій среди зырянъ и самоѣдовъ, называетъ этихъ послѣднихъ терпѣливыми мучениками. Но Кастрень, самъ финнъ, обвиняетъ Шренка въ пристрастіи къ болѣе слабому народу и защищаетъ зырянъ; онъ называетъ ихъ благожелательными и вѣжливыми ко всѣмъ, оказывающимъ имъ довѣріе и дружбу, указываетъ на существующее у нихъ глубокое чувство справедливости и уваженія къ данному слову. „Тотъ же самый Кастрень однако допускаетъ, что они хитры, недоувѣрчивы и завистливы“, — прибавляетъ авторъ. По Sjögrén'у, ихъ число постоянно возрастаетъ. По физическимъ признакамъ они весьма похожи на русскихъ; можно предположить, говорить авторъ, что въ зырянахъ много русской крови. Кромѣ того, по его мнѣнію, въ нихъ есть и норманская кровь, что неизбѣжно послѣ долговременныхъ сношеній ихъ съ норманнами. На основаніи многихъ антропологическихъ признаковъ, Сомье на-

стается на сильномъ влияніи германцевъ и славянъ на антропологическій типъ зырянъ *). Около Березова авторъ въ первый разъ увидѣлъ остяцкія землянки (tal-chot), которыя еще хуже лопарскихъ gamme. Это небольшая квадратная комнатка, до половины вкопанная въ землю, до половины построенная изъ дерева на поверхности земли и крытая дерномъ. Проникнувъ внутрь черезъ дверь, которая въ вышину меньше метра, нужно спуститься по лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней на полъ землянки. Въ одномъ углу—натекшая дождевая вода, въ другомъ куча грязи съ разными остатками ѣды. Деревянная большая лавка, приподнятая отъ полу на одинъ или два дециметра, служитъ кроватью для всего семейства. Внутри проникаетъ слабый свѣтъ чрезъ окно, заклеенное обрывкомъ бумаги. Въ углу очагъ, надъ которымъ возвышается конико-цилиндрическая труба деревянная, внутри вымазанная смѣсью соломы и глины. Комнатку наполняетъ густой дымъ для защиты отъ комаровъ. Такія землянки, по мнѣнію Сомье, представляютъ древнѣйшій видъ жилищъ этого народа и соответствуютъ sauna западныхъ финновъ, какъ утверждаетъ Аלקвистъ. Только бѣднѣйшіе остяки живутъ теперь въ землянкахъ зиму, а лѣтомъ же, по всей вѣроятности, самые лѣнныя, потому что матеріалъ для лѣтняго чума—вѣтви и березовая кора—подъ бокомъ. Въ Березовѣ же ему удалось видѣть остяцкій музыкальный инструментъ, остяцкія маски и остяцкую пляску. Инструментъ называется *dombra*; онъ состоитъ изъ деревяннаго ящика, длиннаго, плоскаго, въ которомъ находились куски стекла и желѣза для усиленія звука; съ одной стороны ящикъ заострялся, а съ другой имѣлъ обыкновенную форму. На немъ были натянуты 5 струнъ изъ жилъ. Колками были маленькія косточки или кусочки дерева. Инструментъ былъ превосходно настроенъ на пять первыхъ нотъ восходящей скалы. Инструментъ даетъ только эти пять звуковъ, и они не могутъ измѣняться отъ прижиманія струнъ пальцами. Музыкантъ держалъ инструментъ на колѣняхъ горизонтально и быстро перебиралъ большимъ пальцемъ одной руки всѣ пять

*) Въ селеніи Мужи онъ производилъ измѣренія надъ 50 зырянами и замѣтилъ, что у 10 глаза голубые, у 34 сѣрые, у 6 каріе; волосы у 26 бѣлокурые съ разными оттѣнками; у 24 каштановые различныхъ градаций; черныхъ ни у кого нѣтъ. Однако бѣлокурые очень свѣтлые, цвѣта пеньки, столь частые у скандинавовъ и финляндцевъ, между зырянами рѣдки. Филологи, быть можетъ, подтвердятъ это мнѣніе, доказавъ, что на зырянахъ отразилось влияніе германскихъ языковъ.

Нищі въ Березовѣ.
(Изъ соч. Сомѣ).

струнъ, и въ то же время пальцами другой руки касался струнъ отдѣльно, наигрывая мелодію. На пяти струнахъ немного можно сдѣлать, но, вслѣдствіе правильности интерваловъ и ритмичности музыки, впечатлѣніе, производимое осязкимъ артистомъ, не было непріятно, хотя музыка была монотонна, такъ какъ одиѣ и тѣ же ноты постоянно повторялись съ одинаковой послѣдовательностью и съ одинаковымъ ритмомъ. Затѣмъ послѣдовала пляска, въ которой участвовали девять танцоровъ (въ томъ числѣ три женщины). Плясали сначала трое мужчинъ, дѣлая очень неуклюжія движенія, съ широко разставленными ногами, съ согнутыми колѣнями; въ каждой рукѣ они держали по цвѣтному платку, скрещивали руки, протягивали ихъ впередъ, протягивали ихъ за спину, опять скрещивали, опять вытягивали за спиной и въ каждомъ новомъ положеніи нѣсколько секундъ держали ихъ неподвижно. Въ то же самое время головой и туловищемъ дѣлали движенія, которыя тоже казались неестественными. Лица ихъ сохраняли при этомъ полную неподвижность и равнодушіе; они не пѣли, не говорили, вообще ихъ движенія были самыя неграціозныя, какія только можно себѣ вообразить, и напоминали движенія маріонетокъ. Они двигались другъ за другомъ, проходя комнату прыжками и оставаясь на нѣкоторое время неподвижными между однимъ и другимъ прыжкомъ въ самыхъ неизящныхъ и неестественныхъ позахъ. Потомъ явились три женщины и продѣлали почти то же, что и мужчины, сначала, однако, безъ прыжковъ, присѣдая и дѣлая движенія руками, головой и туловищемъ. Ихъ лица были закрыты цвѣтными платками. За этимъ танцемъ послѣдовалъ другой, называемый „танецъ медвѣдя“. Одинъ легъ на землю, изображая мертвого и похороненнаго медвѣдя, другой (изображавшій медвѣдицу) началъ плясать уже описаннымъ образомъ и кружиться вокругъ медвѣдя. Затѣмъ, сдѣлавъ видъ, будто разрылъ землю, онъ началъ тянуть медвѣдя за ноги и за голову съ цѣлю вытащить изъ земли и разбудить. Но мертвый не просыпался, и медвѣдица начала приходить въ отчаяніе; кончилось, однако, тѣмъ, что медвѣдь проснулся, и оба начали плясать. Потомъ представили отправление на охоту: мужчины прыгали на одной ногѣ, хлопая въ ладоши и показывая такимъ образомъ свою радость. Далѣе двое мужчинъ представили первобытнѣйшую пантомиму. Грубыя маски были сдѣланы изъ березовой коры съ дырами, вмѣсто рта и глазъ; кусокъ коры, согнутый и пришитый по срединѣ изображалъ носъ. У перваго былъ искусственный горбъ, другой его преслѣдовалъ и ударялъ

деревянной лопатой по горбу. Присутствующіе остяки помирали со смѣху. Этотъ танецъ былъ сопровождаемъ пѣсней, гдѣ говорилось, что бѣдный горбатый старикъ преслѣдовался незнакомцемъ; потомъ оказалось, что они оба изъ Березова, земляки и друзья; потому они начали вмѣстѣ плясать въ знакъ любви и дружбы. Въ послѣднемъ танцѣ фигурировалъ человѣкъ, отправившійся въ лѣсъ срубить дерево, которое изображалось другимъ неподвижнымъ человѣкомъ. Спустя нѣсколько времени дровосѣкъ открываетъ, что дерево оживилось. Человѣкъ-дерево сбрасываетъ одежду, въ которой былъ закутанъ и—метаморфоза полная. Потомъ оба начали плясать. Въ послѣднемъ танцѣ, вѣроятно, нужно видѣть доказательство вѣрованія, что въ деревьяхъ, какъ въ рѣкахъ и въ источникахъ, обитаютъ сверхъестественныя существа, которыя могутъ принимать человѣческій видъ. Впечатлѣніе, произведенное на Сомѣ этими танцами, совпадаетъ съ мнѣніемъ Гоффмана который говоритъ, что остяки имѣли своимъ танцмейстеромъ медвѣдя. Остяцкіе танцы совершенно похожи на танцы сѣверныхъ финляндцевъ; у этихъ послѣднихъ есть тоже „танецъ медвѣдя“, въ которомъ человѣкъ учится подражать движеніямъ этого животнаго.

Около Пугорскихъ юртъ нашъ путешественникъ, выѣхавшій изъ Березова ^{29/17} іюля, задумываетъ этнографическое похищеніе, а именно чѣмъ нибудь поживиться на остяцкомъ кладбищѣ. Благодаря магическому боченку съ водкой (*mediante il barilotto magico*), ему удалось склонить своихъ остяковъ-гребцовъ отвести его на это кладбище. Остяки согласились только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ имъ дали бутылку водки, которую они должны распить въ честь умершихъ передъ могилами, прежде чѣмъ ихъ открыть. Но когда начали открывать могилы, остяки стали бояться, со страхомъ прислушиваться къ малѣйшему шуму въ лѣсу, и когда Сомѣ безъ ихъ помощи нашель три черепа, они рѣшительно объявили, что этого довольно и что пора ѣхать. На станціи Кегинской путешественникъ въ первый разъ увидѣлъ чумъ *). Чумъ принадлежитъ къ самымъ незамысловатымъ жилищамъ, какія только можно себѣ вообразить и какія естественно должны прійти въ голову первобытному человѣку, принужденному

*) По Палласу, слово «чумъ» тунгузскаго происхожденія. Остяки называютъ эти жилища *kot* или *shot* (того же самаго происхожденія финское слово *kota*)

постоянно носить съ собой свое жилище и неимѣющему другаго матеріала для постройки, какъ только древесные пни, кору и вѣтви деревъ, оленьи шкуры. И цивилизованные люди иногда должны пользоваться подвижными жилищами, конечно, усовершенствованными (сообразно степени цивилизаціи), какъ-то: охотничьи, лагерныя палатки. Чумъ—прототипъ подобныхъ жилищъ. У народовъ нецивилизованныхъ эти обиталища весьма первобытны. Лопарскія гаште отличаются отъ чума только тѣмъ, что покрываются шерстяными покрывалами, которыя доставляются лопарямъ норвежцами. Древнія финскія kota были совершенно похожи на чумъ. У уральскихъ башкиръ, на 15° южнѣе, авторъ видѣлъ tirma, построенныя такимъ же образомъ; тунгусы имѣютъ подобныя же жилища. На этой же станціи авторъ видѣлъ чумъ въ видѣ усѣченной пирамиды съ четырехугольнымъ основаніемъ,—это какъ бы переходная форма отъ чума къ юртѣ. Во время приѣзда Сомье жители Кегинской станціи усердно занимались очисткой и разрѣзкой рыбы для приготовленія ея впрокъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что „какъ бы ни казался страннымъ обычай ѣсть сырую рыбу, однако онъ принятъ всеми русскими, живущими среди остяковъ и самоѣдовъ. Я часто видѣлъ,—говоритъ авторъ,—какъ русская хозяйка, въ то время, когда разрѣзывала рыбу для соленья или сушенія, выбирала, точь въ точь какъ какая нибудь остячка, лучшія части внутренности, кусокъ жира, маслянистую печенку или кусокъ сгустившейся крови и съѣдала во время работы или давала ребятишкамъ, стоявшимъ кругомъ съ открытыми ртами и фізіономіями, выпачканными въ крови. Вообще русскіе, живущіе въ этихъ сѣверныхъ странахъ, можетъ быть, гораздо болѣе усвоили отъ инородцевъ въ обычаяхъ и одеждахъ, чѣмъ послѣдніе отъ русскихъ, и возможно сказать, что русскіе осамоедились и обостячились, какъ Ферд. Миллеръ говоритъ о приленскихъ русскихъ, что они обьякутились. Даже языкъ и вѣрованія инородцевъ не остались безъ вліянія на русскихъ. Самъ же Сомье никакъ не могъ побѣдить отвращенія къ сырой рыбѣ, и ему казалось уже большимъ подвигомъ ѣсть позымы и варку (сухая и копченая рыба). „Ѣсть свѣжую осетровую икру, одно изъ лакомыхъ русскихъ блюдъ,—по его словамъ, — есть уже возвращеніе къ обычаю ѣсть самую сырую рыбу“. Обычаю ѣсть рыбу въ сыромъ видѣ Сомье приписываетъ присутствіе солитера, часто встрѣчающагося у жителей этихъ странъ; но зато этотъ обычай спасаетъ многихъ отъ скорбута. Путешественникъ не видѣлъ, какъ инородцы ѣдятъ сы-

рое мясо только что убитого оленя, и потому долженъ „удовлетвориться утверждениями Гоффмана и Миддендорфа, которые говорятъ, что когда побѣждено первое чувство отвращенія, тогда отдаешь полную справедливость вкусу инородцевъ“. На слѣдующей Сыропугорской станціи путешественникъ увидѣлъ остяковъ нѣсколько особеннаго типа. При его приближеніи цѣлая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей явилась на берегъ, причемъ женщины и дѣти стояли въ отдаленіи и смотрѣли недовѣрчиво. „Было очень жарко. Отдаленные раскаты грома предвѣщали грозу. Инородцы, съ длинными, распущенными или заплетенными въ двѣ косы волосами, въ которые влетены красныя ленты, съ бронзовыми лицами, съ пронзительными голосами,—весьма походили на дикарей какого нибудь острова на Тихомъ океанѣ“. У этихъ инородцевъ глаза и волосы были не такъ черны, какъ у встрѣтившихся раньше; нѣкоторые имѣли довольно густыя бороды, и вообще ихъ черты казались, на европейскій взглядъ, довольно правильными. Этотъ особенный типъ происходитъ, по мнѣнію автора, отъ смѣшенія остяковъ съ зырянами. Утромъ ^{31/12} іюля нашъ путешественникъ прибылъ въ Шоминскія юрты, резиденцію князя Артанціева. Видъ этой рыбацкой станціи, расположенной на низкомъ островѣ, не имѣлъ ничего княжескаго. Тутъ было два коническихъ чума, крытыхъ березовой корой; въ одномъ изъ нихъ жилъ князь. „Едва приставъ къ берегу,—говоритъ авторъ,—я послалъ казака извѣстить князя о моемъ прибытіи, и онъ пригласилъ меня пожаловать въ свой чумъ. Когда я вошелъ въ хижину (сараппа), то нашелъ его одѣтымъ въ самый лучший нарядъ—длинное красное одѣяніе съ серебряными галунами, которое походило на старый костюмъ придворнаго швейцара въ Петербургѣ,—въ синихъ штанахъ и въ бархатной шапочкѣ съ серебрянымъ и золотымъ галуномъ, старой и грязной. Эта одежда послана была ему изъ Петербурга, какъ знакъ его достоинства. Передъ входомъ горѣлъ костеръ, чтобъ комары не могли проникнуть въ чумъ. На срединѣ чума другой огонь, наполнявшій дымомъ всю хижину. Налѣво отъ входа, на разостланныхъ по землѣ оленьихъ шкурахъ, стояли три деревянныя скамеечки, на которыя князь пригласилъ сѣсть меня и моего переводчика, а самъ занялъ третью. Направо отъ входа сидѣли на оленьихъ шкурахъ жена и дочь князя. Въ глубинѣ чума наши гребцы, усѣвшись въ кружокъ, начали пожирать копченую рыбу, которую князь велѣлъ имъ дать. Посредствомъ двухъ моихъ переводчиковъ (князь не

зналъ ни слова порусски) я сказалъ его сіятельству, что привезъ ему нѣкоторые подарки и вручилъ бронзовыя пуговицы, кольца и серьги. Все это онъ принялъ, повидимому, равнодушно и тотчасъ отдалъ женѣ; но что онъ взялъ себѣ,—была бутылка водки, которая, какъ я зналъ, должна была быть ключемъ къ его сердцу. Сначала я подумалъ, что обманулся и что онъ не раздѣляетъ страсти своего народа къ водкѣ, такъ какъ онъ принялъ бутылку съ видомъ равнодушія, и я не могъ открыть въ его узенькихъ глазкахъ ни малѣйшаго проявленія радости. Сначала князь настаивалъ, чтобы я пилъ съ нимъ, и казался обиженнымъ моимъ отказомъ. Однако, онъ очень скоро утѣшился, осушая мой и свой стаканъ и великодушно дозволяя своей женѣ и дочери принимать участіе въ любимомъ напитокѣ; тогда я понялъ, что его кажущееся равнодушіе было просто комедіей, которую требовало его княжеское достоинство. Моя бесѣда съ княземъ не была особенно интересной; онъ не могъ дать мнѣ отвѣта почти ни на одинъ вопросъ, которые я предлагалъ ему относительно его народа. Онъ съ нѣкоторой гордостью показалъ мнѣ пергаментъ, переплетенный въ бархатъ, съ громадной бронзовой позолоченной печатью; на немъ былъ написанъ декретъ Императрицы Екатерины II, которымъ признавалось княжеское достоинство за однимъ изъ его предковъ. Въ позднѣйшее время правительство признало княжескій титулъ только за очень немногими князьками, существовавшими еще во времена Ермака, какъ болѣе или менѣе самостоятельные владѣтели. Въ настоящее время главная ихъ обязанность заключается въ наблюденіи за правильнымъ поступленіемъ ясака въ казну съ инородцевъ ихъ областей (distretto). Теперь такихъ князей только 2, Артанціевъ (Куноватскій) и Тайшинъ (близъ Обдорска). Эти князья очень мало отличаются отъ прочихъ остяковъ своимъ образомъ жизни. Они имѣютъ право чинить судъ и расправу въ спорахъ между остяками, въ неважныхъ случаяхъ; въ дѣлахъ между остяками и русскими они судятъ совмѣстно съ засѣдателемъ (sassedatel); въ случаяхъ же важныхъ виновные отправляются въ Березовъ. Въ умственномъ отношеніи они тоже не выдаются изъ общаго уровня, не умѣютъ ни читать, ни писать, даже не знаютъ ни одного слова порусски. Но, тѣмъ не менѣе, они пользуются нѣкоторымъ престижемъ у своего народа, и всѣ ихъ приказанія исполняются. Чумъ кн. Артанціева былъ нѣсколько больше другихъ, въ немъ стояло нѣсколько сундуковъ, что служило признакомъ богатства; на стѣнѣ была икона, а жена и дочь ходили съ открытыми лицами,

что показывало нѣкоторое вліяніе христіанства. Впрочемъ, Сомье увѣренъ, что въ какомъ нибудь сундукѣ хранится шайтанъ, покровитель чума. Когда князь,—продолжаетъ авторъ,—выпилъ первую бутылку водки съ помощью жены, дочери и двухъ моихъ переводчиковъ, онъ приказалъ приготовить чай, причемъ появился фарфоровый сервизъ, хранимый въ особомъ сундукѣ между наиболѣе драгоценными вещами,—тоже, навѣрно, царскій подарокъ. Однако послѣ водки чай, повидимому, ему неособенно понравился, и онъ далъ мнѣ понять, что слѣдовало бы предложить ему вторую бутылку. Когда эта послѣдняя произвела свое дѣйствіе, князь началъ дѣлаться болѣе и болѣе сообщительнымъ и сталъ дѣлать порученія въ Петербургъ къ царю. Вынувъ изъ одного сундука фотографическую карточку моего знакомаго, натуралиста Полякова, сталъ цѣловать ее и спрашивать, кто болѣе другъ царю, Поляковъ или я." Видя, что князь все болѣе и болѣе пьянѣлъ, путешественникъ сталъ собираться на свою лодку, но князь непремѣнно захотѣлъ провожать его. Маленькая каюта едва могла вмѣстить его, такъ какъ онъ былъ очень толстъ, что Сомье въ первый разъ видѣлъ среди остяковъ. На лодкѣ князь выпилъ третью бутылку и окончательно пришелъ въ радужное настроеніе. Ни онъ, ни его жена, усѣвшаяся на порогѣ каюты, никакъ не хотѣли покидать своихъ мѣстъ, не смотря на всѣ настоянія; оба они безпрестанно повторяли: водка, водка! Наконецъ, путешественнику ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ выдворить силой своихъ гостей изъ лодки. И вотъ, съ Божьей помощью, переложили сначала княгиню въ ея лодку, а потомъ и князя, хотя это было гораздо труднѣе. Въ лодку князя положили 2 бутылки и объявили, что болѣе не осталось ни одной капли. Уѣзжая, князь наказывалъ своимъ подданнымъ исполнять всѣ приказанія Сомье и даже помогать ему отыскивать черепа. Это послѣднее обстоятельство, прибавляетъ авторъ, „отчасти объясняетъ мою щедрость относительно водки".

Послѣ княжескаго чума на пути до села Мужевского (Мѣѣ) встрѣтились 3 станціи обыкновеннаго жалкаго вида. Главное занятіе ихъ жителей—рыбная ловля. Обыкновенная одежда жителей стала мѣняться: все чаще и чаще начала попадаться одежда изъ оленьихъ шкуръ, вмѣсто шерстяной и бумажной, даже и въ жаркую пору. Типъ жителей тоже измѣнился, что происходитъ отъ смѣшенія съ самоѣдами. Въ Лабійтлорскихъ чумахъ, не смотря на крайнюю сырость почвы, лихорадка представляетъ очень рѣдкое явленіе, какъ и вообще на сѣверѣ, но зато между ино-

родцами свирѣпствуютъ скорбутъ и сифились, особенно послѣдній. Въ с. Мужевскомъ живетъ до 200 зырянъ и 6 или 7 русскихъ семействъ. Остяковъ нѣтъ ни одного. Земледѣліе здѣсь, конечно, невозможно, потому что почва оттаиваетъ лѣтомъ всего на $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{2}$ аршина. У жителей есть нѣкоторое количество коровъ. Главное ихъ занятіе—рыбная ловля. Главное значеніе этого села заключается въ томъ, что оно стоитъ въ началѣ одной изъ дорогъ черезъ Уралъ, которая соединяетъ обской бассейнъ съ бассейнами рѣкъ сѣверной Россіи. Всѣхъ такихъ дорогъ Гоффманъ насчитываетъ 13. Въ древности эти дороги имѣли больше значенія, чѣмъ теперь, потому что тогда зыряне были дѣятельными посредниками въ сношеніяхъ Югорской земли съ западомъ; эти сношенія шли по этимъ путямъ. И теперь еще дорога, идущая отъ Мужевского, считается особенно излюбленной дѣятельнымъ зырянскимъ народомъ; каждую зиму по ней двигаются тысячи оленей, сани съ мукой, сухой и мороженой рыбой, которая, говорятъ, доходитъ даже до Петербурга. Но путешествовать по этой дорогѣ лѣтомъ почти невозможно, вслѣдствіе крайней болотистости всего этого пространства, и потому нашъ авторъ, хотѣвшій было по ней проѣхать, долженъ былъ оставить свое намѣреніе.

Въ селѣ Мужевскомъ Сомьерѣшилъ остановиться на нѣкоторое время. Благодаря губернаторскому приказу, десятникъ явился немедленно къ его услугамъ, и началось всеобщее измѣреніе головъ жителей села. Всѣ жители казались славнымъ и понятливымъ народомъ (*buona gente ed intelligenti*); мужчины были одѣты порусски; въ костюмахъ женщинъ видна зажиточность. На другой день была совершена экскурсія на остяцкое кладбище. Всѣ могилы надземныя и состоятъ изъ 3-хъ частей: наружная имѣетъ видъ остяцкой юрты или русской крестьянской избы, изъ грубыхъ почти не отесанныхъ, нетолстыхъ бревенъ, съ крышей въ 2 ската; средняя сдѣлана изъ деревянныхъ колевъ и березовой коры, аккуратно сшитой, какъ это дѣлается при постройкѣ чума; и третья, въ которой находится трупъ—половина инородческой лодки, разрѣзанной поперекъ; крыша этого гроба сдѣлана изъ досокъ, принадлежащихъ той же лодкѣ, крѣпко соединенныхъ одна съ другой посредствомъ толстыхъ жилъ. Въ этихъ гробахъ авторъ находилъ пояса съ ножами, трубки, кисеты съ табакомъ, кольца и т. п. На гробахъ часто находились лыжи, луки, весла. Самыя тѣла имѣли видъ мумій вслѣдствіе надземныхъ могилъ и зимнихъ холодовъ. Кожа плотно пристала къ костямъ черепа и лица, такъ

что самыя кости превосходно сохранились, и все зубы были въ ихъ луночкахъ (alveoli). На этомъ кладбищѣ авторъ взялъ 12 череповъ. Подлѣ кладбища, въ лѣсу, было остяцкое святилище; тамъ находилось большое количество деревянныхъ идоловъ очень грубой формы, въ видѣ человѣка безъ рукъ и безъ ногъ. Эти идолы были прислонены къ деревьямъ, на которыхъ были навѣшены разныя приношенія—лоскутки, красныя ленты, кольца, оленьи черепа и кости, даже цѣлыя оленьи шкуры. Свое почтеніе къ этимъ божествамъ остяки выражаютъ, между прочимъ, тѣмъ, что мажутъ имъ губы жиромъ или кровью, но водку, какъ матеріалъ слишкомъ драгоценный, только проносятъ у нихъ подъ носомъ, а потомъ выпиваютъ сами. Спутники Соме показывали большое презрѣніе ко всемъ этимъ изображеніямъ и всячески насмѣхались надъ ними, но о собственномъ впечатлѣніи онъ говоритъ такъ: „Эти проявленія религіозности въ народѣ суевѣрномъ, наивномъ и невѣжественномъ внушили мнѣ чувства весьма различныя отъ тѣхъ, какія показывали мои товарищи. Мнѣ становилось понятнымъ поклоненіе божеству подлѣ сѣнью таинственнаго лѣса, среди дикой природы“. Оно казалось не болѣе удивительнымъ для Соме, какъ всякое другое поклоненіе. Они совершаютъ его, чтобы почтить существа, царящія, по ихъ мнѣнію, надъ водами и рощами, предлагаютъ имъ въ даръ труды своихъ собственныхъ рукъ и тѣ предметы, которые имѣютъ наибольшую цѣнность для нихъ. Для своихъ святилищъ и кладбищъ остяки всегда выбираютъ мѣста, чѣмъ нибудь отличающіяся: или богатой растительностью, древностью и величиною деревъ, возвышенностью мѣстности и открывающимся отсюда видомъ, — все это показываетъ, что и у этихъ народовъ нѣтъ недостатка въ чувствѣ поэзіи природы. Существуютъ рассказы, что въ глубинѣ лѣсовъ, въ особенно недоступныхъ мѣстахъ, находятся такъ называемые „большіе шайтаны“, доступъ къ которымъ огражденъ разными капканами и самострѣлами и которымъ нужны особенно богатые дары, такъ что подлѣ этихъ „большихъ шайтановъ“ собраны цѣлыя сокровища. Остяки, которыхъ разспрашивалъ объ этомъ Соме, отрицали подобные рассказы, и Соме самъ не вѣритъ имъ, особенно рассказамъ о сокровищахъ *). Въ 8 или 10

*) У писателей XVI вѣка, упоминавшихъ объ этихъ странахъ (Герберштейнъ, Ант. Видъ, Джекинсонъ), есть свѣдѣнія о Золотой Бабѣ, изображеніи богини изъ золота, державшей на груди одного или двухъ младенцевъ, которой всякій проходящій непременно долженъ былъ принести даръ. Никакихъ слѣдовъ этого культа Соме не находилъ у современныхъ остяковъ и вогуловъ.

Остяки-музыканты.
Съ акварели М. С. Знаменскаго.

верстахъ отъ селенія идетъ рядъ холмовъ, называемый Малая Мужевская гора, на западѣ отъ которой поднимается вторая цѣпь холмовъ. Долина Оби, хорошо видная съ высокаго холма, издали очень похожа на Саргассово море: громадное болотистое пространство, покрытое низкорослыми деревьями и травянистыми растеніями, образовавшими острова безъ опредѣленныхъ контуровъ, какъ бы плавающіе на водѣ. Разстояніе между обоими берегами Оби здѣсь доходить до 50 верстъ. Съ этихъ мѣстъ древесная растительность начинаетъ исчезать; деревья становятся весьма низкорослыми. Для объясненія этого факта авторъ упоминаетъ о теоріи норвежскаго ученаго Блитта, по которой за ледяной эпохой наступаютъ періоды наибольшей сырости и наибольшей сухости, попеременно смѣняющіе другъ друга. Періодъ наибольшей влажности характеризуется болотистостью почвы, обиліемъ водяныхъ растений, низкорослостью деревъ. Но, по мнѣнію автора, то, что можетъ быть примѣнимо къ Норвегіи, непримѣнимо къ Сибири: причины влажности воздуха,—повышеніе или пониженіе почвы, направленіе морскихъ теченій, господство нѣкоторыхъ вѣтровъ,—весьма различны въ Норвегіи и въ Сибири, съ ея континентальнымъ климатомъ. Исчезновеніе древесной растительности въ этихъ областяхъ Сибири нельзя приписать „періоду наибольшей сырости“. По мнѣнію другихъ, этотъ фактъ слѣдуетъ объяснить медленнымъ повышеніемъ почвы сѣверной Сибири. Но, допустивъ это, все-таки, расширеніе безлѣсныхъ предѣловъ необходимо приписать возрастающей влажности почвы. По мнѣнію же нашего автора, оно происходитъ отъ медленнаго пониженія температуры воздуха, отчего зависитъ и пониженіе температуры почвы. Охлажденіе почвы препятствуетъ инфильтраціи осадковъ; всѣ осадки, вся влажность, остаются въ слоѣ земли, между поверхностью и оледенѣлымъ нижнимъ слоемъ; это пространство оттаявающей земли все болѣе и болѣе уменьшается, и корни деревъ такимъ образомъ погибаютъ. Впрочемъ, это явленіе можно объяснить и не общимъ пониженіемъ температуры, а увеличеніемъ влаги, падающей изъ воздуха на землю въ видѣ снѣга: тогда главная работа солнечныхъ лучей обращается на расплавленіе снѣговыхъ громадъ; отъ этого—меньшее оттаиваніе почвы, большее присутствіе влажности въ оттаявшемъ слоѣ, а отсюда—регрессъ въ растительности.

5 авг.
24 июля

путешественникъ выѣхалъ изъ села Мужевского, украсивъ свою лодку итальянскимъ и русскимъ національными флагами; съ этихъ поръ его лодка стала извѣстна въ окрестностяхъ подъ именемъ „лодки съ двумя фла-

гами". Одинъ изъ главнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ нижней Оби—Войкаръ (по Гоффману, называемый также Айвашъ). На картѣ генеральнаго штаба 1848 впаденіе Войкара показано на 30 верстъ по прямой линіи ниже Мужевского.

Здѣсь авторъ опять хотѣлъ было, поднявшись по Войкару, добраться до Урала, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія въ виду громаднхъ трудностей этого пути, который удалось преодолѣть Гоффману только благодаря обширнымъ предварительнымъ приготовленіямъ и помощи туземцевъ. Въ примѣчаніи авторъ упоминаетъ о попыткахъ соединенія Енисейска, Оби и Печоры каналомъ и говоритъ, что эти попытки, кажется, должны быть признаны неосуществимыми. Подлѣ зимнихъ Войкарскихъ юртъ вниманіе автора привлекали остатки одного изъ „чудскихъ городковъ“; по мнѣнію Кастрэна, эти городки были построены самими остяками, когда они были болѣе счастливымъ народомъ, чѣмъ въ настоящее время; Sjögrén полагаетъ, что они построены древними биармійцами. Въ сибирскихъ лѣтописяхъ о Войкарѣ упоминается подъ 1595 годомъ, какъ объ остяцкой деревнѣ, надъ которою господствовали березовскіе казаки *). Никакихъ раскопокъ Сомье не удалось сдѣлать въ этомъ городищѣ по неимѣнію лопатъ и прочихъ инструментовъ, да и кромѣ того это мѣсто имѣло „сторожей, болѣе страшныхъ, чѣмъ Церберъ, — комаровъ“.

Авторъ замѣчаетъ, что для вѣрнаго нанесенія на карту инородческихъ селеній нужно различать не только зимнія и лѣтнія юрты (въ смыслѣ селенія), но даже осеннія и весеннія. Собскія юрты находятся около устьевъ рѣки Соби, тоже лѣваго притока Оби. Съ Собской станціи уже ясно обозначается самоѣдское влияніе какъ на типахъ жителей, такъ и въ одеждѣ: широкія лица, весьма черные волосы, большая тѣлесная крѣпость; русская одежда совсѣмъ исчезаетъ и смѣняется самоѣдской. Въ этихъ мѣстахъ Сомье встрѣтилъ баржу одного русскаго рыбопромышленника, видѣлъ, какъ онъ солилъ рыбу, и весьма не одобряетъ обыкновеннаго способа русскихъ

*) Окончаніе кар показываетъ, что тутъ было укрѣпленное мѣсто: кар на зырянскомъ языкѣ значить крѣпость; *voi*, по Sjögrén'у, — зырянское слово, означающее ночь; *voikar* — городъ ночи, — рѣдкій случай, когда рѣка получила свое имя отъ селенія, а не наоборотъ. Остяки называютъ *Voikar* — Айвашъ (по Гоффману), что значить маленький городокъ, не остяцкое селеніе. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что городище, отъ котораго Войкаръ получилъ свое имя, по происхожденію не былъ остяцкимъ.

промышленниковъ готовить рыбу впрокъ, не суша ея и соля весьма грязной солью. Отъ баржи, наполненной такъ приготовленной рыбой, распространялся отвратительный запахъ. „Я не думаю,—говорить онъ,—чтобы обоняніе низшихъ классовъ сибирскаго населенія, если оно ѣстъ эту рыбу, было очень тонко.“ Сомье слышалъ въ Гаммерфестѣ, что тамъ русскіе, приѣзжающіе изъ Архангельска, покупаютъ всю рыбу, которая уже не годится для норвежцевъ, потому что уже начала разлагаться. На этой баржѣ Сомье пришлось провести нѣсколько времени по случаю крайне дурной погоды. Между остяками-работниками оказался какой-то шаманъ изъ плохихъ (pseudo-sciamano), который и предсказывалъ путешественнику о погодѣ слѣдующаго дня. Этотъ шаманъ, по-видимому, столько же вѣрилъ въ свое искусство, сколько и Сомье, однако хозяинъ баржи былъ убѣжденъ, что настоящіе шаманы могутъ открыть многія тайны. Вообще вѣра въ шамановъ распространена между русскими рыбопромышленниками на Оби, хотя они и называютъ ихъ погаными язычниками. „И что удивительнаго въ томъ, что необразованный русскій рыбакъ вѣритъ въ предсказанія остяцкаго мага, который умѣетъ окружить свои дѣйствія извѣстнымъ ореоломъ таинственности, когда еще между нами существуютъ не менѣе смѣшныя суевѣрія?“ Ночью ^{10-го авг.} ^{29-го іюля} путешественникъ прибылъ въ Обдорскъ *), возвѣстивъ о своемъ приѣздѣ ружейными выстрѣлами, которые, однако, произвели только то, что цѣлая подюжина собакъ подняла лай и такимъ образомъ привѣтствовала прибытіе путниковъ.

П. Головачевъ.

*) По Финшу, разстояніе между Березовымъ и Обдорскомъ—495 в., а по Сомье—477.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Положивъ дѣлать обзоръ литературы, выходящей о Сибири и отчасти сопредѣльныхъ странахъ, мы не имѣемъ мѣста въ данномъ выпускѣ дать обширныя критическія статьи. Однако, мы позаботились дать рецензіи о выдающихся произведеніяхъ, вышедшихъ на иностранныхъ и русскомъ языкахъ. Въ заключеніе для лицъ, интересующихся всѣми сочиненіями о Сибири, мы помѣстили библиографическій списокъ книгъ за 1884—1885 и 1886 гг. до 1-го апрѣля.

Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга вторая (1713—1724). Спб. 1885.

Археографическая коммиссія, въ продолженіе своего слишкомъ пятидесятилѣтняго существованія уже такъ много сдѣлавшая по изданію источниковъ вообще русской исторіи, въ послѣднее время изрѣдка обращаетъ свою полезную дѣятельность на обнародованіе письменныхъ памятниковъ специально сибирской исторіи. Такъ ею исполнены прекрасныя изданія «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, «Краткой сибирской (кунгурской) лѣтописи» съ многочисленными старинными рисунками и безъ рисунковъ, перваго тома «Памятниковъ сибирской исторіи»; кромѣ того, въ цѣломъ рядѣ томовъ «Актовъ историческихъ» и «Дополненій къ актамъ историческимъ», издававшихся той же коммиссіей во время ея полустолѣтней дѣятельности, находится среди массы разнообразнаго историческаго матеріала, касающагося до Россіи, очень много также документовъ, объясняющихъ сибирскую исторію въ ея древнемъ періодѣ; особенно много такихъ актовъ напечатано въ такъ называемыхъ «Дополненіяхъ». Въ археографической коммиссіи, какъ намъ извѣстно, также готовится критическое изданіе древнихъ сибирскихъ лѣтописей, которое является вполне необходимымъ пособіемъ для изслѣдованія древнѣйшей первоначальной исторіи Сибири и поможетъ изслѣдователю при опредѣленіи состава первоначальныхъ сибирскихъ лѣтописей. Вообще сибирская историческая наука имѣетъ и будетъ имѣть немало разнообразнаго матеріала въ ученыхъ изданіяхъ почтенной археографической коммиссіи. Для облегченія изслѣдованій по сибирской исторіи въ настоящее время необходимо разобраться среди громаднаго количества сибирскихъ историческихъ актовъ, обнародованныхъ какъ

въ изданіяхъ археографической комиссіи, такъ и въ сборникахъ ученыхъ историческихъ обществъ, въ журналахъ историческихъ, въ «Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи», въ «Вивлюиикъ» Новикова и т. д., и т. д., кончая губернскими вѣдомостями не только сибирскими, но и російскими, какъ-то: архангельскія, пермскія, вологодскія. Вѣроятно, современемъ намъ удастся сдѣлать критико-библіографическій обзоръ такого матеріала на страницахъ литературныхъ приложений къ «Восточному Обозрѣнію», такъ какъ у насъ уже имѣется собранный матеріалъ этого рода.

Въ концѣ прошлаго года археографическая комиссія издала второй томъ «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка». Первый томъ «Памятниковъ» появился въ 1882 году. Акты второго тома «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка» (1713—1724 г.) служатъ продолженіемъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ, и дополняютъ свѣдѣнія о судьбахъ Сибирской окраины, въ которой постепенно вводилось устройство распоряженіями геніальнаго преобразователя Россіи. Акты, заключающіеся въ числѣ 127 №№ во второмъ томѣ «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка», по своему содержанію представляютъ большое разнообразіе и иллюстрируютъ исторію Сибири за время отъ 1713 до 1724 года царствованія Петра Великаго съ самыхъ различныхъ сторонъ. Это новое изданіе историческихъ актовъ XVIII вѣка тѣмъ болѣе является цѣннымъ достояніемъ для исторической науки, что до сихъ поръ издававшіеся документы по исторіи Сибири относились ко времени до XVII вѣка включительно; только изрѣдка печатались сибирскіе акты XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, Г. Н. Потанинымъ въ изданіяхъ московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ и нѣкоторыми другими лицами въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, также архимандритомъ Мелетіемъ въ его сборникѣ «Древнихъ церковныхъ грамотъ восточно-сибирскаго края» и еще кое-гдѣ. Во вновь вышедшемъ томѣ «Памятниковъ» находятся акты о началѣ разработки серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ въ Нерчинскихъ горахъ, объ устройствѣ горныхъ заводовъ, о добываніи соли. Для развитія горнаго дѣла въ Сибири Петръ пользуется услугами иностранныхъ рудознатцевъ, не забывая и плѣнныхъ шведовъ, проживавшихъ въ Сибири. Документы этого рода рисуютъ въ блестящемъ свѣтѣ великаго императора, заботливость котораго простиралась до мелочей и ученая любознательность котораго постоянно носила практическій характеръ. Интересовался онъ, между прочимъ, шаманами и тѣми инородцами, которые татуируютъ лица (по актамъ «шитыя рожи»), какъ чукчи, ламуты, тунгусы. Чукчи поразили еще казака Дежнева, открывшаго Беринговъ проливъ и въ 1648 году встрѣтившаго многихъ инородцевъ съ прорѣзанными губами и съ продѣтыми въ нихъ кусками моржовыхъ клыковъ. Императоръ настойчиво требовалъ высылки сибирскихъ инородцевъ въ Петербургъ для отправленія ихъ въ Европу обучаться медицинѣ, зная, что шаманы занимаются леченіемъ болѣзней. Во второмъ томѣ «Памятниковъ» находится также нѣсколько актовъ о мирныхъ, торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ сосѣдами Сибири — китай-

цами, калмыками, киргизами и др. Сближеніе Россіи съ богатымъ и замкнутымъ Китаемъ сдѣлало успѣхи: акты сборника говорятъ о путешествіи сибирскихъ купцовъ съ товарами въ Пекинъ, и въ этой китайской столицѣ было учреждено уже постоянное русское агентство. Въ «Памятникахъ» есть акты о распространеніи среди туземцевъ Сибири христіанства подъ руководствомъ митрополита Филофея Лещинскаго; затѣмъ есть интересный актъ о сильномъ развитіи раскола въ Сибири и указы правительства о пріостановкѣ ссылки въ Сибирь раскольниковъ изъ внутреннихъ областей и о преслѣдованіи сибирскихъ раскольниковъ. Въ «Памятникахъ» также напечатана цѣлая серія актовъ, свидѣтельствующихъ о тяжеломъ экономическомъ положеніи народа въ Сибири, подвергавшагося чрезвычайно жестокому административному гнету. Если разные дикіе инородцы перестали беспокоить своими набѣгами русское населеніе въ Западной Сибири, то вмѣсто этого явились новыя неблагопріятныя условія, заставлявшія колонистовъ покидать насиженные мѣста, скитаться или заводить тайныя поселенія въ глухихъ мѣстахъ Сибири. До этого сибиряковъ доводила тяжесть, испытываемая ими отъ рекрутскихъ наборовъ и разныхъ нарядовъ для созидавшагося Петербурга, въ основаніе котораго, между прочимъ, также положено немало сибирскихъ человѣческихъ жизней и матеріальныхъ средствъ. Если въ свое время Сибири удалось воспользоваться приливомъ массы разнаго народа изъ Россіи, то теперь довелось испытать и невыгоды отъ этого же самаго, навлекшія запрещеніе пріема на жительство бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Какъ на препятствія къ оспѣлости, акты въ «Памятникахъ» указываютъ еще на эпидемическія болѣзни, въ родѣ сибирской язвы, на фанатическія проповѣдниковъ раскола и на самосожженіе, и въ особенности на безграничныя своеволія и незаконныя поборы воеводъ и другихъ начальственныхъ лицъ. Послѣ публичной торговой казни главнаго грабителя, сибирскаго губернатора Гагарина, въ 1721 году (о немъ въ № 53), Петръ цѣлымъ рядомъ распоряженій старается искоронить зло, путившее въ Сибири глубокіе корни, и, между прочимъ, особенно знаменателенъ указъ подъ № 107. Въ этомъ указѣ, во-первыхъ, дѣлается извлеченіе изъ замѣчательнаго документа, писаннаго къ сибирскимъ властямъ отъ имени генерала Геннинга по поводу всевозможныхъ административныхъ злоупотребленій въ Сибири. «Довольно извѣстно, — писалъ отъ артиллерій генералъ-маіоръ Геннингъ, — съ какими прилежнымъ радѣніемъ и безпокойными трудами всемилоствѣйшій нашъ императоръ желаетъ, чтобъ всѣ дѣла въ Россійской монархіи добрымъ порядкомъ шли для пользы государственной, о чемъ уже многими его величества указами подтверждено, а сверхъ того зеркало за собственною его величества рукою оригиналь подписанной, котораго копіи сюда присланы, и по письмамъ его объявлено о здѣшнихъ не порядкахъ; и хотя всѣмъ извѣстенъ эксемпелъ, которой учиненъ князю Гагарину, однако же здѣсь въ Сибирѣ не унимаются бездѣлники, а именно, отъ земскихъ камисаровъ лишніе сборы собираются, и народу обиды чинятца, и судебные камисары, которые по слободамъ, дѣлаютъ великіе пакости и неправды, и хотя челобитные и доношенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть,

но никакова розыску и рѣшенія не чинитца, и на кого бють челомъ, тѣ по волѣ ходять и знатно, что потачка такимъ ворамъ отъ надворныхъ судей; такожь о учиненныхъ обидахъ отъ салдаты и отъ протчихъ рассмотрѣнія и резолюціи не чинять, и такихъ бездѣльниковъ не арестуютъ, отъ чего и болши пакости дѣлаютца» (стр. 445 «Памятниковъ»). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ генералъ-маіоръ Геннингъ приказывалъ князю Козловскому, чтобы онъ «яко командиръ на мѣстѣ губернаторскомъ, бездѣльниковъ сковавъ держалъ и по челобитнымъ и доношеніямъ безволочно слѣдовалъ, дабы бѣдной народъ не вовсе раззорился и могли бѣ свои подати платить на содержаніе флоту и армей». Такимъ образомъ само высшее правительство признало фактъ невыносимаго административнаго произвола, свирѣпствовавшего въ Сибири. Указъ, защищающій обывателей, былъ объявленъ особеннымъ образомъ. Въ цитируемомъ актѣ сказано: «И сего жъ 724 году, февраля 6 дня, по его императорскаго величества указу и по приговору, состоявшемуся въ тобольской губернской канцеляріи, велѣно противъ показаннаго писма отъ генерала господина Геннина, объявя оное писмо публиковать въ Тоболску во всенародное извѣстіе, съ барабаннымъ боемъ, и выставить въ пристойныхъ мѣстахъ 3 листа, которые отдать съ росписками; а въ канцелярію надворного суда и земскую кантору и въ тобольской магистратъ, списавъ копіи, послать при промеморіяхъ, а въ гварнизонъ при указѣ; а тобольской правинціи въ города и въ дистрикты, также въ Енисейскую и Иркутскую правинціи со объявленіемъ показаннаго писма во всенародное извѣстіе послать указы, и о исполненіи чинить, какъ его императорскаго величества указы повелѣваютъ...». Затѣмъ, въ «Памятникахъ» есть акты о завоеваніи казаками новыхъ земель за Байкаломъ и вблизи Камчатки и о построеніи остроговъ. Казаки въ это время главнѣйшимъ образомъ стремились пробраться въ сѣверо-восточный уголъ страны и объясачить тамошнихъ инородцевъ, оказавшихся весьма упорными въ борьбѣ и отстанваніи своей независимости. Значительная часть актовъ 2-го тома «Памятниковъ», а также всѣ прибавленія къ нему рисуютъ эту кровавую и ожесточенную борьбу пришельцевъ съ туземцами, начавшуюся съ убійства камчатскаго Ермака—Атласова въ 1711 году и кончившуюся возстаніемъ всей Камчатки въ 1731 году. Второй томъ «Памятниковъ» сибирской исторіи XVIII вѣка», также какъ и первый выпускъ этого изданія, напечатанъ подъ редакціей члена археографической комиссіи А. И. Тимоеева; средства денежныя на изданіе тома даны корреспондентомъ комиссіи П. И. Лихачевымъ. Въ концѣ тома для облегченія справокъ приложенъ указатель личныхъ именъ и географическій. Изданіе этого тома «Памятниковъ», какъ и всѣ изданія археографической комиссіи, исполнено добросовѣстно и съ внѣшней стороны безукоризненно.

А. Оксеновъ

Владиміръ Майновъ. Очеркъ юридическаго быта мордвы. Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества, по Отдѣленію этнографіи, т. XIV, вып. I.

Мордва, одно изъ финскихъ племенъ, по изслѣдованіямъ Риттиха, достигаетъ 800,000 чел., распредѣляясь по губерніямъ такъ: въ Самарской 173,003 чел., съ Симбирской 134,908 чел., въ Пензенской 123,973 чел., въ Нижегородской 112,179 чел., въ Тамбовской 101,884 чел., въ Саратовской 100,546 чел., въ Казанской 18,473 чел., въ Оренбургской 9,917 чел., въ Астраханской 4,496 чел. и, наконецъ, въ Харьковской 50 чел. Не смотря на такую численность мордвы, изслѣдованія объ этомъ племени весьма недостаточны, какъ и вообще изслѣдованія о нашихъ инородческихъ племенахъ, такъ что предлагаемый трудъ г. Майнова вноситъ многое въ изученіе быта мордвы. Изслѣдованія мордвы и другихъ инородцевъ имѣютъ весьма близкое отношеніе къ инородческому вопросу и у насъ, въ Сибири. Намъ весьма важно знать, на сколько устойчивы при ассимиляціи племени низшихъ расъ, а тѣмъ болѣе такія, которымъ родственны и многіе инородцы нашего востока, на сколько сильно руссификація, какія правовыя отношенія они выработали, каково ихъ міросозерцаніе, на сколько племя культурно, какія задачи должно преслѣдовать и какъ осуществлять таковыя, желая приобщить извѣстное племя къ націямъ, стоящимъ на высшей ступени цивилизаціи. Предлагаемое сочиненіе содержитъ очеркъ семейныхъ отношеній, вещнаго права и договоровъ мордвы, особенно же подробно разработаны первыя. Авторъ старается отмѣтить и выяснитъ тѣ особенности правовыхъ отношеній мордвы, которыя являются результатомъ исторической жизни этого племени, а также старается отмѣтить перемѣны, совершившіяся въ юридическихъ воззрѣніяхъ его подъ вліяніемъ руссификаціи. Хотя, вслѣдствіе недостаточности историческаго матеріала и обширности самаго предмета, въ книгѣ г. Майнова есть нѣкоторые недостатки, тѣмъ не менѣе это изслѣдованіе вноситъ немало весьма цѣнныхъ данныхъ въ изученіе инородческой жизни и уже весьма облегчаетъ трудъ послѣдующимъ изслѣдователямъ. Въ воззрѣніяхъ мордвы на правовыя отношенія мы находимъ немало такихъ, которыя свидѣлствуютъ объ умѣ, способности и гуманности мордвина, а принявъ во вниманіе то, что мордва не вымираетъ, нельзя не задать себѣ вопроса, на сколько правы люди, утверждающіе, что, въ силу борьбы за существованіе, низшія расы обречены на вымирание и что нечего пытаться предохранять ихъ отъ этого. Мы видимъ, что инородцы, поставленные въ тѣ же условія, въ какихъ находится окружающее ихъ русское населеніе, не уступаютъ въ жизненности послѣднему.

Въ томъ потокѣ вольной колонизаціи, который стремится изъ Россіи въ Сибирь, принимаетъ участіе и мордва. Она переселяется больше въ Томскую губернію, гдѣ въ настоящее время образовалось уже нѣсколько мордовскихъ поселковъ. Въ Сибирь больше переселяются мордвыны состоятельные, стремящіеся еще болѣе возвысить свое благосостояніе въ странѣ, гостепріимной для трудолюбиваго человѣка. И мордвыны-колонисты, благодаря своему трудолюбію, общаются быть весьма полезными для богатой Сибири.

Vámbéry. «Das Türkenvolk». Leipzig. T. A. Brockhaus. 1885. (Вамбери. Тюркская народность).

Вамбери (родился въ 1832 году въ Пресбургскомъ комитатѣ, въ Венгріи) извѣстенъ не только своими учеными работами, но и своей замѣчательной судьбой. Талантливый самоучка-еврей, онъ выбился изъ бѣдной и темной среды и стяжалъ себѣ громкую славу своими безумно-смѣлыми похожденіями по Средней Азіи въ качествѣ нищенствующаго дервиша (1861—1864); заслуги его какъ путешественника и необычныя лингвистическія познанія доставили ему профессуру восточныхъ языковъ въ Пештѣ (1865); ученыя работы, изъ которыхъ мы, на ряду съ описаніями его путешествій, назовемъ только «Tschagataische Sprachstudien», «Wörterbuch der Türko-Tatarischen Sprachen», «Uigurische Sprachmonumente», «Ursprung der Magyaren», «Geschichte Bocharas» и т. д., упрочили за нимъ репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ тюркскихъ народовъ. Въ то же время Вамбери присущи нѣкоторыя черты, подрывающія до извѣстной степени цѣнность его работъ: это его политическое агитаторство въ пользу преобладанія англичанъ въ Средней Азіи, прикрываемое авторитетомъ науки, а также свойственный ему, какъ и большинству аутодидактовъ, извѣстный недостатокъ строго научной выдержки.

Характеръ Вамбери всецѣло отразился въ его послѣднемъ крупномъ сочиненіи: съ безконечной смѣлостью онъ взялся за грандіозную задачу описать всѣ тюркскія народности, съ замѣчательнымъ талантомъ и съ неменѣе замѣчательной ученостью онъ выполнилъ свой трудъ; однако же этотъ трудъ отнюдь не оказался свободнымъ отъ обычныхъ недостатковъ его работъ. Въ политическомъ отношеніи, впрочемъ, авторъ сумѣлъ оградиться отъ своей обычной слабости: онъ признаетъ культурные успѣхи русскихъ въ Центральной Азіи, хотя и прибавляетъ съ невольнымъ вздохомъ, что онъ предпочелъ бы, «чтобы этотъ свѣтъ (культуры) исходилъ изъ источника болѣе богатаго и болѣе соответствующаго, но все же онъ не можетъ не привѣтствовать съ радостью даже и *эту* восходящую зарю» (стр. 413). Матеріаль свой авторъ расположилъ такимъ образомъ, что онъ велѣдъ за общимъ и, не смотря на массу затронутыхъ вопросовъ и гипотезъ, чрезвычайно сжатымъ введеніемъ, говорящимъ о происхожденіи тюрковъ, о ихъ судьбахъ и передвиженіяхъ, переходитъ къ систематическому описанію отдѣльныхъ группъ тюркскаго народа. Авторъ при этомъ держится на почвѣ современной этнологіи, принимая повсюду во вниманіе географическія и историческія условія жизни даннаго народа. Приходится сожалѣть лишь о томъ, что онъ не расширилъ понятія географіи и исторіи на столько, чтобы повсюду обратить должное вниманіе и на экономическую сторону жизни описываемыхъ имъ народовъ. Правовые обычаи, столь характерные для жизни, исторіи и душевнаго міра народовъ, затронуты въ большинствѣ случаевъ также лишь поверхностно или даже совершенно обойдены.

Здѣсь не мѣсто, конечно, подробному научному анализу многочисленныхъ гипотезъ автора, быть можетъ, и крайне смѣлыхъ, но во всякомъ случаѣ заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Мы не можемъ,

однако жъ, не указать на нѣкоторыя существенныя противорѣчія въ изложеніи автора: такъ Вамбери безпощадно бичуетъ исламъ, враждебный, по его мнѣнію, всякой культурѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ признаетъ несомнѣнныя культурныя заслуги ислама, а на стр. 311 высказываетъ даже мнѣніе, что «въ дѣлѣ пересозданія кочевника въ культурнаго человѣка отъ ислама можно ожидать гораздо большаго (!), чѣмъ отъ христіанства». Пристрастіе тюрковъ къ кочевничеству является по Вамбери какимъ-то злымъ рокомъ, тяготящимъ надъ тюрками (см. отд. VI введенія, а также стр. 171, 176, 182 и др.); на другихъ страницахъ онъ прекрасно анализируетъ причины, обуславливающія кочевничество тюрковъ, и описываетъ рядъ тюркскихъ народностей, уже перешедшихъ къ осѣлости. Мы не можемъ также согласиться съ обреченіемъ тюрковъ на «окончательную гибель или же на существенное пересозданіе» (стр. 82—84, стр. 622). Авторъ идентифицируетъ тюркство съ кочевничествомъ, что, конечно, по меньшей мѣрѣ странно; еще болѣе странно сопоставленіе повятій: «окончательная гибель» и «существенное пересозданіе», какъ равносильныхъ. Замѣтимъ еще, что далеко не всѣ отдѣлы книги разработаны съ одинаковою тщательностью. Въ то время, какъ описанія средне-азиатскихъ народовъ дышатъ свѣжестью и силою и истинно Вамберовскимъ талантомъ, народы, мало извѣстные автору, описаны компилятивнымъ способомъ по весьма немногимъ источникамъ: таковы отдѣлы о сибирскихъ древностяхъ, о сибирскихъ инородцахъ, о крымскихъ и казанскихъ татарахъ и т. д. Мы можемъ смѣло сказать, что авторъ, замѣтно щеголюющій русскими источниками, сильно обогатилъ бы эти отдѣлы, если бы принялъ во вниманіе хотя бы однѣ только извѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества и его Отдѣловъ. Конечно, это послѣднее замѣчаніе касается русскихъ читателей или вообще людей, знакомыхъ съ русской научной литературой; для западнаго читателя, котораго Вамбери имѣлъ въ виду, упомянутые отдѣлы представляютъ во всякомъ случаѣ много новаго. На ряду съ высоко-интересными главами о средне-азиатскихъ тюркахъ особеннаго вниманія заслуживаютъ чрезвычайно объективныя сужденія о европейскихъ тюркахъ (глава V). Въ общемъ книга Вамбери, не смотря на нѣкоторые ея недостатки, составляетъ важный и интересный вкладъ въ сокровищницу науки и по задачѣ своей, и по ея выполненію. Для русскаго читателя этотъ трудъ имѣетъ особенное и важное значеніе, такъ какъ почти половина всѣхъ тюркскихъ народовъ находится подъ властью Россіи.

Д-ръ Э. Петри.

Henri Moser. «A travers l'Asie Centrale. Impressions de voyage». Ouvrage orné de plus de 170 gravures, dont 117 dessins de M. E. van Muyden et 16 héliotypies, avec une carte itinéraire. Paris. E. Plon, Nourrit et Co. 1886.

Книга Мозера является не только цѣннымъ вкладомъ въ средне-азиатскую литературу, но имѣетъ и политическое значеніе. Это талантливое и въ то же время объективное опроверженіе предразсудковъ, распространенныхъ на западѣ, благодаря стараніямъ Вамбери, Скай-

лера, Марвина и др., противъ русскихъ, какъ обладателей Средней Азии. Три почти одновременно появившіяся книги: *Яворскаго* «Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарѣ», — переведенное референтомъ на нѣмецкій языкъ и чрезвычайно тепло принятое на западѣ, — *Лансдэля* — «Русская Центральная Азія» и, наконецъ, названное сочиненіе *Мозера*, совершили до извѣстной степени благоприятный для Россіи переворотъ во взглядахъ западной публики на средне-азиатскій вопросъ. Мнѣніе автора нашей книги имѣетъ тѣмъ болѣе вѣса, что онъ является не новичкомъ въ Средней Азии. Мозеръ совершилъ свое первое средне-азиатское путешествіе еще въ 1868—1869 году. При последнемъ своемъ путешествіи въ 1884 году онъ имѣлъ полную возможность сравнить состояніе Средней Азии до окончательнаго утвержденія въ ней русскаго владычества съ ея теперешнимъ состояніемъ. Надобно замѣтить при этомъ, что Мозеръ, хотя отнюдь и не научный изслѣдователь и никакихъ претензій на научность, подобно Лансдэлю, не предъявляетъ, но, всетаки, ловкій и опытный наблюдатель. Книга Мозера, имѣющая колоссальный сбытъ за границею и, какъ намъ извѣстно, уже переводящаяся на нѣмецкій языкъ, написана популярно, не безъ остроумія и переполнена интереснѣйшими эпизодами изъ путешествія автора; успѣху ея, конечно, немало содѣйствовали многочисленные, удачно выбранные, рисунки. Мы не можемъ не присоединиться къ выраженному уже въ русской прессѣ желанію, чтобы книга Мозера была переведена и на русскій языкъ.

Д-ръ Э. Петри.

Proben der Volksliteratur der nördlichen Türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. Der dialect der Kara-Kirgisen. S.-Pt. 1885. (Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ, собранные и переведенные д-ромъ В. Радловымъ. Нарѣчіе кара-киргизовъ. Спб. 1885).

Эта книга является продолженіемъ изданныхъ академіей наукъ въ 1866, 1868, 1870 и 1872 годахъ образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзюнгарской степи. Переводъ подлинника на нѣмецкій языкъ стихотворнымъ размѣромъ сдѣланъ мастерски. Въ книгѣ заключается весьма обширное эпическое произведеніе, подъ названіемъ Манасъ (больше 12,000 стиховъ), затѣмъ Илой-ханъ, Еръ-Тѣштюкъ и, наконецъ, 4 небольшія пѣсни. Народная словесность кара-киргизовъ находится еще въ періодѣ эпическаго творчества; всѣ эпизоды, такъ или иначе, связываются съ именемъ героя Манаса. Сборники подобнаго рода имѣютъ не только специальное значеніе, но и представляютъ цѣнный и интересный матеріалъ для исторіи словесности вообще.

Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879—1880 годахъ по порученію Императорскаго русскаго географическаго Общества членомъ - сотрудникомъ онаго Г. Н. Потанинымъ. Выпускъ III.

Выпускъ этотъ появился послѣ IV тома, уже изданнаго и извѣстнаго подъ именемъ собранія этнографическихъ матеріаловъ г. Потанина; которые

въ свое время обратили вниманіе богатствомъ легендъ. Настоящій томъ составляетъ дневникъ путешествія съ географическимъ отчетомъ и матеріалами для физической географіи и топографіи сѣверо-западной Монголіи. Къ этому тому приложена топографическая карта Монголіи и 4 таблицы рисунковъ. Прекрасная топографическая карта, какъ результатъ этого путешествія, вполне освѣщаетъ мѣста доселѣ неизвѣстныя. Кромѣ дневника и подробнаго естественно-историческаго описанія, путешественникъ съ свойственной ему добросовѣстно детальной обработкой предмета присоединилъ массу географическихъ свѣдѣній изъ источниковъ китайскихъ. Переводы сдѣланы профессоромъ Васильевымъ. Не распространяясь о научномъ значеніи этого труда, должно сказать, что онъ будетъ полезенъ для всѣхъ, кто въ Сибири имѣетъ постоянныя сношенія съ Монголіей.

Записки восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества, т. I, вып. I, 1886 г., изд. подъ редакціей барона В. Р. Розена.

Въ этомъ выпускѣ обновленныхъ записокъ восточнаго Отдѣленія помѣщена, кромѣ протоколовъ, статья А. Позднѣева о «Китайской пайцзѣ», найденной въ Минусинскомъ округѣ въ 1884 году; затѣмъ «Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Али-Арсланомъ», статья бар. В. Розена и друг. Здѣсь же напечатано сообщеніе объ открытіяхъ докторомъ Поярковымъ токмакскихъ древностей и извѣстіе о разборѣ надписей, произведенномъ проф. Хвольсономъ.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XXI, выпускъ 6, 1885, и 7-й, 1886. Въ 6-мъ выпускѣ заслуживаетъ вниманія статья С. К. Кузнецова «Остатки язычества у черемисъ». Статья г. Кузнецова посвящена весьма обстоятельному изученію сохранившагося шаманства у черемисъ, причѣмъ онъ дѣлаетъ интересныя сравненія съ проявленіемъ шаманизма у алтайцевъ и черневыхъ татаръ. Изъ его очерка можно заключить, что у черемисъ сохраняются лишь остатки шаманства, которое во многомъ преобразилось у нихъ подъ вліяніемъ обрусѣнія. Въ томъ же выпускѣ помѣщено «Исслѣдованіе среди поволжскихъ инородцевъ» К. Гейкеля и письма изъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, Г. Н. Потанина и Грумъ-Гржимайло изъ Памира. Въ 8-мъ выпускѣ находится гео-ботаническое исслѣдованіе въ калмыцкой степи Краснова и статья г. Ядринцева «Уменьшеніе водъ въ арало-каспійской низменности» съ картою озеръ Чановъ, Сумъ и Абышкана. Карта, сдѣланная схематически, представляетъ постепенное уменьшеніе и исчезновеніе озеръ почти за столѣтіе.

Э. Гранстремъ. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878 — 1880 г. Спб. 1885.

Небольшая (159 стр. in 8°) книжка Гранстрема, живо и интересно написанная, касается только эпизодической стороны путешествія Норденшельда, не сообщая астрономическихъ, геологическихъ и другихъ

научныхъ данныхъ, прибрѣтенныхъ во время этого полярнаго путешествія, хотя изъ текста видно, что таковыя собирались весьма усердно. Читателямъ, желающимъ познакомиться съ эпизодической стороной путешествія, эта книжка, прекрасно изданная, вполне можетъ дать требуемое. Къ тому же она снабжена недурными рисунками (числомъ до 40), поясняющими текстъ, и портретомъ Норденшельда.

Россія дальняго Востока. Франца Шперка. Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XIV, 1885.

Научную литературу объ Амурскомъ краѣ можно поздравить съ весьма цѣннымъ прибрѣтеніемъ. Книга, заглавіе которой нами только что приведено, заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что изданіе ея совпало съ окончаніемъ первой четверти вѣка существованія Амурскаго края, какъ владѣнія русскаго народа. Хотя 25-лѣтній періодъ сравнительно небольшой, но, всетаки, достаточный для того, чтобы оглянуться назадъ, провѣрить прошлое и критически отнестись къ настоящему. Для этой цѣли книга Шперка представляетъ хорошее средство. Надо замѣтить, что литература объ амурской сторонѣ сравнительно очень богата, въ чемъ можно убѣдиться по особой библиографіи, касающейся этого края, составленной г. Буссе, но вся эта литература, за исключеніемъ нѣсколькихъ капитальныхъ и притомъ специальныхъ трудовъ, разбросана по разнымъ журналамъ, мало доступнымъ мѣстному читателю. Докторъ Шперкъ, коснувшись въ своей книгѣ всѣхъ сторонъ этого далекаго края: его топо-оро-гидрографіи, климата, флоры, фауны, населенія и жизни въ его настоящемъ и прошломъ, взялъ въ основу всю предшествовавшую литературу, присоединивъ къ ней свои личныя наблюденія. Пользованіе литературными источниками, судя по ссылкамъ, которыми авторъ дѣлаетъ особю въ каждомъ отдѣлѣ, весьма обстоятельно, а потому книга его является какъ бы эссенціей всего того, что писалось объ Амурѣ, и имѣетъ при этомъ значеніе справочной книги. Нѣтъ сомнѣнія, что въ книгѣ есть и слабыя мѣста, особенно замѣтныя въ нѣкоторыхъ экономическихъ выводахъ автора, но они не представляютъ большой важности, въ виду добросовѣстно сгруппированнаго матеріала. Остается пожалѣть одно только: это—поздній выходъ въ свѣтъ книги, такъ какъ главный матеріалъ относится къ періоду времени до 1878 года и только нѣкоторый до 1882, а въ такомъ краю, какъ Амурскій, это имѣетъ громадное значеніе: край новый и въ немъ цифровыя данныя должны быть болѣе чѣмъ гдѣ либо измѣнчивы.

**Матеріалы для статистики населенія въ забайкальскомъ на-
зачьемъ войскѣ, собранные изъ данныхъ, доставленныхъ переписью,
произведенною 1-го января 1883 года. Выпуски 1, 2, 3 и 4.
Чита и Иркутскъ. 1884 и 1885.**

Предъ нами лежатъ четыре объемистыхъ выпуска солиднаго труда, предпринятаго генераль-маіоромъ генеральнаго штаба В. К. Андріевичемъ. Въ свое время редакція «Восточнаго Обозрѣнія» о первыхъ двухъ выпускахъ дала рецензію, теперь же представляется возмож-

ность сказать въ общемъ о всемъ трудѣ, хотя онъ, какъ видно, далеко еще не доведенъ до конца, но по вышедшимъ выпускамъ можно составить о немъ болѣе или менѣе опредѣленное понятие. Всѣ четыре выпуска главнымъ образомъ заключаютъ цифровыя данныя по разнымъ отдѣламъ и представляютъ богатый статистическій матеріалъ, въ достовѣрности котораго не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ въ основу его взяты тщательно составленные посемейные списки. Всѣ свѣдѣнія, хотя и составлялись станичными властями, но, благодаря печатнымъ формамъ, простотѣ ихъ и объяснительной инструкціи, вполне удовлетворяютъ своей цѣли. Въ вышедшихъ выпускахъ заключаются слѣдующіе матеріалы: о посемейномъ бытѣ населенія; о рабочей и служилой силѣ казачества; объ одержимыхъ физическими недостатками; о распредѣленіи населенія по сословіямъ и по вѣроисповѣданіямъ; о числѣ лицъ, знающихъ ремесла и занимающихся чѣмъ либо помимо хлѣбопашества, и, наконецъ, четвертый выпускъ заключаетъ въ себѣ 42 таблицы распредѣленія населенія по возрастамъ. Изъ этого перечня читатель уже видитъ, что много сдѣлано и многого еще недостаетъ. Къ каждому выпуску почтенный составитель труда предпосылаетъ нѣсколько словъ, заключающихъ бѣглые выводы изъ обработанныхъ цифровыхъ матеріаловъ. Выводы автора служатъ свидѣтельствомъ о его прекрасномъ знаніи быта забайкальскихъ казаковъ, хотя мы и могли бы указать на нѣкоторыя погрѣшности, но рамки настоящей рецензіи не позволяютъ намъ сдѣлать это, да и самъ авторъ не выдаетъ своихъ выводовъ за непреложныя истины. «Ограничиваюсь сдѣланными общими выводами, — говоритъ онъ, — въ той надеждѣ, что они могутъ послужить, такъ сказать, конспектомъ для дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ разработокъ затронутыхъ вопросовъ людьми, интересующимися Забайкальемъ и ближе стоящими къ забайкальскому войску, чѣмъ я». Мы отъ души можемъ поздравить забайкальское казачество съ приобрѣтеніемъ такого цѣннаго статистическаго труда, какого не имѣетъ ни одно населеніе въ Сибири. На сибирской почвѣ такъ рѣдки еще подобные зрѣлые плоды.

Трудъ главнымъ образомъ былъ предназначенъ для реорганизации казачества, какъ войска, имѣющаго играть первую роль въ случаѣ столкновенія нашего съ Китаемъ. Этой цѣли безусловно удовлетворяютъ вышедшіе выпуски; остается только пожелать, чтобы почтенный составитель продолжилъ трудъ далѣе и представилъ бы данныя для реорганизации забайкальскаго казачества, какъ гражданскаго элемента. Мы уже не разъ указывали на многое, о чемъ слѣдовало бы давно подумать. Въ заключеніе долгъ обязываетъ сказать, что въ прекрасномъ своемъ дѣлѣ В. К. Андріевичъ встрѣтилъ немало препятствій, иногда и неособенно красиваго свойства. Говорятъ, были дѣлаемы попытки набросить тѣнь негодности на матеріалы, но это свидѣтельствуетъ только объ особенной недалекости лицъ, говорящихъ подобныя слова о трудахъ, которые могутъ сами постоять за себя. Мы будемъ надѣяться, что энергія составителя не ослабнетъ, и онъ окончитъ свой трудъ.

Пособіе для написанія исторіи Забайкалья. В. К. Андріевичъ. Иркутскъ. 1885.

Мы только что говорили о четырехъ томахъ статистическаго труда В. К. Андріевича; теперь приходится сказать еще о пятомъ, заглавіе котораго нами выписано выше. Этотъ трудъ, составляющій книгу въ 158 стр., находится въ связи съ первыми и, такъ сказать, вытекаетъ изъ нихъ. Составитель статистики забайкальскаго казачества въ программѣ своего труда, между прочимъ, имѣлъ въ виду составленіе исторіи казачества; но, принявъ во вниманіе, что исторія забайкальскихъ казаковъ тѣсно связана съ исторіею всего населенія Забайкалья, онъ нашелъ цѣлесообразнымъ приступить къ начертанію общей исторіи. Выпущенный имъ трудъ не есть оригинальный, явившійся результатомъ разработки сырыхъ матеріаловъ,—это, такъ сказать, обзоръ прошлаго со дня прихода русскихъ въ Забайкальскій край до начала XVIII столѣтія, обстоятельно составленный по «Полному собранію законовъ» и по доступнымъ литературнымъ трудамъ. Подобнымъ «пособіемъ» авторъ хотѣлъ показать, что извѣстно до сего времени изъ исторіи Забайкалья, и затѣмъ приступить уже къ разработкѣ архивныхъ матеріаловъ, но, къ сожалѣнію, въ пожаръ Иркутска архивы въ этомъ городѣ истреблены, селенгинскій и кяхтинскій архивы пересланы въ Москву, нерчинскій исчезъ, вслѣдствіе отсутствія заботы о немъ; архивъ же областного штаба и войсковаго хозяйственнаго правленія содержатъ дѣла сравнительно недавнихъ лѣтъ. Намъ извѣстно, что В. К. Андріевичъ предполагалъ продолжать работу въ архивахъ Москвы и Петербурга, но, говорятъ, едва ли это состоится. Весьма будетъ жаль, если почтенный авторъ не приведетъ къ концу своего труда. Иркутскъ не представляетъ удобствъ къ успѣшному окончанію этого дѣла даже по имѣющимся даннымъ въ литературѣ, такъ какъ и по приведенному перечню трудовъ, которыми пользовался составитель, не видно указаній на многія, весьма цѣнные сочиненія, касающіяся Забайкальской стороны.

Результаты сибирской нивелировки, произведенной въ 1875—1876 году отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала. По порученію совѣта Общества, обработалъ дѣйствительный членъ В. Фусъ. (Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества по общей географіи, томъ XV, № 1, изданный подъ редакцію А. А. Тилло). Спб., 1885, 44 стр., съ двумя таблицами профилей и одною картой.

Въ 1871 году академикъ Г. И. Вильдъ обратилъ вниманіе метеорологической комиссіи, состоящей при Отдѣленіи физической географіи Императорскаго русскаго географическаго Общества на то, что всѣ высоты въ Сибири и Восточной Азіи, опредѣленные барометрически, весьма неточны, по неизвѣстности законовъ измѣненія давленія воздуха внутри материка; имѣя же хотя бы одну линію точно опредѣленныхъ высотъ, можно будетъ барометрически опредѣлить высоты мѣстъ, лежащихъ по обѣ ея стороны, и что поэтому нивелировка отъ Урала до Байкала, или до Восточнаго океана имѣла бы большое

значение. Какъ метеорологическая комиссія, такъ и Отдѣленія географіи физической и математической отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предложенію и выбрали комиссію для разработки вопроса о пользѣ такой нивелировки и о средствахъ, необходимыхъ для выполненія ея. Комиссія эта высказала слѣдующее относительно научнаго значенія предполагаемой нивелировки.

Важное значеніе этой нивелировки относительно *метеорологіи* заключается въ томъ, что она доставитъ возможность приводить высоты барометра, наблюденныя въ разныхъ пунктахъ Сибири, къ уровню моря, чѣмъ достигнется познаніе объ абсолютномъ распредѣленіи давленія атмосферы въ Средней Азій; распредѣленіе атмосферныхъ давленій есть непосредственная причина всѣхъ воздушныхъ теченій, отъ которыхъ зависятъ всѣ остальные метеорологическія явленія; между тѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстности высотъ мѣстъ наблюденій, сомнѣніе въ величинѣ абсолютныхъ давленій атмосферы надъ уровнемъ моря для Средней Азій доходитъ до *двухъ* дюймовъ. Для *топографіи* и *орографіи* Азій опредѣленіе абсолютной величины барометрическихъ высотъ также будетъ имѣть громадное значеніе, такъ какъ при одномъ только барометрическомъ опредѣленіи высотъ возможны ошибки въ 1,000 футъ. Далѣе данныя, добытыя при этой нивелировкѣ, не останутся безъ извѣстнаго вліянія при разрѣшеніи какъ нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ, касающихся области геологіи, ботаники и зоологіи, такъ и нѣкоторыхъ чисто практическихъ вопросовъ.

Въ виду такого важнаго значенія этой нивелировки и громаднаго протяженія около 3,000 в. отъ Урала и только до Байкала, комиссія полагала, что нивелировка должна быть произведена два раза, впередъ и назадъ, для того, чтобы результаты ея были достаточно надежными. При такихъ условіяхъ комиссія сочла необходимымъ расходомъ на производство нивелировки 16,000 рублей и самую работу предполагала распредѣлить на два года.

Хотя совѣтъ Общества и отнесся сочувственно къ докладу комиссіи, но, вѣроятно, вопросъ такъ и заглохъ бы или былъ бы отложенъ въ долгій ящикъ, за недостаткомъ средствъ, если бы на помощь Обществу вскорѣ же не откликнулась частная инициатива: благодаря пожертвованіямъ А. П. Варшавскаго, М. К. Сидорова и С. С. Полякова, въ 1875 году въ распоряженіи Общества для производства сибирской нивелировки имѣлся капиталъ въ 8,830 рублей. Это счастливое обстоятельство наряду съ удачнымъ предложеніемъ А. А. Тилло произвести нивелировку по швейцарскому способу, примѣненному уже у насъ при арало-каспійской нивелировкѣ и дающему весьма надежные результаты и при нивелированіи одинъ разъ, дало возможность обществу приступить къ работѣ въ томъ же 1875 году. Рѣшено было принять за начало нивелированія станицу Звѣриноголовскую Оренбургскаго каз. войска, крайнюю восточную точку, высота которой была опредѣлена тригонометрически; линію вести до Иркутска по почтовому тракту и раздѣлить ее на 5 участковъ, доставивъ каждый изъ нихъ одному лицу, для того, чтобы окончить работу въ одно лѣто. На первыхъ 4-хъ западныхъ участкахъ работа

была произведена подъ руководствомъ инженера путей сообщенія Н. В. Мошкова, участника арало-каспійской нивелировки, хорошо знакомаго съ швейцарскимъ способомъ; на пятомъ же участкѣ—частію учителемъ иркутской гимназіи Ф. Ф. Миллеромъ, частію подъ руководствомъ полковника Большева на средства окружнаго штаба Восточной Сибири.

Небольшая книжка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ результаты обработки громаднаго матеріала, добытаго при нивелированіи. Здѣсь послѣ описанія инструментовъ, которыми производилась работа, изложенія приѣмовъ наблюденія и ихъ провѣрки приведены въ рядѣ таблицъ абсолютныя высоты надъ уровнемъ моря тѣхъ мѣстъ, гдѣ были производимы наблюденія. Всѣ эти результаты потомъ представлены графически: въ концѣ на двухъ таблицахъ данъ профиль Сибири отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала въ масштабѣ для горизонтальныхъ разстояній — 10 верстъ и для высотъ — 20 саж. въ одномъ англійскомъ дюймѣ. Отъ станицы Звѣриноголовской, находящейся на высотѣ 45,9 саж. надъ уровнемъ моря, почва къ востоку вплоть до самаго Байкала постепенно повышается и уровень Байкала около с. Лиственичнаго достигаетъ 223 саж. абсолютной высоты. При ближайшемъ разсматриваніи этого профиля все пространство это раздѣляется на три плато, постепенно къ востоку возвышающихся одинъ надъ другимъ. Первое отъ станицы Звѣриноголовской простирается на 1,700 верстъ къ востоку; высота его колеблется отъ 40 сажень въ долинахъ рѣкъ до 100 сажень на болѣе выдающихся пунктахъ. Второе плато отъ деревни Сусловой Маринскаго округа простирается къ востоку, постепенно возвышаясь, на 800 верстъ до рѣчки *Камышетъ*, въ Нижнеудинскомъ округѣ; наименьшая высота этого плато въ долинахъ рѣкъ около 100 слишкомъ сажень (только уровень Енисея около Красноярска равенъ 64 саж.), болѣе же возвышенные пункты достигаютъ 150—200 саж. Третье плато простирается отъ рѣчки Камышетъ, въ Нижнеудинскомъ округѣ, на разстояніи почти 600 верстъ до озера Байкала. Абсолютныя высоты въ долинахъ рѣкъ этого плато достигаютъ 200 саж., болѣе же выдающіеся пункты 250—300 сажень надъ уровнемъ моря. Эти выводы изъ данныхъ нивелировки какъ разъ совпадаютъ съ тѣми хотя и общими представленіями, какія мы имѣемъ о геологическомъ строеніи Сибири: болѣе низкія части, какъ первое плато, захватывающее всю Западную Сибирь, покрыты новѣйшими образованіями, возвышенныя же части, т. е. Восточная Сибирь до Байкала, сложены изъ породъ древнѣйшаго происхожденія.

Нельзя не привѣтствовать этой работы, выполненной географическимъ Обществомъ, какъ начала и прочнаго основанія для дальнѣйшаго болѣе глубокаго и разносторонняго изученія Сибири въ физико-географическомъ отношеніи.

Я. М.

О золотопромышленности изъ сочиненія «Gold, its Occurrence and Extraction» А. Локка. Извлеченіе горнаго инженера **С. И. Серебренникова**. Статья первая. **Мѣсторожденія золота**. («Горный Журналъ», 1885 г., книги 11-я и 12-я).

Человѣкъ всегда боролся съ природою, всегда стремился подчинить себѣ ея стихійныя силы и заставить ихъ работать въ свою пользу, или, когда это было невозможно, старался изучить, по крайней мѣрѣ, законы ихъ дѣйствія и пользоваться результатами ихъ дѣятельности. Если можно было вѣтеръ изъ опаснаго врага на морѣ обратить въ своего покорнаго слугу, если страшную и разрушительную силу пара можно было заставить перевозить себя съ одного мѣста на другое, поднимать и переносить громадныя тяжести и готовить для человѣка ткани, одежду и проч., то нельзя заставить тѣ же силы природы приготовить сколько намъ угодно каменнаго угля, желѣзныхъ, мѣдныхъ, рудъ и проч. Въ этомъ случаѣ мы можемъ пользоваться только готовымъ запасомъ природныхъ богатствъ, не будучи въ состояніи увеличить абсолютнаго количества ихъ, выигрывая здѣсь только на раціональной эксплуатаціи и уменьшеніи расходовъ по разработкѣ. Золото всегда играло большую роль въ жизни человѣческихъ обществъ и какъ продуктъ потребления, и какъ средство обмѣна. Открытіе богатыхъ мѣсторожденій золота въ Южной Америкѣ, Калифорніи, Австраліи, Сибири имѣло извѣстное вліяніе на экономическую жизнь современныхъ народовъ и финансовую политику европейскихъ государствъ. Понятны, поэтому, та погоня за золотомъ, горячіе поиски его, какіе охватывали людей вслѣдъ за открытіемъ какого либо богатаго мѣсторожденія его. Не зная ничего ни о происхожденіи золота, ни объ условіяхъ залеганія его, люди на ощупь, въ потемкахъ бродили въ поискахъ за нимъ, и, растративъ громадныя средства большинство не добивалось никакого результата. Немудрено, если при такомъ положеніи дѣла выигрывали только отдѣльныя лица, обществу же эта золотая лихорадка приносила одинъ только вредъ, отрывая народъ отъ серьезнаго труда и тѣмъ деморализируя его. Только правильная раціональная, эксплуатація мѣсторожденій золота выведетъ золотопромышленность съ этого ложнаго пути, а наступитъ она только тогда, когда будетъ рѣшенъ наукою вопросъ о происхожденіи золота; только тогда можно будетъ знать, гдѣ искать золото и какъ искать его; только тогда золотопромышленность не будетъ носить характера азартной игры, какой она имѣетъ теперь, и только тогда она можетъ стать въ ряду необходимыхъ и полезныхъ отраслей народной промышленности, какою стали желѣзная, мѣдная и каменноугольная промышленность. Вывести золотопромышленность на этотъ истинный путь — задача ученыхъ и образованныхъ техникувъ. Въ Америкѣ и Австраліи, гдѣ около золотопромышленнаго дѣла стоятъ образованные люди, гдѣ мѣсторожденія золота хорошо изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи, существуетъ объ немъ богатая оригинальная литература. Познакомить съ однимъ изъ крупныхъ произведеній этой литературы, сочиненіемъ *А. Локка* и задаться цѣлью г. *Серебренникова*. Пока вышла только первая часть работы: «О мѣсторожденіяхъ золота», содержаніе

которой мы и изложимъ въ немногихъ словахъ для интересующихся этимъ вопросомъ читателей.

Существуетъ двѣ гипотезы относительно происхожденія мѣсторожденій золота. Одна принимаетъ для него огненное происхожденіе, т. е., что жильныя породы, въ которыхъ оно встрѣчается, были доставлены на поверхность изъ нѣдръ земли въ расплавленномъ огненно-жидкомъ состояніи; вмѣстѣ съ ними, изъ внутренности земли было доставлено и золото въ парообразномъ состояніи, которое и осѣло въ послѣдствіи среди этихъ жилъ въ видѣ листочковъ, ниточекъ и проч. на болѣе охлажденных частяхъ. Поэтому золото и можетъ быть найдено только въ такихъ коренныхъ мѣсторожденіяхъ и въ россыпяхъ, происшедшихъ механическимъ путемъ при разрушеніи ихъ. Другая гипотеза, болѣе поддерживаемая въ настоящее время, принимаетъ осадочное происхожденіе изъ растворовъ какъ для жильнаго золота, такъ и для встрѣчающагося въ россыпяхъ. Золото, по этому ученію, всюду распространено въ природѣ—оно заключается даже въ морской водѣ; такъ *Зонштадтъ* произвелъ рядъ изслѣдованій надъ водою залива Рамси и нашелъ, что въ одной тоннѣ содержится золота около 1 грана, или цѣнностію въ 1 долларъ на каждыя 25 тоннъ воды; золото найдено было также г. *Дентри* въ рудничныхъ водахъ. Далѣе многочисленными опытами *Дентри*, *Вилькинсона* и друг. выяснено, что золото изъ растворовъ своихъ солей восстанавливается въ присутствіи органическаго вещества, вокругъ котораго оно и осаждается въ металлическомъ видѣ. Что эти же процессы совершаются и въ лабораторіи природы, доказывается нахожденіемъ золота въ деревянныхъ рудничныхъ крѣпяхъ, при такихъ условіяхъ, гдѣ механическое занесеніе его туда было невозможно. Все это показываетъ, что золото играетъ такую же роль въ процессахъ минеральной жизни горныхъ породъ, какая принадлежитъ, напримѣръ, и желѣзу; вода, растворивъ его, переноситъ съ суши въ море, а тамъ оно, осаждаясь въ присутствіи органическаго вещества на дно морское, выступаетъ въ послѣдствіи вмѣстѣ съ поднятіемъ дна снова на поверхность земли. Разсѣянное по лицу земли повсюду, въ крайне ничтожныхъ, неувидимыхъ химическимъ анализомъ количествахъ, благодаря метаморфизму горныхъ породъ, при благоприятныхъ условіяхъ золото, иногда также совместно съ другими металлами, концентрируется или въ настоящихъ жилахъ, содержащихъ его иногда до 50%, или отлагается въ кварцевыхъ жилахъ, или же, наконецъ, встрѣчая на своемъ пути уже готовыя россыпи золота, происшедшія механическимъ путемъ, обогащаетъ ихъ, выдѣляясь изъ раствора и осаждаясь на небольшихъ зернышкахъ золота и тѣмъ увеличивая ихъ въ размѣрѣ. Только такимъ путемъ, безъ натяжекъ, можно объяснить нахожденіе въ россыпяхъ громадныхъ по вѣсу самородковъ золота и болѣе высокую пробу шлиховаго сравнительно съ пробой жильнаго золота.

Характеръ и размѣры нашей замѣтки не позволяютъ далѣе останавливаться на этомъ вопросѣ и привести дальнѣйшія основанія и доводы про и contra той или другой изъ этихъ гипотезъ. Интересующіеся могутъ найти ихъ въ книгѣ г. *Серебрянникова*. Нельзя не замѣтить

только, что окончательное принятіе той или другой изъ нихъ зависитъ еще отъ дальнѣйшихъ наблюденій въ полѣ и опытовъ въ лабораторіи. Чѣмъ разностороннѣ будутъ эти наблюденія, чѣмъ въ большемъ количествѣ мѣстностей они будутъ произведены, тѣмъ скорѣе вопросъ и можетъ быть рѣшенъ положительно въ пользу той или другой изъ нихъ.

Сибирь, съ ея массою золотоносныхъ росыпей, представляетъ въ этомъ отношеніи богатое поле для наблюденій. Поэтому-то мы и обращаемъ вниманіе нашихъ золотопромышленниковъ и людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, на статью г. *Серебренникова*, гдѣ они могутъ познакомиться хотя въ извлеченіи съ работами по этому вопросу иностранныхъ геологовъ, такъ какъ въ нашей, русской, литературѣ совсѣмъ нѣтъ самостоятельныхъ работъ, касающихся его. Жаль только, что г. *Серебренниковъ* не переработалъ систематически сочиненія *А. Локка*, а то его статья мѣстами носитъ отрывочный характеръ, и читатель часто теряетъ поэтому мысль, которая развивалась ранѣе; какъ на примѣръ этого, можно указать на страницы 8—12; этимъ же обусловливается повтореніе одного и того же нѣсколько разъ; нельзя не поставить въ упрекъ также употребленія терминовъ, значенія которыхъ ранѣе авторъ не объяснилъ, и неточности языка; все это ограничить, къ сожалѣнію, кругъ читателей его книги. Въ заключеніе нельзя не указать на курьёзъ, случившійся съ редакціей «Горнаго Журнала», на страницахъ котораго статья г. *Серебренникова* была первоначально напечатана. Работа профессора Ньюберри о генезисѣ и распредѣленіи золота, изложеніе которой у г. *Серебренникова* заняло стр. 51—60, была напечатана почти дословно на страницахъ того же журнала въ 1882 году, VI книгѣ, стр. 337—350! Я. М.

Записки западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества. Книжка VII. Вып. I. Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область, Никольскаго, и о находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ города Тюмени, Словцова. Вып. II. Отчетъ западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества за 1884 годъ. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Отдѣла за 1884 годъ.—Киризы, этнологическій очеркъ, Зеланда.—Путевыя замѣтки объ озерахъ Сартланѣ, Дьяконова.—Смѣсь: Мѣсторожденіе каменнаго угля въ окрестностяхъ Зайсанскаго поста, Игнатѣева. О теплой травѣ, Соломина. Наблюденія изъ жизни наѣкомыхъ, Путилова. Нѣсколько словъ о сорныхъ травахъ хлѣбныхъ растений, Гольде.

Слѣдя за выдающимися работами западно-сибирскаго Отдѣла географическаго Общества, мы въ свое время давали отчеты о всѣхъ его экспедиціяхъ. Двѣ новыя книги «Записокъ» обогатились отчетомъ г. Никольскаго объ экспедиціи на озеро Балхашъ, снаряженной Отдѣломъ, и блестящими работами И. Я. Словцова, представившаго обстоятельный отчетъ о раскопкахъ и находкахъ, сдѣланныхъ имъ близъ озера Андреевскаго. Это—любопытное и счастливое открытіе остатковъ каменнаго вѣка въ Сибири, множество рисунковъ орудій и посуды ил-

люстрируетъ этотъ отчетъ. Къ сожалѣнію, напрасно Отдѣлъ поспешилъ и предпочелъ мѣстную литографію, сдѣлавшую рисунки очень слабо. Открытіе каменнаго вѣка и рядомъ описаніе продуктовъ гончарнаго дѣла этой эпохи представляетъ огромный научный интересъ и составляетъ важный вкладъ для мѣстной археологіи. Этнографическій очеркъ о киргизахъ Зеланда представляетъ болѣе интереса своимъ антропологическимъ матеріаломъ. Исслѣдованія г. Дьяконова о Сартланѣ подтвердили фактъ уменьшенія и обмелѣнія озеръ сибирской низменности, уже констатированный вообще на Чанскихъ озерахъ. Изъ отчетовъ и протоколовъ засѣданій Отдѣла видѣнъ рядъ вопросовъ, обсуждавшихся Отдѣломъ и намѣчаемыхъ имъ экспедицій. Въ числѣ этихъ экспедицій и исслѣдованій заслуживаютъ вниманія поѣздка г. Адріанова, его раскопки, экспедиція г. Клеменца въ Минусинскомъ округѣ и другія предпріятія. Изъ матеріаловъ, собранныхъ о бытѣ и жизни крестьянства, готовятся къ печатанію въ «Запискахъ» очерки и исслѣдованія г. Петропавловскаго въ Ишимскомъ округѣ. Нельзя не замѣтить, что въ Отдѣлѣ накаплиется все болѣе цѣннаго матеріала, и въ этомъ отношеніи дѣятельность его для края приноситъ неоцѣненную заслугу. Поэтому высказанныя сѣтованія въ его засѣданіяхъ о томъ, что наука не удовлетворяетъ практической жизни, едва ли имѣли смыслъ. Отдѣлъ, какъ представитель науки въ Сибири, долженъ давать мѣсто всѣмъ отраслямъ знанія, и съ этой точки зрѣнія будетъ оцѣниваться его широкое и плодотворное научное значеніе.

Извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества. Томъ XVI, №№ 1, 2 и 3 1885 г. Иркутскъ 1886 года. Содержаніе: 1. Краткій отчетъ о геологическихъ экскурсіяхъ, совершенныхъ на средства восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества въ 1883 и 1884 годахъ. В. Златновскаго. 2. Поѣздка въ Монголію Я. П. Дуброва, гл. XIV—XXII. 3. Естественно-историческія наблюденія и замѣтки, дѣланныя на пути отъ г. Иркутска до с. Преображенскаго на рѣкѣ Нижней Тунгускѣ. 4. Разныя извѣстія: Пища якутовъ. — Могила Карабаяна. — Письмо Г. Н. Потанина на имя В. П. Суначева изъ Саньчуаня.

Прежде всего извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла измѣнили съ этого года форматъ и вмѣсто ливрезоновъ начали выходить книжками. Переимѣну эту мы находимъ къ лучшему. Большая часть книжки занята статьей г. Дуброва (214 страницъ). Въ этомъ географическомъ дневникѣ найдется немало интереснаго для географа и этнографа, хотя, къ сожалѣнію, это дневникъ, весьма мало обработанный и представляющій сырой матеріалъ. Намъ кажется, что матеріалъ этотъ гораздо болѣе выигралъ бы, если бы подвергся предварительной обработкѣ.

Со вступленіемъ Отдѣла въ новый физическій дѣятельности подъ руководствомъ новаго предсѣдателя и секретаря М. Я. Писарева, будемъ ожидать, что составъ книжекъ улучшится и дѣятельность Отдѣла оживится.

Библиографическій списокъ книгъ и брошюръ о Сибири за 1884—1885 и 1886 годъ до 1-го апрѣля.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. VII. Восточная Азія: Китайская имперія, Корея и Японія. Съ 19 рис. и карт. Спб., 1885. Ц. 8 р.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. VIII. Индія и Индо-Китай. Спб. 1885.

Романовскій, Г. Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края. Вып. 2-й Историческая геологія: палеонтологическій характеръ осадочныхъ образованій западнаго Тянь-Шаня и Туранской низменности. Спб., 1884.

Отчетъ о засѣданіяхъ Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. Спб.

Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ остякомъ, сочиненное Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884.

Аврамовъ, В. Очеркъ золотопромышленности Олекмы. Барнауль. 1884. Ц. 2 р.

Сибирская желѣзная дорога. Возраженіе противникамъ и защита нижегородско-екатеринбургскаго направленія.

Соединеніе Россіи съ Сибирью. Краткій сводъ данныхъ для направленія самаро-уфимскаго. Спб. 1884. Ц. 1 р.

Б—ій, Н. Сибирская желѣзная дорога съ точки зрѣнія государственной, экономической, купца Милютина. Казань. 1884.

Записки уральскаго Общества любителей естествознанія. Т. VII. Вып. 4. Екатеринбургъ. 1884.

Туркестанская справочная книга съ календаремъ на 1885 годъ. Ташкентъ. 1884. Ц. 1 р.

Фейнингъ, В. Докладная записка о мѣрахъ къ увеличенію русскаго населенія въ Приморской области и развитію въ ней рынка для сбыта произведеній русской промышленности въ Китай, Японію и Корею. Спб. 1884.

Эвальдъ, Э. Сводъ экономическихъ соображеній о сибирской желѣзной дорогѣ. Спб. 1884.

Венюковъ, П. Н. О нѣкоторыхъ базальтахъ Сѣверной Азіи. (Изъ геологическаго кабинета С.-Петербургскаго университета). Спб. 1884.

Августовскій, И. Объ-енисейскій соединительный путь и значеніе водянаго сообщенія отъ Байкала до Оби, съ картою. Спб. 1885.

Алтай и его минеральныя богатства. Народное чтеніе кіевского Общества грамотности. Кіевъ. 1885.

Б. Л. А. Подъ Кульджей. Изъ воспоминаній походной жизни въ Средней Азіи. Харьковъ. 1885. Ц. 50 к.

Восточно-сибирскій календарь на 1885 годъ, съ приложеніемъ рисунковъ. Иркутскъ. 1884.

Сѣверо-западная Сибирь и народы, въ ней кочующіе. Народное чтеніе кіевского Общества грамотности. Кіевъ. 1885.

Лукинъ, А. Будущія желѣзныя дороги изъ Европейской Россіи въ Азію. Спб. 1885.

Клеръ, О. Замѣтки о нѣкоторыхъ доисторическихъ предметахъ, найденныхъ въ Уральскомъ краѣ. Екатеринбургъ. 1884.

Ольсовъ, В. Сборникъ пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ Камышловскомъ уѣздѣ. Екатеринбургъ. 1884.

Первое дополненіе къ «Сборнику поговорокъ и пословицъ Ольсова» Екатеринбургъ. 1884.

Сорокинъ, Н. Матеріалы для флоры Средней Азіи. М. 1884.

Бьялевъ, А. Воспоминанія декабриста.

Блюммеръ, Л. П. На Алтаѣ.

Амуръ и Уссурийскій край. Съ портретомъ гр. Муравьева-Амурскаго. Спб. 1885. Ц. 30 к.

Серповскій, Н. Переселенія въ Россіи въ древнее и новое время и ихъ значеніе въ хозяйствѣ страны. Ярославль. 1885.

Записки надворнаго совѣтника А. Филиппеуса о Камчаткѣ и портахъ Охотскаго моря. Спб. 1885.

Ефимовъ, И. Хозяйство И. В. Ефимова близъ Томска. Спб. 1885.

Вопросы православной миссіи въ Сибирѣ.

Субботинъ. Россія и Англія на среднеазиатскихъ рынкахъ. Спб. 1885. Ц. 75 к.

Штукенбергъ. Матеріалы для изученія фауны девонскихъ осадковъ Сибирѣ. Казань. 1885.

Амурскій и Уссурийскій край. М. 1885.

Очеркъ Афганистана съ картами юго-западной Туркменіи и Афганистана. Спб. 1886.

Стрѣлокъ и Чистое Серебро. Богатырская поэма минусинскихъ тюрковъ. Перевелъ Катановъ. Спб. 1885.

Тобольскъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII ст. М. 1885.

Вашкевичъ, В. Мамонты въ Восточной Сибирѣ. Спб. 1885.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг., съ портретомъ и рисунками. Спб.

Потанинъ, Г. Н. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Спб. 1885.

Юргенъ, Н. Экспедиція къ устью рѣки Лены съ 1881 по 1885 годъ. Спб. 1885.

Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. Радловымъ. Часть 5-я. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885.

Сибирскіе мотивы. Спб. 1886.

Параша Сибирячка, романъ въ 4-хъ частяхъ изъ временъ сказочныхъ. М. 1886.

Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. 2 тт. Спб. 1882 и 1885 Ц. 4 р.

Лисневскій, В. Горные лѣса Ферганской области. Спб. 1885.

Шренкъ, Л. Объ экспедиціи, снаряженной Императорской академіей наукъ на Новосибирскіе острова и въ Пріанскій край. Спб. 1885.

Мефъ, С. Центральная Азія. М. 1886.

/2

Союзы киргизъ-кайсаковъ. Историческій очеркъ. Спб. 1886.

Мушкетовъ, И. Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествія съ 1874 по 1880 годъ. Спб. 1886.

Сланцовъ, А. И. Рѣка Аму-Дарья и древнее соединеніе ея съ Каспійскимъ моремъ.

Памятная книжка Томской губерніи на 1885 годъ. Изданіе томскаго статистическаго комитета. Томскъ. 1886. Ц. 2 р.

Чудновскій, С. Енисейская губернія къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири. Статистическо-экономическій этюдъ. Томскъ. 1885.

Гильдеръ, У. Во льдахъ и сѣтяхъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57 гравюрами. Переводъ В. Н. Майнова. 276 стр. 8°. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столѣтій. Нерчинскъ. Селенгинскъ. Якутскъ. 146 стр. 4°. М. 1886.

Васильевъ, Е. Горнозаводская производительность Россіи въ 1883 году. Составлена по officialнымъ источникамъ. Спб. 1885. 473 стр. 8°.